

2/68
23,

801-14
1496

РУССКІЕ
Народные Представители

ВЪ АНГЛІИ и ФРАНЦІИ

лѣтомъ 1909 г.



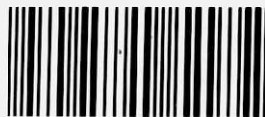
ПРЕДИСЛОВІЕ.

Состоявшаяся лѣтомъ 1909 года поѣздка членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта въ Англію и короткій визитъ ихъ во Францію вызвали злобныя нападки и высмѣиванія со стороны органовъ крайнихъ партій, какъ справа, такъ и слѣва. Упорно отрицая значеніе поѣздки нашихъ. И право ея участниковъ на представительство русскаго народа, какъ въ Россіи, такъ въ особенности за предѣлами ея, авторы этихъ статей самою страстностью своихъ нападокъ доказывали какъ разъ то, что такъ упорно отрицали. Дѣйствительно, если бы поѣздка не имѣла значенія, и ѣздили простые самозванцы, то о ней и о нихъ не стоило бы много и говорить.

Хотя газеты и сообщали своевременно главнѣйшіе моменты поѣздки, но эти свѣдѣнія, разбросанныя по отдѣльнымъ номерамъ газетъ, не даютъ полной и цѣльной картины, которая одна можетъ служить надлежащимъ основаніемъ для правильнаго сужденія. Въ твердой увѣренности, что этотъ визитъ русскихъ народныхъ представителей не останется безъ отвѣтнаго визита англійскихъ парламентаріевъ, подобно тому какъ мы уже имѣли удовольствіе принимать отвѣтный визитъ французскихъ сенаторовъ и депутатовъ, и не будетъ послѣднимъ; что и мы русскіе примемъ все болѣе развивающійся и укрѣпляющійся обычай народныхъ представителей различныхъ странъ обмѣниваться визитами, и тѣмъ способствовать сглаживанію многихъ шероховатостей и устраненію многихъ недоразумѣній въ международныхъ отношеніяхъ, я считаю полезнымъ и своевременнымъ издать настоящія свои воспоминанія о поѣздкѣ.

Для составленія этого очерка я пользовался своими письмами къ семьѣ, писанными изъ Франціи и Англіи, а также многочисленными вырѣзками изъ англійскихъ и русскихъ газетъ. Всѣ почти рѣчи я привожу по отчетамъ англійскихъ газетъ, при чемъ, однако, для легкости языка я вынужденъ былъ изложить ихъ въ первомъ лицѣ, а не въ косвенной рѣчи, отъ 3-яго лица, какъ это сдѣлано въ англійскихъ газетахъ. Корреспонденты англійскихъ газетъ не передавали рѣчей, произнесенныхъ на французскомъ языкѣ, поэтому я не могъ привести рѣчей Стаховича, Монтвилла и Максудова, которые говорили въ Англіи по французски. Рѣчи, произнесенныя на банкетѣ въ Парижѣ изложены мною по бюллетеню общества Conciliation Internationale (международное примиреніе), посвященному нашему пріѣзду во Францію. Я старался быть возможно болѣе объективнымъ и дать подробное изложеніе фактовъ, чтобы читатель могъ самъ составить себѣ безпристрастное мнѣніе о значеніи и возможныхъ послѣдствіяхъ поѣздки.

Ив. Ефремовъ.



2007057416

ГЛАВНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
5	32	занятіями	занятіями
10	28	Пелеграфъ	Телеграфъ
18	38	Стэнгопъ	Стенгопъ
23	5	святаго	Святаго
"	17	партій, онъ	партій. Онъ
31	17—18	этого	того
35	11	огорченный	огорченъ
36	19	Монтвилъ	Монтвилль
37	32	Мокси	Мэкси
41	24	Викинтъ	Виконтъ
"	36	среди и устроения	среди устроения
46	31	заранѣе насъ	заранѣе: насъ
57	40	во главѣ	въ главѣ
62	21	Въ концѣ объѣда	По окончаніи завтрака
63	10	обрамленномъ	обрамленнымъ
"	21	духовныхъ, помоложе-	духовныхъ помоложе,
66	10	Е. И. Звегинцевой	Е. М. Звегинцевой.
73	8	изъ насъ	изъ васъ
91	21	выраженные ими	выраженная имъ,
93	25	Дукинфильдомъ	Дукинфильдомъ
94	33	нами	ними
"	33—34	Лейстъ	Лейтъ
97	22	Дарней	Дарнлей
100	20	поддержавъ	поддержавъ
116	34	помѣщавшимся	помѣщавшемся
117	28	Полланъ	Поллокъ
"	29	Страчеу... Мекси	Страчей... Мэкси
118	35	надѣюсь собраніе	надѣюсь, что собраніе
119	22	достомятномъ	достопамятномъ
120	23	не ея	на ея
"	35	чило	число
"	39—40	зависитъ	зависятъ
121	14	государственныхъ	государственныхъ и
"	25	перешло	перешла
128	9	Брайти	Бранса
130	10	стороты	стороны
137	13	Спиктерора	Спиктетора
"	26	гостей	частей
"	27	вольностями	вольностями
"	33	Миллюковъ, Асквиль-	Миллюковъ; Асквиль
138	35	23 Юля	23 Юния
141	4—5	Констанъ	Констану
"	14	выгоднаго	выгоднаго
144	3	знакомствъ	знакомствъ
"	20	старый	старшій
147	18	замѣнившій	замѣнившего
151	14	союза	союзъ.
152	8	выражаю	я выражаю
154	31	Констанъ	Констану
155	10	его	своемъ
"	13—14	какіе	какія
"	32	Бойеръ	Бойеръ
156	8	Поль Айе	Поль Аизъ.
158	13—14	директоръ	директоръ Сѣверной ж. д.
161	15	Байера	Бойера

Уирдэль вездѣ должно быть напечатано черезъ з, а меръ вездѣ черезъ е.

ГЛАВА I.

Англійская культура, англійское самоуправленіе, основанныя на уваженіи человѣческой личности, на ея самостоятельности и самодѣятельности, всегда имѣли болѣе или менѣе горячихъ поклонниковъ въ русскомъ обществѣ. Шекспиръ и Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ и Диккенсъ, равно какъ Бокль и Маколей, Миль и Дарвинъ, Рескинъ и Гладстонъ были близки и дороги всѣмъ, сколько нибудь, культурнымъ русскимъ.

А между тѣмъ долго существовало отчужденіе, даже прямая открытая враждебность не только между Англійей и Россіей какъ государствами, но даже и между населяющими ихъ двумя народами. Причины такого положенія надо искать въ продолжительномъ невѣрномъ направленіи международной политики какъ нашей такъ и, въ особенности, англійской; въ противоположности нашего государственнаго устройства, основаннаго на подчиненіи личности государству, на подавленіи ея самодѣятельности всепроникающей опекой централизованныхъ правительственныхъ органовъ; и, наконецъ, въ недостаточномъ знакомствѣ русскихъ правящихъ классовъ съ эволюціей англійскихъ общественныхъ силъ и англійскаго общественнаго мнѣнія, и въ полномъ невѣжествѣ Англійи по отношенію къ Россіи.

Чтобы не быть голословнымъ въ послѣднемъ отношеніи, я приведу свидѣтельство англичанина, прожившаго нѣсколько лѣтъ въ Россіи и написавшаго книгу о русскомъ крестьянствѣ: The Russian Peasant Говарда П. Киннарда (Howard P. Kennard, M. D.).

„Россія“! Самое слово дышитъ тайной для безчисленныхъ массъ, говоритъ Киннардъ: Франція, Германія, Индія, Японія, Америка, Африка, Австралія, даже Китай все это страны извѣстныя людямъ; но Россія приводитъ въ недоумѣніе, ро-

ждая ощущение глубокой неизвестности и громадности, вызывая въ мозгу идеи деспотизма, невѣжества и крѣпостного состоянія“.

Какъ это напоминаетъ блестящую сатиру Caran d'Ach'a „A la découverte de la Russie“, рассказывающую, какъ три знаменитыхъ Европейскихъ ученыхъ задумались надъ странностью того положенія, что полярныя страны и нѣдра чернаго материка уже изслѣдованы, а подъ бокомъ Европы есть громадная невѣдомая страна называемая Россіей, задумались и рѣшились отправиться открывать эту никому невѣдомую страну.

Въ первые годы двадцатаго столѣтія произошелъ рядъ событій, громадной важности. Военная мощь Японіи, морское могущество Германіи, идущее въ слѣдъ за пресловутымъ „Made in Germany“, совершенно измѣнили соотношенія силъ на міровомъ международномъ полѣ общенія и дѣятельности. Съ другой стороны, Россія изъ традиціонной защитницы принципа абсолютизма превратилась въ державу конституціонную, признавшую, какъ и всѣ Европейскія державы, начала представительнаго строя.

Неискоренимая, казалось, подозрительность и враждебность между Англіей и Россіей смѣнились соглашеніемъ по ряду вопросовъ. А къ вѣчно больному воспоминанію о тяжелой обидѣ народному чувству, нанесенной „честнымъ маклеромъ“ на Берлинскомъ конгрессѣ, присоединилось новое тяжелое униженіе передъ „традиционнымъ другомъ“ по поводу аннексии Босніи и Герцеговины. Въ то же время въ послѣднемъ вопросѣ, какъ въ вопросѣ Критскомъ, какъ въ вопросѣ Персидскомъ, Англія и Россія дѣйствовали согласно.

Почва для Англо-Русскаго сближенія создавалась постепенно, и въ обѣихъ странахъ крѣпло сознание его пользы, его необходимости. Это дало мнѣ поводъ напечатать въ „Словѣ“ 8-го Октября 1908 года замѣтку, въ которой я говорилъ, между прочимъ:

„Совмѣстность дѣйствія съ Англіей, въ союзѣ съ Франціей возстановляетъ утраченное значеніе наше и силу на Ближнемъ Востокѣ и съ очевидностью показываетъ, въ какую сторону долженъ въ ближайшемъ будущемъ направлять нашу виѣшнюю политику „здоровый государственный эгоизмъ“. Съ Англіей у насъ не только нѣтъ теперь серьезныхъ столкно-

веній интересовъ, наоборотъ есть цѣль общихъ задачъ и общихъ опасностей. Раньше бывшія причины раздора между „Медвѣдемъ и Китомъ“ были въ значительной мѣрѣ созданы излишней подозрительностью обѣихъ странъ, и малой освѣдомленностью каждой изъ нихъ объ истинныхъ интересахъ, стремленіяхъ и чувствахъ другой. Первая причина враждебности и недоразумѣній между англійской и русской націями теперь болѣе не существуетъ; уничтожить вторую—въ значительной мѣрѣ во власти представителей русскаго народа.

Отъ членовъ Государственной Думы должна исходить инициатива установленія прямыхъ сношеній съ членами англійскаго парламента для взаимнаго ознакомленія и согласованія дѣйствій.

Теперь было бы въ высшей степени своевременно приступить къ организаціи поѣздки членовъ Государственной Думы въ Англію. Познакомившись, обмѣнявшись взглядами съ членами англійскаго парламента, они пригласили бы послѣднихъ пріѣхать въ Россію, что дало бы имъ возможность узнать, рядомъ съ официальной Россіей, еще и нарождающуюся Россію народную и убѣдиться, что и съ этой Россіей, и гораздо легче, чѣмъ съ Россіей официальной, англійская нація можетъ договориться до справедливаго соглашенія, ко взаимной выгодѣ и благополучію“.

Идея англо-русскихъ поѣздокъ возникла еще раньше, и горячимъ борцомъ за нее явился профессоръ русскаго языка и русской литературы въ Ливерпульскомъ университетѣ докторъ Бернгардъ Персъ, опредѣлившій свое отношеніе къ Россіи и русскимъ въ своемъ отвѣтѣ королю Эдуарду во время пріема членовъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы въ Букингѣмскомъ дворцѣ, сказавъ, что онъ жилъ въ Россіи, узналъ русскихъ, а узнавъ ихъ, ихъ нельзя не полюбить.

Въ качествѣ корреспондента англійскихъ газетъ проф. Персъ подолгу живалъ въ Россіи, внимательно слѣдилъ за освободительнымъ движеніемъ и первыми шагами народнаго представительства. Онъ неоднократно высказывалъ членамъ Государственной Думы свои мысли о необходимости культурнаго сближенія нашихъ странъ и народовъ. Какъ на важное средство къ достиженію этой цѣли онъ указывалъ на обмѣнъ визитами между политическими и общественными дѣятелями,

между учеными и учащимися, между промышленниками и торговцами и т. д. обѣихъ странъ. Эти мысли встрѣчали горячее сочувствіе среди многихъ членовъ Думы безъ различія партій, какъ напримѣръ: Милюкова, Шингарева, Н. Н. Львова, Ефремова, Петрово-Соловово, Звегинцева, Шидловскаго и много другихъ.

Само собою понятно, что первый визитъ русскихъ въ Англію долженъ былъ быть, если и не официальнымъ визитомъ, то все-же визитомъ официальныхъ представителей русскаго народа, т. е. членовъ Государственной Думы и выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Принимающими же русскихъ гостей въ Англіи должны были быть виднѣйшіе, а слѣдовательно, по англійскимъ условіямъ, и отвѣтственные представители различныхъ отраслей англійской общественной жизни. Только при такихъ условіяхъ становилось ясно, что англійскій народъ принимаетъ русскій народъ въ лицѣ его представителей; подобно тому какъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Пишонъ на обѣдѣ данномъ въ нашу честь французскими сенаторами и депутатами привѣтствовалъ въ нашемъ лицѣ отъ имени правительства Франціи весь русскій народъ.

Съ другой стороны было совершенно ясно, что въ конституціонную, парламентскую Англію могутъ ѣхать (въ качествѣ народныхъ представителей Россіи) только люди, признающіе установленіе представительнаго конституціоннаго строя въ Россіи принципиально совершившимся фактомъ и мыслящіе отнынѣ Россію лишь какъ конституціонную монархію.

Никакихъ споровъ и сомнѣній о томъ, есть ли у насъ „слава Богу“ конституція, или ея „слава Богу“, или „не слава Богу“ нѣтъ, между нами въ Англіи, конечно, быть не могло.

Лишь послѣ того, какъ общность взглядовъ по всѣмъ этимъ вопросамъ была надлежащимъ образомъ выяснена и установлена, и вполне опредѣлилось сочувственное отношеніе къ нашей поѣздкѣ какъ въ Англіи, такъ и въ Россіи, настало время перейти къ формальному приглашенію и къ формальному же обѣщанію пріѣхать въ Англію.

Въ самомъ концѣ Мая на имя предсѣдателя Государственной Думы было прислано письмо слѣдующаго содержанія:

„Милостивые государи! Нижеподписавшіеся просятъ васъ

принять ихъ сердечное приглашеніе посѣтить Англію совместно съ другими выдающимися представителями законодательной власти, которымъ уже послано подобное же приглашеніе. Наше приглашеніе—сердечное „добро пожаловать“ со стороны англійскаго общества обществу русскому. Намъ кажется, что пріѣздъ членовъ Думы, принадлежащихъ къ различнымъ оттѣнкамъ политической мысли, будетъ благоприятнымъ началомъ для болѣе тѣсныхъ отношеній обѣихъ націй.

„Подписавшіе это приглашеніе не являются представителями какого-нибудь одного политическаго направленія. Однако они надѣются, что вѣрно выражаютъ то расположеніе къ русскому народу, которое питаютъ въ Англіи люди различныхъ круговъ и интересовъ. Мы просимъ васъ обсудить пригодный для посѣщенія срокъ, принять это приглашеніе общественныхъ организацій Англіи“.

Участники поѣздки отвѣтили слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивые государи! Нижеподписавшіеся съ благодарностью принимаютъ ваше любезное приглашеніе и сочтутъ за честь посѣтить Англію. Мы увѣрены, что это посѣщеніе приведетъ къ болѣе широкому развитію той симпатіи, которую питаютъ къ Англіи русскіе люди различныхъ классовъ и положеній; мы просимъ передать нашу глубокую благодарность за высокоцѣнное намъ предложеніе общественныхъ организацій Англіи“.

Отъѣздъ нашъ былъ назначенъ на 5 Іюня, черезъ 3 дня по окончаніи сессіи Государственной Думы.

Къ этому же времени окончательно выяснилась невозможность для большинства изъ насъ связать съ поѣздкой въ Англію и парламентскій визитъ во Францію. Тутъ играла роль переутомленность послѣ долгой сессіи, необходимость заняться своими частными дѣлами, заброшенными во время думской работы, необходимость полечиться, наконецъ прямое отсутствіе времени, такъ какъ Н. А. Хомякову, напримѣръ, пришлось даже уѣхать изъ Англіи, не выполнивъ всей программы англійскихъ пріемовъ, чтобы поспѣть на Полтавскія торжества.

Полнота, разнообразіе и продуманность англійской программы были также важной причиной, заставившей насъ отложить свою поѣздку во Францію. Мы считали необходи-

мымъ, чтобы первый официальный парламентскій визитъ нашъ дружественной и союзной Франціи былъ достойно обставленъ и не казался жалкимъ по сравненію съ англійскимъ; а за отсутствіемъ своевременной организаціи такой пріемъ не могъ быть устроенъ во Франціи въ Іюнь 1909 г.

Мысль о поѣздкѣ членовъ Государственной Думы въ Парижъ была впервые официально высказана членомъ Государственной Думы Максудовымъ во время имъ же организованнаго собранія русскихъ и французскихъ членовъ Междупарламентской конференціи мира и третейскаго суда въ Берлинѣ въ 1908 г. Желательность поѣздокъ общественныхъ дѣятелей русскихъ во Францію и французскихъ въ Россію была тогда же признана всѣми присутствующими, высказавшими пожеланіе организовать спеціальныя для этого комитеты, какъ въ Государственной Думѣ, такъ и во французскомъ парламентѣ.

Зимой 1908—9 года одинъ изъ участниковъ этого собранія, депутатъ Поль Менье писалъ Максудову, что многіе сенаторы и депутаты сочувствуютъ организаціи Франко-Русской парламентской группы. Посоветовавшись съ русскими участниками собранія, бывшего въ Берлинѣ, Максудовъ отвѣтилъ ему, что организующаяся (нынѣ организованная) русская группа Междупарламентскаго Союза вступить въ непосредственныя сношенія съ французской группой. Весною Максудовъ сообщилъ своему корреспонденту о подготавливаемой поѣздкѣ въ Англію и предположительно о возможности для нѣкоторыхъ ея участниковъ заѣхать во Францію. Менье телеграфировалъ, что французскіе депутаты пришлютъ намъ формальное приглашеніе, какъ только выяснится для насъ своевременность и удобство осуществить это предположеніе.

Не считая возможнымъ, какъ уже сказано раньше, спѣшно осуществить надлежащее торжественное посѣщеніе Франціи, мы сообщили объ этомъ Полю Менье; меня же товарищи по поѣздкѣ уполномочили поѣздомъ черезъ Парижъ переговорить съ Менье, сенаторомъ д'Эстурнель де-Констаномъ и другими французскими организаторами парламентскихъ визитовъ о предварительномъ частномъ свиданіи нашемъ съ ними въ Парижѣ на обратномъ пути изъ Англіи.

Вслѣдствіе этого я выѣхалъ изъ Петербурга въ послѣдній день засѣданій Государственной Думы 2 Іюня, про-

водилъ семью въ Люцернъ и заѣхалъ на одинъ день въ Парижъ. Здѣсь я прежде всего отыскалъ Менье и убѣдился, что имъ въ сущности ничего не подготовлено къ нашему пріему. Отъ него же я узналъ, что дѣйствительно, какъ я объ этомъ догадывался изъ своей переписки съ генеральнымъ секретаремъ Французской палаты депутатовъ Пьеромъ, во Франціи двѣ соперничающихъ парламентскихъ группы, преслѣдующихъ ту же цѣль: пропаганду международнаго сближенія и третейскаго разбирательства споровъ между государствами. Старшая изъ этихъ группъ, составляетъ часть Междупарламентскаго Союза, находится подъ предсѣдательствомъ старика сенатора Лабиша, малочисленна и малодѣятельна. Вторая, насчитывающая до 500 членовъ среди сенаторовъ и депутатовъ, находится подъ руководствомъ сенатора д'Эстурнель де-Констана, энергичнѣйшаго поборника международнаго сближенія, отнюдь не упускающаго однако, изъ виду благо своей родины и выдающаго въ своей пацифистской пропагандѣ способъ служенія, не только человѣчеству и культурѣ вообще, но прежде всего родной Франціи. Д'Эстурнель былъ однимъ изъ делегатовъ Франціи на Гаагской конференціи, онъ же вступилъ въ сношеніе съ первой Государственной Думой и приглашалъ ее прислать своихъ представителей на Лондонскую конференцію Междупарламентскаго Союза въ 1906 году. Сенаторъ д'Эстурнель ѣздилъ въ Берлинъ, былъ принятъ Императоромъ Вильгельмомъ, и много поработалъ надъ смягченіемъ напряженности Франко-Германскихъ отношеній. Я не засталъ его въ Парижѣ, но узналъ, что онъ хотѣлъ меня видѣть и очень интересуется организаціей обмѣна визитами между народными представителями Франціи и Россіи.

Менье познакомилъ меня съ депутатомъ виконтомъ де-ла Батю (de la Batut), являющимся связующимъ звѣномъ между двумя группами, такъ какъ онъ въ обѣихъ состоитъ товарищемъ предсѣдателя. Онъ же вмѣстѣ съ сенаторомъ Лабишъ является представителемъ Франціи въ Совѣтѣ Междупарламентскаго Союза. Я условился переписываться съ ними изъ Лондона и установить такимъ образомъ подробности нашего предварительнаго, ознакомительнаго такъ сказать, посѣщенія Парижа на обратномъ пути въ Россію.

Де-ла-Батю и Менье обѣщали мнѣ показать палату де-

путатовъ, но когда я, въ назначенное время пришелъ въ Бурбонскій дворецъ, ни того ни другого тамъ не оказалось. И только послѣ долгихъ и усиленныхъ настаиваній мнѣ удалось добиться отъ служителей въ пріемной комнатѣ Палаты депутатовъ, чтобы они разыскали де-ла-Батю. Менѣ такъ и не пришелъ; послѣ онъ очень извинялся, говоря, что его задержали въ судѣ: онъ адвокатъ. Де-ла-Батю оказался внимательнѣйшимъ и любезнѣйшимъ проводникомъ, подробно показывавшимъ мнѣ всѣ достопримѣчательности Палаты. Такъ онъ показывалъ мнѣ откуда стрѣляли нѣсколько разъ въ ораторовъ во время ихъ рѣчей съ трибуны; пули ни разу не попадали, пролетали всегда выше оратора и оставили слѣды въ картинѣ, находящейся на стѣнѣ сзади предсѣдателя. (Мы до этого, слава Богу, не доходили, да надѣюсь и не дойдемъ) рассказывалъ, также какъ бросили съ галереи для публики бомбу, къ счастью не причинившую большого вреда; де-ла-Батю былъ тогда квесторомъ и стоялъ противъ галереи около предсѣдательскаго мѣста.

Въ день моего посѣщенія не было общаго собранія въ Палатѣ, но мы встрѣчали депутатовъ въ кулуарахъ и въ библиотекѣ. Здѣсь мой проводникъ знакомилъ меня со многими депутатами, между прочимъ съ Пельтаномъ, Лейгомъ и предсѣдателемъ палаты Бриссономъ. Пельтанъ большой библиофилъ и обратилъ мое вниманіе (мы были въ библиотекѣ) на хранящіяся здѣсь рукописи, въ томъ числѣ на подлинное дѣло о процессѣ Іоанны д'Аркъ и на рукописный экземпляръ сочиненій Ж. Ж. Руссо, каллиграфически переписанный самимъ авторомъ. Въ читальнѣ я замѣтилъ между прочимъ, что среди массы газетъ, на французскомъ и иностранныхъ языкахъ не было ни одной русской. Съ одними депутатами я обмѣнивался лишь нѣсколькими словами, съ другими говорилъ довольно долго. Такъ, напримѣръ, въ одной группѣ депутатовъ, заговоривъ о японской войнѣ и ея послѣдствіяхъ, меня спросили, сердиты ли мы на Францію за то, что она сдѣлала ошибку, не поддерживавъ тогда свою союзницу въ должной мѣрѣ. На это я отвѣтилъ, что было бы неосновательно сердиться на то, что Франція не нарушила своего нейтралитета, такъ какъ это мало помогло бы намъ на морѣ и могло повлечь въ худшія осложненія, а на сушѣ Франція и вовсе не могла помочь намъ. Но за что мы на Францію не довольны,

и что было дѣйствительно ошибкой съ ея стороны, это та холодность, которую она проявила, (и при томъ все общественное мнѣніе Франціи), въ началѣ вопроса объ анексіи Босніи и Герцеговины, считая вопросъ о сербахъ чуждымъ и не стоящимъ затраты французскихъ денегъ и французской крови. Этимъ у насъ была отнята увѣренность въ мощной поддержкѣ союзницы, мы пошли на униженіе, а Франція косвенно подготовила, такимъ образомъ, новое возвеличеніе Германіи. Мои собесѣдники согласились, что въ это время и Франціей была сдѣлана ошибка.

Касался разговоръ и нашей поѣздки въ Англію и происходившаго тогда свиданія въ шхерахъ, которымъ французы мало интересовались, придавая ему характеръ семейнаго интимнаго свиданія. Изъ своего двухчасового пребыванія въ Палатѣ я вынесъ убѣжденіе въ сочувствіи французскихъ депутатовъ нашему пріѣзду въ Парижъ, но въ то же время и въ полной его неподготовленности.

Если вся Англія была единодушна въ признаніи насъ за дѣйствительныхъ народныхъ представителей, то во Франціи далеко не для всѣхъ среди депутатовъ и въ прессѣ былъ ясенъ вопросъ, (а иными, до нашего посѣщенія Парижа, онъ рѣшался даже прямо отрицательно), народные ли представители члены третьей Думы, избранной по закону 3-го Іюня. Я не буду касаться вопроса, есть ли основаніе къ такой оцѣнкѣ въ дѣятельности 3-ей Думы, этотъ вопросъ выходитъ за предѣлы настоящаго очерка, я укажу лишь на то, что подобное отношеніе во Франціи вызвано въ значительной мѣрѣ нападками на Думу русскихъ вольныхъ и невольныхъ эмигрантовъ.

Разница въ отношеніи Англіи и Франціи привела мнѣ на память еще одинъ случай противоположнаго отношенія Англіи и континентальныхъ державъ къ другому вопросу государственнаго устройства, свидѣтелемъ котораго я былъ въ Берлинѣ, на засѣданіи Междупарламентскаго Совѣта. Лордъ Уирдель заявилъ Совѣту, что англійское правительство обѣщало субсидировать Междупарламентскій Союзъ, внося ежегодно по 300 фунтовъ, какъ долю участія Англіи въ расходахъ Союза. Надо было видѣть, съ какою горячностью убѣленные сѣдинами представители Бельгіи, Венгріи и Італіи одинъ за другимъ заявляли, что къ „правительству“ они обра-

щаться не станут, что они „сами“, какъ народные представители, ассигнуютъ средства, нужныя для покрытія расходовъ по участию ихъ странъ въ Междупарламентскомъ Союзѣ.

Повидимому только въ издавна конституціонной и парламентарной Англіи нѣтъ противоположенія правительства народному представительству. И можетъ быть только въ Англіи, видѣвшей постепенное, многовѣковое развитіе представительнаго правленія, ясно, что народные представители, избранные согласно дѣйствующаго закона, должны быть признаны дѣйствительными представителями народа, въ данное время, совершенно независимо отъ того, хорошъ или нѣтъ этотъ законъ и хороши ли сами народные избранники.

Особенно яркой иллюстраціей этого положенія можетъ служить отношеніе англійской рабочей партіи къ нашему протесту противъ ея извѣстнаго манифеста по поводу пріѣзда Государя Императора въ Англію. Протестъ этотъ, встрѣченный вполне сочувственно подавляющимъ большинствомъ какъ консервативной, такъ и либеральной прессы Англіи, назывался многими газетами заслуженной головомойкой, нагоньемъ (gebuke) Рабочей партіи. И вотъ, глава партіи, членъ парламента Гендерсонъ, говоря на митингѣ по поводу этого протеста, не полемизируетъ съ нами, не нападаетъ на насъ, а старается лишь доказать, что, съ своей точки зрѣнія, Рабочая партія имѣла основанія для протеста, въ виду официального благожелательства англійскаго правительства къ проектированному визиту. Онъ оправдывается, только что не извиняется, въ совершенной безтактности.

Вотъ какъ передаетъ Дайли Пелеграфъ*) относящіяся къ намъ мѣста рѣчи Гендерсона: „Онъ сказалъ, что декларация, которую сдѣлала партія, разсматривается теперь, какъ оскорбленіе Думы, что ихъ дѣйствіе (членовъ партіи) характеризуется теперь, какъ дѣйствіе дурного вкуса на томъ основаніи, что они сдѣлали свое выступленіе въ тотъ моментъ, когда представители Думы пользовались гостепріимствомъ Британскаго народа. Никто не готовъ болѣе сердечно привѣтствовать *этихъ представителей Русскаго народа***, чѣмъ представители организованнаго труда. Послѣдніе готовы встрѣтить ихъ наиболѣе сердечнымъ образомъ и никакого

*) 30 Іюня 1909 г.

**) Курсивъ мой Ив. Ефремовъ.

оскорбленія ихъ не было даже въ намѣреніи. Это чистая случайность, что ихъ декларацию пришлось сдѣлать въ то время, когда члены Думы пользовались гостепріимствомъ страны. Они пришли къ своему рѣшенію безъ всякаго желанія вмѣшиваться въ международныя дѣла въ другой странѣ“.

Г Л А В А II.

Обсужденіе условий организациі поѣздки въ Англію происходило на частныхъ совѣщаніяхъ лидеровъ Думскихъ фракцій, черезъ которыхъ и сами фракціи были, конечно, обо всемъ освѣдомлены. Съ вѣдома и согласія фракцій намѣчались въ большинствѣ случаевъ и сами участники поѣздки. Вслѣдствіе затруднительности для многихъ, по причинамъ частнаго характера, уѣхать на 3 недѣли, немедленно по окончаніи сессіи дѣйствительный составъ участниковъ поѣздки не вполне отвѣчалъ намѣченному ранѣе.

Такъ, напримѣръ, Н. Н. Львовъ долженъ былъ отказаться въ послѣднюю минуту въ виду тяжелой болѣзни своего сына, и второе мѣсто для прогрессивной группы осталось не занятымъ. Также вслѣдствіе болѣзни жены не могъ поѣхать предсѣдатель группы націоналистовъ князь Урусовъ. Вождь умѣренно правыхъ Балашевъ, сочувственно относившійся къ поѣздкѣ, не имѣлъ возможности принять въ ней участіе, будучи слишкомъ занятъ своими личными дѣлами (Бирж. Вѣд. 4 Іюня).

Въ концѣ концовъ въ поѣздкѣ приняли участіе: Николай Алексѣевичъ Хомяковъ внѣпартійный, графъ Владиміръ Алексѣевичъ Бобринскій умѣренно-правый, Александръ Ивановичъ Гучковъ, Сергѣй Иллѣодоровичъ Шидловскій, Александръ Ивановичъ Звегинцевъ, Германъ Германовичъ Лерхе и баронъ Александръ Амандовичъ Крюденеръ-Струве,—октябристы, Іосифъ Станиславовичъ Монтвилль полякъ, Садри Низамовичъ Максудовъ—мусульманинъ, Иванъ Николаевичъ Ефремовъ прогрессистъ, Павелъ Николаевичъ Милуковъ, Василій Алексѣевичъ Маклаковъ и Михайлъ Васильевичъ Челноковъ, конституціоналисты-демократы. Временно присоединился къ намъ въ Англіи еще Генрихъ Ипполитовичъ Свѣнцицкій—полякъ.

Государственный Совѣтъ былъ представленъ Михаиломъ Александровичемъ Стаховичемъ безпартійнымъ, Владиміромъ Петровичемъ Глѣбовымъ—группы центра, графомъ Дмитріемъ Адамовичемъ Олсуфьевымъ правымъ, и графомъ Генрихомъ Родриговичемъ Потоцкимъ—полякомъ.

Всѣ члены Думы и М. А. Стаховичъ состоятъ членами русской группы Междупарламентскаго Союза третейскаго разбирательства международныхъ споровъ, причемъ Ефремовъ—предсѣдатель группы, Звегинцевъ секретарь ея, Милуковъ товарищъ предсѣдателя и Максудовъ товарищъ секретаря. Это дѣлало насъ вдвойнѣ товарищами принимавшихъ насъ англійскихъ и французскихъ парламентаріевъ: во первыхъ, какъ народныхъ представителей и во вторыхъ, какъ членовъ одного Междупарламентскаго Союза. Такая двойная близость и отмѣчалась въ привѣтственныхъ рѣчахъ Лорда Уирдэля, предсѣдателя англійской группы, и сенатора барона д'Эстурнель де Констана, предсѣдателя французской группы.

Представителями русской прессы, специально отправившимися въ Англію для освѣдомленія русскаго общества о всѣхъ подробностяхъ нашей поѣздки, были—спеціальный корреспондентъ Биржевыхъ Вѣдомостей Александръ Лазаревичъ Стембо (Азра), одинъ изъ редакторовъ Новаго Времени Борисъ Алексѣевичъ Суворинъ и представитель С.-Петербургскаго телеграфнаго агентства Юрій Васильевичъ Александровскій. Кромѣ нихъ насъ часто сопровождали и еще чаще интервьюировали мѣстные корреспонденты русскихъ газетъ въ Лондонѣ: Хавкинъ отъ „Русскаго Слова“ и Раппопортъ отъ „Рѣчи“ и другіе, а въ Парижѣ Апостолъ, представитель С.-Петербургскаго телеграфнаго агентства, Гальперинъ-Каминскій и другіе.

Было рѣшено съѣхаться въ Кале 7-го Іюня днемъ, чтобы вмѣстѣ пріѣхать въ Англію. Я выѣхалъ изъ Парижа 7 (20) Іюня въ 12 часовъ, а въ 3¼ былъ уже въ Кале, гдѣ поѣздъ остановился на набережной противъ парохода, на которомъ намъ предстояло переѣхать черезъ Па-де-Кале въ Дувръ. Выйдя изъ вагона, я увидѣлъ на палубѣ П. Н. Милукова, пріѣхавшаго нѣсколько раньше; немного погода взошелъ на пароходъ І. С. Монтвилль, ѣхавшій черезъ Брюссель, а еще черезъ нѣсколько минутъ подошелъ поѣздъ изъ Люттиха, и пароходъ огласился русской рѣчью—прибыли остальные

участники поѣздки, кромѣ барона Струве и графа Потоцкаго, прїѣхавшихъ въ Лондонъ нѣсколькими днями позже.

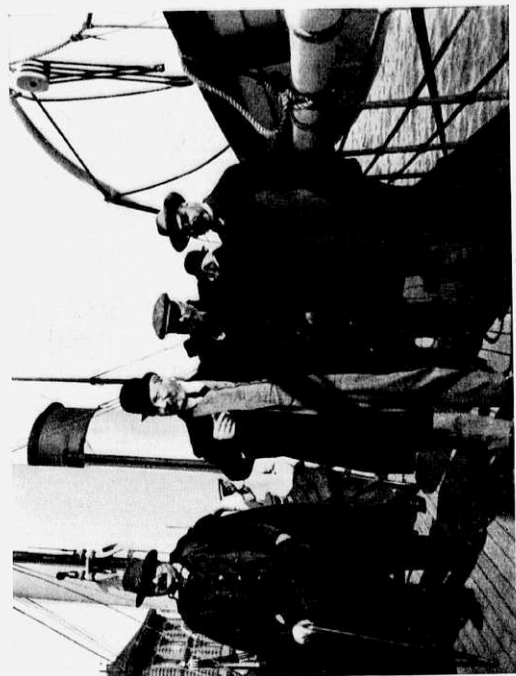
Намъ пришлось ѣхать почти противъ настолько сильнаго вѣтра, что было очень трудно ходить по палубѣ. Поэтому ли что вѣтеръ дулъ поперекъ пролива и не могъ развить значительнаго волненія, потому ли, что очень хорошъ новый турбинный пароходъ, на которомъ мы ѣхали, но качки совсѣмъ не было на славящемся своей качкою Па-де-Кале. Черезъ два часа мы уже входили въ красивую гавань Дувра окруженную мѣловыми холмами, крутыми обрывами спускающимися въ море; надъ городомъ живописно высится старинный крѣпостной замокъ.

Въ Дуврѣ на пристани уже ждалъ поѣздъ; и для насъ былъ приготовленъ вагонъ—салонъ, но никакой встрѣчи не было: намъ хотѣли дать спокойно прїѣхать въ Лондонъ, послѣ утомительнаго двухдневнаго переѣзда (отъ Петербурга до Лондона 57 часовъ). По пути мы любовались яркой свѣжею зеленою холмовъ, залитыхъ мягкимъ солнечнымъ свѣтомъ, и находили, что виды Юго-Восточной Англїи съ ея полями, перелѣсками и пасущимися овцами очень напоминаютъ многія мѣстности центральной, западной и даже южной Россїи весною, когда зелень еще свѣжа. Только изумительная обработка почвы доказывала, что мы въ странѣ высокой культуры: попадавшіяся пашни были лучше раздѣланы, чѣмъ у насъ иныя цвѣточные гряды. Скоро начались постройки Лондона, среди которыхъ мы ѣхали еще около получаса (версть 30); наконецъ поѣздъ влетѣлъ въ вокзалъ Викторїи одинъ изъ 17 главныхъ вокзаловъ Лондона.

На платформѣ насъ встрѣтили два-три корреспондента русскихъ газетъ и совѣтникъ русскаго посольства въ Лондонѣ, только что назначенный посломъ въ Персїю, Станиславъ Алфонсовичъ Поклевскій-Козелль, пригласившій тѣхъ изъ насъ, съ кѣмъ онъ былъ лично знакомъ, пообѣдать съ нимъ частнымъ образомъ въ одномъ изъ фешенебельныхъ ресторановъ Лондона. У насъ какъ разъ было достаточно времени, чтобы поѣхать въ отель Вестминстеръ, гдѣ для насъ были приготовлены номера, и переодѣться къ обѣду, по англійскому обычаю, во фраки. Дѣйствительно, въ ресторанѣ, очень шикарномъ, мы увидѣли, что всѣ обѣдающіе (было воскресенье, когда англійскій beau monde, отпустивъ прислугу, разѣзжается



Гр. Бобринскій, Габбс., М. А. Хомякова, Шидловскій, Стаховичъ, Е. М. Зейтлицъ.



Гр. Бобринскій, Милоковъ, Стаховичъ, Гучковъ.
На пароходѣ изъ Кале въ Дувръ.

по замкамъ или обѣдаетъ въ ресторанахъ) мужчины и дамы были въ бальныхъ туалетахъ. Поклевскій началъ обѣдъ по русски водкой и соленой закуской, послѣ чего перешелъ по англійски на дыню съ сахаромъ; и только послѣ нея подали супъ.

Нашъ любезный хозяинъ сообщилъ намъ, что по свѣдѣніямъ посольства, насъ приметъ король Эдуардъ, почему намъ слѣдуетъ завтра же захватить къ нему во дворецъ расписаться, причемъ два изъ насъ могутъ сдѣлать это за всѣхъ; кромѣ того слѣдуетъ расписаться и у наслѣдника престола принца Валлійскаго. Карточки же наши слѣдуетъ завезти (тоже двумъ изъ насъ) премьеру, министру иностранныхъ дѣлъ, архіепископу Кентерберрійскому (примасу Англіи) и русскому послу. Этотъ несложный церемоніалъ общепринятой международной вѣжливости мы и исполнили на слѣдующій день. Упомяну здѣсь кстати, что другую общепринятую форму общественной вѣжливости мы, за краткостью времени, бѣвшаго въ нашемъ распоряженіи, и по инициативѣ нашихъ хозяевъ англичанъ, не исполняли: мы не были съ визитами и даже не посылали своихъ карточекъ тѣмъ лицамъ, у которыхъ мы завтракали и обѣдали. За то первый нашъ выходъ изъ гостинницы былъ посвященъ исполненію необходимой въ Англіи формальности: надо было замѣнить наши шляпы цилиндрами, съ которыми почти не приходилось разставаться всѣ 16 дней нашего пребыванія въ туманномъ Альбіонѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему описанію нашего посѣщенія Англіи я приведу только два, но характерныхъ отзыва англійской печати наканунѣ нашего приѣзда.

Evening Standard and St. James Gazet, говоря о свиданіи въ Біорке заканчиваетъ статью словами: „Неофициальный визитъ членовъ Думы, хотя онъ и лишенъ всякой партійно-политической цѣли, является гораздо болѣе существеннымъ дѣломъ. Два великихъ народа, долго отчужденные, стремятся узнать и уважать другъ друга“.

Особенно характерна для настроенія Англіи слѣдующая выдержка изъ Times.

„Усиленіе нашего флота, однако, не единственный способъ, которымъ мы можемъ подготовляться къ будущему, и тѣмъ опасностямъ, какія будущее можетъ выдвинуть. Поддерживать и укрѣплять дружескія отношенія, существующія

между нами и другими націями, которымъ угрожаютъ подобныя же опасности, также повелительно необходимо. Однимъ изъ наиболѣ цѣнныхъ изъ этихъ дружественныхъ отношеній является то, которое было такъ счастливо установлено съ Россіей и Русскимъ народомъ.

Приближается посѣщеніе представителей Русской Думы, которые приѣзжаютъ завтра. Эта группа включаетъ представителей всѣхъ партій русской политической жизни, за исключеніемъ крайнихъ съ обѣихъ сторонъ. Хотя она и политическая по своему образованію, такъ какъ состоитъ всецѣло изъ членовъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, но она не политическая по цѣли, съ которою приѣзжаетъ. Наши посѣтителы приѣзжаютъ одни, чтобы завязать, другіе, чтобы возобновить знакомство съ этой страной, въ которой они встрѣтятъ сердечнѣйшія привѣтствія отъ людей всѣхъ партій и всѣхъ классовъ, включая и Его Величество Короля, который обещалъ принять ихъ. Многихъ изъ нихъ уже хорошо знаютъ и уважаютъ въ этой странѣ и всѣ они люди пользующіеся извѣстностью въ своей собственной. Ихъ приѣздъ имѣетъ горячее одобреніе обоихъ Правительствъ и поможетъ, мы въ этомъ увѣрены, укрѣпить доброе согласіе, которое уже принесло столько выгоды обѣимъ странамъ и которое является въ настоящее время одною изъ лучшихъ гарантій Европейскаго мира“.

Замѣтка не требуетъ комментаріевъ; и въ ней особенно интересно сопоставленіе обѣихъ ея частей.

Официальная часть нашего пребыванія началась въ понедѣльникъ, когда къ намъ въ гостиницу прибыли профессоръ Робертсъ, глава Лондонской организаціи народныхъ университетовъ (Extension Board of University) г.г. Алленъ Уокеръ, почетный секретарь Мидлессекскаго археологическаго общества, С. К. Рэдклиффъ, секретарь социологическаго общества, Кеннесъ Викарсъ, почетный секретарь историческаго комитета по осмотру Лондонскихъ достопримѣчательностей, и другіе съ тѣмъ, чтобы повести насъ осматривать Лондонъ и объяснять исторію и значеніе его памятниковъ и зданій. Кромѣ нихъ къ намъ пришли еще другъ профессора Перса Муспратъ, крупный ливерпульскій негоціантъ и капитанъ Резонъ, бывший губернаторъ Соломоновыхъ острововъ.

Послѣдній неотлучно провожалъ насъ и бывалъ часто

очень полезнымъ въ своемъ искреннемъ и сердечномъ желаніи услужить своимъ „русскимъ друзьямъ“. Онъ рассказывалъ намъ, какъ во время Афганскихъ осложненій онъ рѣшилъ ближе познакомиться съ „ненавистными врагами“ и поѣхалъ въ Петербургъ изучать ихъ языкъ. Но, проживъ здѣсь полгода, онъ изъ врага превратился въ искреннѣйшаго друга, и уже въ качествѣ таковаго возвращался нѣсколько разъ въ Россію. Онъ былъ въ послѣдствіи присяжнымъ переводчикомъ русскаго языка и теперь довольно хорошо объясняется по русски, хотя и потерялъ навыкъ говорить на нашемъ языкѣ.

Немного погодя приѣхалъ лордъ Уирдэль (Филиппъ Стенгопъ), какъ председатель комитета по приему русскихъ гостей въ Англіи. Зная лорда Уирдэля еще по Берлинской конференціи, что дало ему возможность поздороваться со мною какъ со „старымъ другомъ“, я познакомилъ его съ Н. А. Хомяковымъ и другими товарищами; послѣ чего лордъ Уирдэль обратился къ намъ съ краткимъ привѣтствіемъ: „Пригласительное письмо, сказалъ онъ, было составлено и имѣло въ виду привѣтствовать отъ имени Англійскаго общества общество вашей страны. Намъ кажется, что посѣщеніе представителей различныхъ оттѣнковъ политической мысли въ Государственномъ Совѣтѣ и Думѣ будетъ надлежащимъ началомъ для болѣе тѣсныхъ сношеній между двумя странами. Подписавшіе это письмо не являются представителями какого либо одного политическаго направленія, они надѣются, что скорѣе представляютъ отраженіе благожелательства одинаково питаемаго по отношенію къ Русскому народу людьми различныхъ классовъ и интересовъ въ Англіи“.

Передавая листы съ подлинными подписями пригласившихъ насъ, лордъ Уирдэль отмѣтилъ среди нихъ подписи архіепископа Кентерберрійскаго, архіепископа Йоркскаго, архіепископа Маклагана, герцога Нортумберландскаго (президента Королевскаго Института), лорда Карлейля, лорда Кромера, лорда Дерби (канцлера Ливерпульскаго университета) фельдмаршала лорда Робертса, адмирала лорда Чарльза Бересфорда, епископа Лондонскаго, лорда Оубери, лорда Брасей, лорда Бурнгамъ, лорда Керзона (канцлера Оксфордскаго университета), лорда Норсклифъ (издателя Таймсъ и полдюжины другихъ крупныхъ газетъ), лорда Райлей (канцлера Кембриджскаго университета), лорда Рей, лорда Сандерсонъ, спикера Палаты, лор-

да-мэра Лондона, лорда-провоста Эдинбурга, лорда-мэра Ливерпуля, сэра Арчибалда Гейки (президента Королевского Общества), Рудіарда Киплинга, Альфреда Остина—поэта лауреата, сэра Д. Мекензи Уоллеса, Остина Чемберлена члена Палаты общинъ, Виндгама члена Палаты общинъ, Лея (ректора Эдинбургскаго университета), Сера Альберта Спайсера (члена Палаты общинъ, председателя Лондонской торговой палаты) и сэра А. Джонсъ (председателя Ливерпульской торговой Палаты), Сантъ Ло Страчей, Мэкси, многихъ членовъ Палаты общинъ, издателей газетъ и другихъ. При этомъ лордъ Уирдэль указалъ на серьезнѣйшее желаніе подписавшихся, чтобы нашъ пріѣздъ укрѣпилъ дружескія чувства между Англіей и великой Русской имперіей, что среди подписавшихся имѣются люди всѣхъ политическихъ убѣжденій, главы Церкви, писатели и они воистину представляютъ всѣ направленія общественной мысли, почему онъ смѣло можетъ сказать, что вся Англія привѣтствуетъ насъ.

Н. А. Хомяковъ отвѣтилъ нѣсколькими словами благодарности. Подробнѣе говорилъ А. И. Звегинцевъ, высказавшій увѣренность, что нашъ пріѣздъ послужитъ укрѣпленію и развитію дружественныхъ отношеній между обѣими націями. Въ качествѣ председателя русской группы Междупарламентскаго Союза, я сказалъ лорду Уирдэлю, что почти всѣ пріѣхавшіе состоятъ членами этой группы, и что мы надѣмся завязать болѣе тѣсныя сношенія съ Англіей черезъ посредство англійской группы Союза, председателемъ которой состоитъ лордъ Уирдэль.

Послѣ этого профессоръ Персъ представилъ лорду Уирдэлю профессора Робертса и другихъ присутствовавшихъ англичанъ. И надо было видѣть какъ радикальный лордъ*), такъ просто, такъ мило и любезно разговаривавшій съ нами, шутившій и даже сказавшій нѣсколько словъ на ломанномъ русскомъ языкѣ (онъ женатъ на русской, воронежской помѣщицѣ и бывалъ въ Воронежской губерніи), сталъ какъ то выше, и милостиво сказалъ нѣсколько словъ почтительно склонявшимся передъ нимъ англичанамъ. А эти послѣдніе считали повидимому это вполне естественнымъ и находили,

*) Филиппъ Стэнгопъ былъ радикальнымъ министромъ Гладстоновскаго кабинета.

что свѣтлѣйшій лордъ и не можетъ иначе относиться къ нимъ—простымъ гражданамъ свободной Англіи.

Профессоръ Робертсъ въ свою очередь привѣтствовалъ насъ и предложилъ услуги своихъ товарищей для содѣйствія нашему ознакомленію съ достопримѣчательностями Лондона. Онъ сказалъ при этомъ, что считаетъ счастливымъ обстоятельствомъ, что первое наше общеніе будетъ съ университетскимъ міромъ, гдѣ не можетъ быть различій интересовъ и мнѣній. Общество наукъ и искусствъ охватываетъ весь міръ. Въ Англіи питаютъ величайшее уваженіе и удивленіе къ людямъ науки и искусства въ Россіи.

Ему отвѣчалъ П. Н. Милуковъ, благодарившій за вниманіе и любезное предложеніе и сказавшій между прочимъ, что онъ еще 15 лѣтъ тому назадъ зналъ доктора Робертса. „Я одинъ изъ тѣхъ, говорилъ П. Н. Милуковъ, которые пропагандировали въ Россіи идею народныхъ университетовъ (university extension) и изучили это дѣло по Вашимъ книгамъ. Мы начали это движеніе въ Москвѣ 15 лѣтъ тому назадъ; мы, такимъ образомъ, старые знакомые. Я также профессоръ, въ Московскомъ Университетѣ, и я думаю, что мы должны удостоверить насколько мы обязаны Англіи въ этой отрасли народнаго образованія“.

Послѣ этого мы раздѣлились; одни поѣхали съ официальными визитами, другіе отправились осматривать Лондонъ, третьи поѣхали въ Кольчестеръ на историческое представленіе. Эти „Кольчестерскія зрѣлища“, привлекающія массу народа, устроены недалеко отъ Лондона на открытомъ воздухѣ за чертою городка Кольчестера, происхожденіе котораго относится къ доисторическимъ временамъ. Здѣсь граждане города проводятъ передъ глазами многотысячной толпы зрителей, въ рядѣ быстро смѣняющихся картинъ, всю исторію своего городка: жизнь кельтовъ, приходъ и господство римлянъ, завоеваніе англо-саксовъ потомъ норманновъ, постепенное развитіе вольностей города среди борьбы партій, борьбу кавалеровъ и круглоголовыхъ, ихъ войны и суды, и доходятъ до нашихъ дней. Все это поставлено очень красиво, срепетовано превосходно, особенно хороши хоры и движенія массъ. Ѣздившіе въ Кольчестеръ товарищи наши были особенно восхищены хорами дѣтей и битвой кавалеровъ съ круглоголовыми. Обратило ихъ вниманіе и то, какъ въ военномъ

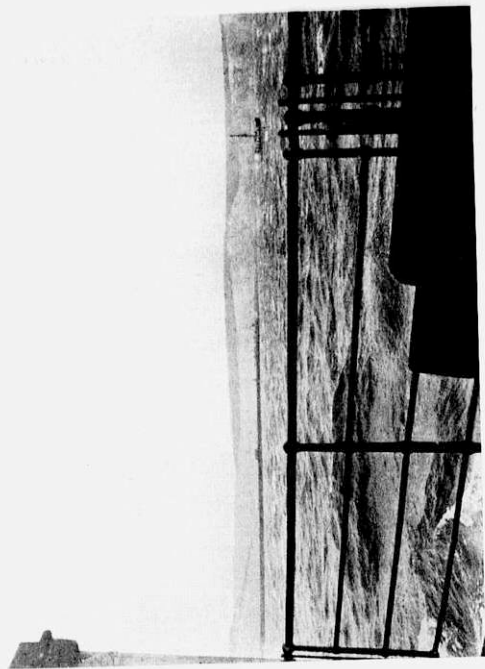
судѣ побѣдителей—солдатъ Кромвеля — надѣ взятыми въ плѣнѣ кавалерами соблюдались всѣ формы суда, гарантирующія права подсудимаго, и обвиняемымъ предоставлялись всѣ пути къ защитѣ.

Празднества начались встрѣчей городскимъ самоуправленіемъ Кольчестера почетныхъ гостей, прибывшихъ со специальнымъ поѣздомъ для городскихъ головъ (лордъ-мэровъ Лондона и другихъ 30 сосѣднихъ городовъ). Въ толпѣ мэровъ, олдерменовъ и членовъ городскихъ совѣтовъ, въ голубыхъ и красныхъ мантияхъ и украшенныхъ золотыми цѣпями, русскіе депутаты, къ крайнему своему удивленію увидѣли почтеннаго вида старуху, тоже въ красной мантии и съ золотой цѣпью. Это былъ мэръ города Ольденбурга, женщина-врачъ, единственная въ Англіи женщина, удостоившаяся избранія въ мэры своего родного города.

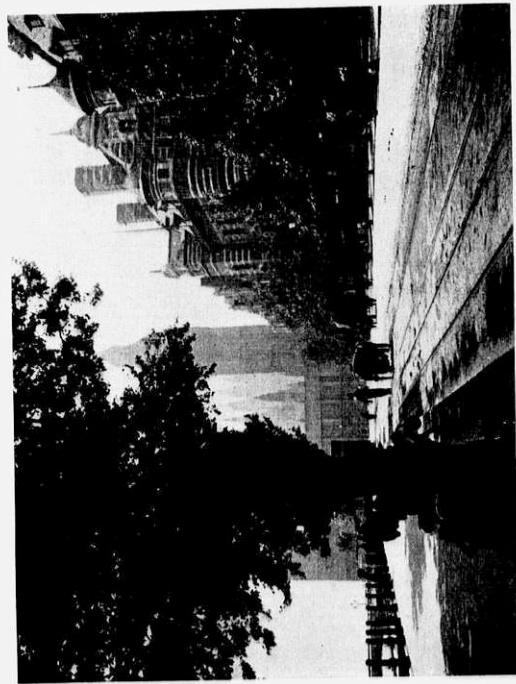
Среди почетныхъ гостей, принимавшихъ участіе въ торжественномъ шествіи, неожиданно для себя оказались и наши русскіе посѣтители, которымъ тоже пришлось построиться попарно.

Передъ началомъ представленія былъ сервированъ въ городской Думѣ завтракъ, на которомъ, между прочимъ, говорилась привѣтственная рѣчь русскимъ гостямъ. На нее пришлось экспромтомъ, отвѣчать графу Бобринскому, благодарившему Кольчестерскаго мэра за гостепріимство. Въ своей небольшой, но очень удачной рѣчи онъ заявилъ, что въ Россіи есть парламентъ, но что истинный парламентъ въ Англіи. Мысль эту по англійски графъ выразилъ такъ: „we have a parliament, but you have the parliament“.

По окончаніи завтрака у зданія думы выстроилась длинная процессія. Впереди ѣхали констебли, за ними шли: мѣстная пожарная бригада, знаменосцы съ эмблемами разныхъ царствованій, воспитанники кольчестерской королевской гимназій (grammar school), учителя, члены кольчестерскаго попечительства о бѣдныхъ, городскіе судьи, олдермены, служащіе городского управленія, опять безчисленныя знамена разныхъ городовъ, шерифы Йорка и Норвича, члены комитетовъ и проч. Въ этой процессіи принимали участіе мэры другихъ городовъ въ томъ числѣ и лордъ-мэръ Лондона со своею свитой, и русскіе депутаты. Торжественное шествіе направилось отъ зданія думы къ парку, гдѣ и происходило самое представленіе. Въ паркѣ, окружающемъ кольчестерскій



Берегъ около Дувра.



Набережная Темзы и Парламентъ.

замокъ, который уже давно превращенъ въ городской музей процессія остановилась передъ мѣстами для зрителей, устроенными въ видѣ громаднаго крытаго амфитеатра. Здѣсь почетные гости, и въ томъ числѣ наши товарищи, размѣстились кто гдѣ хотѣлъ. Интересное зрѣлище, навѣрное, долго сохранится въ памяти видѣвшихъ его, какъ „лучшая школа гражданственности“, по выраженію одного изъ нихъ.

Оставшіеся въ Лондонѣ раздѣлились на двѣ группы: одни осматривали богатый историческими воспоминаніями Ламбесскій дворецъ, въ которомъ со временъ Нормановъ живетъ архіепископъ Кентерберрійскій, а потомъ Вестминстерское аббатство, гдѣ похоронены величайшіе люди Англіи. Другіе проѣхали въ Сити, осматривали англійскій банкъ и Королевскую Биржу (Royal Exchange). По пути нашъ любезный проводникъ обращалъ наше вниманіе на памятники и различныя зданія, быстро рассказывая ихъ исторію, но я долженъ сказать, что отвыкнувъ отъ англійской рѣчи, плохо понималъ его, а ѣхавшій со мною Максудовъ, не говоряшій по англійски, и вовсе ничего не понималъ. Намъ нужно было сдѣлать разныя покупки и хотѣлось на свободѣ побродить по Лондону. Мы поэтому попросили нашего проводника завести насъ къ одному изъ банкировъ, на которыхъ у насъ были кредитивы, и здѣсь распростились съ нимъ, изъяснивъ ему глубокую благодарность за его любезное стараніе показать намъ Лондонъ. Мы оказались у Ротшильда, гдѣ намъ, между прочимъ, съ гордостью заявили: „мы не банкиры, мы купцы“; но тѣмъ не менѣ выдали нужныя деньги. Эта фраза повидимому значить, что торговый домъ Ротшильда ведетъ дѣла не на акціонерный, а на собственный капиталъ.

Изъ прогулки по Лондону отмѣчу только дѣйствительно большое движеніе по Пиккадили, не многимъ превышающее, однако, движеніе, по Невскому, принимая во вниманіе вдвое большую ширину послѣдняго, и уступающее оживленію Парижскихъ бульваровъ вечеромъ. На Страндѣ, знаменитой артеріи Сити, я и вовсе не замѣтилъ особеннаго движенія, поражающаго будто бы и пріѣзжающаго изъ столицъ континентальной Европы. Меня гораздо болѣе поразилъ видъ громадныхъ парковъ внутри Лондона, въ которыхъ не запрещается, какъ въ западной Европѣ, ходить по травѣ, а наоборотъ по превосходнымъ газонамъ бѣгаютъ дѣти, пасутся

овцы и спать среди дня безработные въ большомъ при томъ количествѣ.

Вечеромъ былъ первый изъ ряда маленькихъ обѣдовъ у „частныхъ“ лицъ, на которые насъ приглашали по пяти, шести человѣкъ и гдѣ мы встрѣчали виднѣйшихъ дѣятелей англійской политической и общественной жизни. Сегодня были приглашены къ лорду Сандерсону (бывшему товарищу министра иностранныхъ дѣлъ) Хомяковъ, Гучковъ, Милуковъ, гр. Бобринскій, Стаховичъ и Звегинцевъ. Здѣсь они познакомились съ нѣсколькими министрами. Въ тотъ же вечеръ мы узнали, что избраны временными (на мѣсяцъ) почетными членами національно-либеральнаго клуба и нашли у себя карточки нѣкоторыхъ чиновъ русскаго посольства и нашего генеральнаго консульства въ Лондонѣ.

Когда бывшіе на обѣдѣ возвратились, мы собрались всѣ вмѣстѣ, чтобы обсудить порядокъ завтрашняго дня: кому говорить на завтракъ въ Палатѣ общинъ, кому идти на тотъ или другой обѣдъ. Профессоръ Персъ сообщилъ намъ предложенія комитета по нашему приѣму, имѣющіяся приглашенія и помочь своими указаніями рѣшить, кому и куда идти. Вообще я долженъ указать величающую заслугу профессора Перса по организаціи поѣздки. Онъ постоянно обо всемъ заботился, все старался предусмотрѣть; знакомилъ насъ съ общественнымъ положеніемъ и интересами тѣхъ лицъ, съ которыми намъ предстояло встрѣчаться. Онъ и любезнѣйшая его супруга Мистрисъ Маргарита Персъ съ утра до поздней ночи были заняты то перепиской, то заготовленіемъ именныхъ приглашеній, которыя большею частью присылались намъ черезъ нихъ, такъ какъ приглашавшіе насъ предоставляли намъ самимъ рѣшать, кто изъ насъ желаетъ принять то или другое приглашеніе. Мало того наши любезнѣйшіе „импрессарио“ заботились, чтобы мы, по свойственному русскимъ воззрѣнію „что дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжить“, не опоздали, или по разсѣянности не перепутали и дѣйствительно пошли бы во время въ надлежащее мѣсто. Вниманію, заботливости и любезности супруговъ Персъ не было конца, и я съ особеннымъ удовольствіемъ свидѣтельствую имъ здѣсь общую нашу глубокую благодарность.

ГЛАВА III.

Вторникъ былъ, такъ сказать, днемъ нашего парламентскаго посвященія, днемъ вступленія въ международную семью парламентскихъ дѣятелей. Въ этотъ день англійская группа Междупарламентскаго Союза давала намъ завтракъ въ старинномъ залѣ святаго Стефана въ Вестминстерскомъ дворцѣ, гдѣ помѣщается англійскій парламентъ.

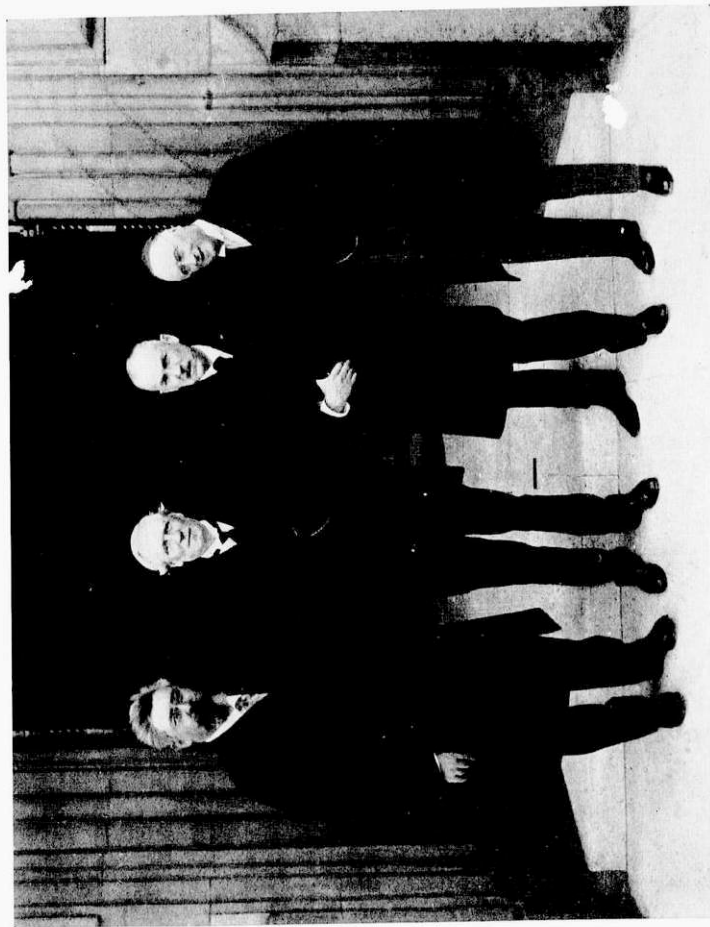
Утромъ передъ завтракомъ въ Палатѣ общинъ я поѣхалъ съ визитомъ къ лорду Уирдэлю, живущему въ прелестномъ небольшомъ домѣ въ центрѣ города, около парковъ почти въ саду; переулокъ, въ которомъ стоитъ его домъ, такъ и называется „Сады Карльтона“. Лордъ Уирдэль спрашивалъ меня о русской группѣ Междупарламентскаго Союза, подтвердилъ мое наблюденіе, что между двумя французскими группами существуетъ соревнованіе или скорѣе профессиональная ревность, и рассказывалъ, что ихъ Англійская группа, насчитывающая около 250 членовъ, безпартійна и имѣетъ въ своей средѣ представителей всѣхъ партій, онъ добавилъ однако: „Мы стараемся привлечь къ себѣ и лордовъ и консерваторовъ вообще, но правда, ихъ у насъ меньше, такъ какъ все еще остается воспоминаніе, что наша группа основана радикаломъ, бывшимъ рабочимъ“, (извѣстнымъ поборникомъ идеи мира и третейскаго международнаго суда, членомъ Палаты общинъ Рандаемъ Кримеромъ). Затѣмъ лордъ Уирдэль говорилъ о желательности культурнаго и коммерческаго сближенія Россіи и Англіи и какъ на важный и могущественный факторъ такого сближенія указалъ на устройство въ Лондонѣ Англо-Русской выставки, которая ознакомитъ Англію съ производительными силами и культурой Россіи, еще значительно подниметъ существующій уже интересъ къ нашей странѣ и съ другой стороны привлечетъ мно-

гихъ русскихъ въ Англію и ознакомить ихъ съ этой страной. При этомъ онъ указалъ однако, что, сдавая устройство выставки какому нибудь предпринимателю, намъ русскимъ слѣдовало-бы все-же имѣть во главѣ дѣла русскій комитетъ, который былъ-бы выше этого предпринимателя и не выпускалъ изъ своихъ рукъ главнаго рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ организации выставки.

Уже авъ на нѣкоторую трудность привлечь крупнѣйшихъ русскихъ промышленниковъ къ участию въ этой выставкѣ, я простился съ моимъ привѣтливымъ хозяиномъ, такъ какъ приближалось время ѣхать на завтракъ въ Вестминстерскій дворецъ.

Уже при входѣ во дворецъ насъ встрѣтили нѣсколько членовъ Палаты общинъ, одинъ изъ которыхъ говорилъ немного по русски, и провели на терасу, возвышающуюся надъ Темзой. Здѣсь мы нашли лорда Уирдэля, Бальфура и до ста другихъ членовъ парламента, принадлежащихъ къ обѣимъ политическимъ партіямъ. Англійскія газеты отмѣчаютъ въ ихъ числѣ лорда Киннэрда, Вальтера Лонга, сэра Чарльза Швана, Томаса Берта, Томаса Локка, сэра Айвора Герберта, сэра Бенжамина Стона, сэра Вальтера Голланда, сэра Мориса Леви, сэра Вальтера Фастера, сэра Фрэнсиса Чаннинга, Пенникера Гетона, сэра Альберта Спайсера, сэра Генри Коттона, А. Станлея, Ф. Моддисона, С. В. Боурмана и капитана Д. В. Пирри, члена Совѣта Межупарламентскаго Союза. Кромѣ того здѣсь были русскій посолъ въ Англіи графъ Бенкендорфъ и посланникъ въ Персіи Поклевскій-Козелль.

Завтракъ былъ накрытъ въ низкомъ старинномъ залѣ St. Stephen's со сводами; поддерживающія ихъ колонны значительно стѣсняють залъ, такъ что пришлось поставить нѣсколько отдѣльныхъ столовъ. За главнымъ столомъ помѣстился лордъ Уирдэль, предсѣдательствовавшій за завтракомъ, по правую руку его сѣлъ графъ Бенкендорфъ, а по лѣвую Н. А. Хомяковъ, имѣвшій съ другой стороны своимъ сосѣдомъ Бальфура. Рядомъ съ русскимъ посломъ мѣсто осталось свободно, и только подъ конецъ завтрака его занялъ англійскій премьеръ Асквиль, бывший ранѣе въ засѣданіи Палаты. За этимъ же столомъ изъ русскихъ сидѣли еще Стаховичъ, Гучковъ и гр. Бобринскій. Остальные размѣстились за различными другими столами.



И. Н. Ефремовъ,
Предсѣтель русской
группы Межупарла-
ментскаго Союза.
М-ръ Асквиль,
Англійскій
Премьеръ.
Н. А. Хомяковъ,
Предсѣтель
Государственной
Думы.
Лордъ Уирдэль,
Предсѣтель
англійской группы
Межупарламент-
скаго Союза.

На терасѣ Вестминстерскаго дворца (Парламента).

Первый тостъ, предложенный предсѣдателемъ въ концѣ завтрака, былъ за здоровье короля; всѣ встали съ криками: „Король! Король!“ Вслѣдъ за этимъ предсѣдатель предложилъ тостъ за здоровье Царя (The Zar), при чемъ сказалъ: „Въ этомъ собраніи Междупарламентскаго Союза никто изъ насъ никогда не можетъ забыть, что мы обязаны инициативѣ Русскаго Императора созывомъ первой Гаагской конференціи, перваго важнаго шага, какъ мы всѣ этому вѣримъ, въ дѣлѣ мирныхъ соглашеній между различными державами міра. Миѣ нечего болѣе говорить вамъ, какъ только предложить выпить за здоровье одного изъ величайшихъ орудій мира, за „Русскаго Императора“. Тостъ былъ встрѣченъ криками: „Императоръ! Императоръ!“

Послѣ этого, слово было дано первому министру Асквиту, который, поглядывая время отъ времени въ лежавшую передъ нимъ бумажку, предложилъ тостъ за „Нашихъ Гостей“.

Рѣчь Асквита.

Лордъ Уирдэлъ, Ваше Превосходительство (обращаясь къ Русскому послу), лорды и джентельмены! Я имѣю теперь честь, и я почитаю это высокой честью, предложить тостъ за здоровье нашихъ гостей. Конечно, не можетъ считаться несвоевременнымъ, что воспользовавшись самымъ первымъ случаемъ, доставленнымъ ихъ пріѣздомъ къ нашимъ берегамъ, мы принимаемъ ихъ здѣсь среди стѣнъ старѣйшаго Парламента въ мірѣ. (Одобрение). Мы, состоящіе членами этого Парламента, привѣтствуемъ ихъ не только съ сердечностью, но, если я могу такъ выразиться, съ товарищескимъ чувствомъ, (слушайте, слушайте) такъ какъ мы привѣтствуемъ ихъ не только какъ гостей, но и какъ коллегъ. Дѣйствительно, господа, вы на берегахъ Невы заняты той самой работой, которую мы въ теченіе прошлыхъ столѣтій старались совершить здѣсь, на берегахъ Темзы. Что это за работа? Это работа по возведенію здания, по надзору и провѣркѣ дѣятельности величайшаго орудія свободы, какое когда бы то ни было изобрѣталъ геній человѣчества, орудія конституціоннаго правленія. (Слушайте, слушайте).

Есть, безъ сомнѣнія, много уроковъ, которые старые Парламенты и молодые Парламенты могутъ взаимно преподавать и изучать. Мы, смотря издали, дружественными и сочувственными глазами на вашъ

трудъ, можемъ уже, какъ мы думаемъ, различить среди васъ обычные черты нашей собственной Парламентской жизни. Мы дѣйствительно усматриваемъ, что у васъ есть высоко организованная система партій. (Смѣхъ). Хорошо! господа, рѣзкое, непримиримое раздѣленіе, которое обыкновенно болѣе или менѣе точно соотвѣтствовало дѣйствительности въ представительномъ собраніи, состоящемъ изъ двухъ партій—только двухъ партій—Вигговъ и Тори, Правыхъ и Лѣвыхъ, или какими бы другими именами они ни назывались, съ точно проведенными демаркационными линіями, безъ всякой спорной промежуточной области, пожалуй повсюду отошло болѣе или менѣе въ область прошлаго. Я думаю, что вашъ опытъ сходитъ съ нашимъ, что партійная организация эластичная, гибкая, всегда приспособляющаяся къ измѣняющимся обстоятельствамъ есть основное условіе дѣйствительнаго выраженія общественнаго мнѣнія и спокойной работы Парламентской машины. Да будетъ мнѣ позволено, не распространяясь далѣе, получить ваше признаніе моего утвержденія, что великая задача Парламентской жизни въ эти новѣйшіе дни всегда и вездѣ одна и та же. Какова она? Эта задача состоитъ въ томъ, чтобы сочетать чувство корпоративнаго единства и лояльности въ собраніи, какъ цѣломъ, съ возможно болѣе свободой дѣйствія и съ наиболѣе непрерывной переменной среди его различныхъ членовъ каждой формы мнѣній, убѣжденій, идеаловъ. (Одобренія). О Парламентѣ, молодой ли это или старый Парламентъ, будутъ, я думаю, судить въ наши дни, по степени его соотвѣтствія этимъ двумъ требованіямъ.

Но мы—мы члены Британскаго Парламента—не оказали бы справедливости къ нашимъ чувствамъ, если бы привѣтствовали васъ здѣсь сегодня только такъ, какъ мы привѣтствовали васъ въ первомъ смыслѣ, какъ братьевъ Парламентаріевъ. Позвольте мнѣ добавить, что мы привѣтствуемъ васъ, съ одинаковой сердечностью и теплотою, какъ представителей Русскаго народа. (Одобренія).

Многіе изъ насъ здѣсь въ этой комнатѣ, достаточно стары, чтобы помнить время, когда холодность, подозрительность, даже отчужденіе были нормальными характерными чертами отношеній между Россіей и Великобританіей. Онѣ занимали блестящее и почти типичное мѣсто въ этомъ старомодномъ, теперь къ счастью вышедшемъ изъ употребленія, каталогѣ націй, въ которомъ онѣ были классифицированы и занумерованы, какъ естественные враги другъ друга. Благодаря мудрой и предусмотрительной дипломатіи, основанной, я думаю, на здоровомъ крѣпнущемъ общественномъ мнѣніи въ обѣихъ странахъ, это положеніе вещей прошло съ тѣмъ, чтобы, какъ мы надѣемся, никогда болѣе не возвращаться. (Одобренія). Съ доброю вѣрою и добрымъ намѣреніемъ съ обѣихъ сторонъ

мы прошли длинный путь къ соглашенію по разнообразѣйшимъ вопросамъ, какъ мѣстнымъ, такъ и общимъ, которые въ былые дни вызвали бы безконечныя тренія, пролили бы массу ѣдкихъ дипломатическихъ чернилъ (смѣхъ) и можетъ быть явились бы даже угрозой для мира всего міра. Даже въ теченіе послѣднихъ 12 мѣсяцевъ мы достигли дружественнаго соглашения уже установленнаго, которое устояло противъ усилій и ярости не одной политической непогоды.

Но, я думаю, что встрѣчу ваше одобреніе, если скажу, что въ наши дни соглашеніе между двумя правительствами не можетъ быть продолжительнымъ и устойчивымъ, если оно не сопровождается соглашеніемъ между двумя народами, которыхъ касается (Одобренія). На этомъ то основаніи мы испытываемъ особое удовольствіе отъ того визита, который вы намъ дѣлаете на этой недѣлѣ.

Намъ, и я не исключаю теперь и тѣхъ изъ насъ, которые заседаютъ въ этомъ Парламентѣ, есть много чему поучиться у Россіи, не Россіи 100 лѣтъ тому назадъ, а Россіи сего дня. (Слушайте, слушайте!). Вы можете сказать намъ съ первокласснымъ авторитетомъ многое, что мы должны знать, и можетъ быть въ свою очередь въ теченіе вашего пребыванія здѣсь мы будемъ въ состояніи произвести на васъ и оставить въ васъ дружескія впечатлѣнія и воспоминанія, которые вы унесете домой и передадите вашимъ товарищамъ—соотечественникамъ. Пусть вашъ пріѣздъ, господа, послужитъ, какъ мы надѣемся и вѣримъ, что это такъ и будетъ, скрѣпленію дружбы между двумя великими народами и успѣху дѣла мира. Я предлагаю вамъ выпить за здоровье нашихъ гостей въ связи съ именами господъ Хомякова, Предсѣдателя Думы и Стаховича, члена Государственнаго Совѣта.

(Послѣднее означаетъ, что названныя лица приглашаются отвѣчать).

Рѣчь Хомякова.

Начало этого столѣтія было тяжкимъ временемъ для Россіи, но какъ кажется мы поднимаемся впередъ. (Одобреніе). Мы питаемъ довѣріе, что конституція, дарованная намъ Его Величествомъ Императоромъ, совершитъ свою работу на благо нашей великой страны. (Одобренія). Но нужно время, чтобы выполнить этотъ трудъ, не только просто время, но и время мира. (Слушайте, слушайте! и одобреніе). Слишкомъ много крови было пролито, и мы должны залечить свои раны работой, усиленной работой и хорошей работой. Этотъ трудъ требуетъ не только дружескаго

сотрудничества всѣхъ насъ въ нашей странѣ, но еще и дружбы другихъ странъ. (Одобренія). И мы надѣмся, что встрѣтимъ сочувствіе къ нашему мирному труду—мы надѣмся, что встрѣтимъ его въ Англіи. (Одобренія). Ради этого мы отвѣтили на вашъ призывъ и мы прибыли въ Англію. Ваше сердечное привѣтствіе и ваше великое гостепріимство даютъ намъ право думать, что нашъ трудъ будетъ доведенъ до конца и что мы и впередъ будемъ встрѣчать въ Англіи ту же симпатію, которую встрѣчаемъ теперь. Позвольте мнѣ поднять мой стаканъ, отъ имени моихъ друзей и отъ моего собственного, за процвѣтаніе великой и дружественной Англіи. (Громкіе крики одобренія).

Послѣ Н. А. Хомякова, читавшаго свой тостъ по англійски, всталъ М. А. Стаховичъ и сказалъ по французски красивую рѣчь. Онъ указалъ между прочимъ, что иниціаторомъ конференцій мира былъ Русский Императоръ и закончилъ словами поэта: „Celui, qui a servi ce que son temps avait de meilleur, a vecu pour tous les temps“. (Кто служилъ тому, что было лучшаго въ его время, тотъ жилъ для всѣхъ временъ *).

Рѣчь Бальфура.

Бальфуръ говорилъ свою рѣчь почти не взглядывая на замѣтки, которыя, однако, лежали и передъ нимъ. Онъ сказалъ:

„Тостъ, который я имѣю предложить вамъ, въ извѣстномъ смыслѣ болѣе узкій, чѣмъ тотъ, который предложилъ уже вашему вниманію Первый Министръ, однако въ другомъ смыслѣ онъ шире. Это тостъ за Русскую группу Междупарламентскаго Союза. (Одобреніе). Хотя, эта группа, какъ оно и совершенно естественно, Господа, представляетъ конечно только часть Русской Думы, но она является въ то же время частью организаціи, къ которой принадлежатъ члены всѣхъ или почти всѣхъ представительныхъ собраній во всемъ мірѣ, и ее можно поэтому называть въ извѣстномъ смыслѣ, имѣющею всемірное значеніе. (Слушайте, слушайте). Я подчеркиваю, что цѣль Междупарламентскаго Союза заключается именно въ томъ, чтобы создать извѣстную практическую организацію для выполненія задачъ, которыя настоящій визитъ членовъ Думы имѣетъ въ виду разрѣшить и даже находится уже на пути ихъ счастливаго разрѣшенія.

*) Рѣчь эта, какъ сказанная по-французски, не передана англійскими газетами.

Увеличеніе взаимнаго пониманія между представителями различныхъ націй, а черезъ нихъ и между самими націями есть дѣйствительно созданіе прочнаго основанія международной дружбы и международного мира. Взаимное пониманіе не легкое дѣло. Препятствія не только въ различіи языка и въ разстояніи, но еще и въ томъ, что каждая нація, сознаетъ ли она это или нѣтъ, неизбежно мыслить и должна мыслить въ рамкахъ своей собственной исторіи. Мы можемъ имѣть и постепенно, какъ я счастливъ это думать, приобретаемъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ учрежденія, все болѣе сходныя между собою по своей внѣшней формѣ и по своему благотворному дѣйствию на разрѣшеніе великихъ задачъ свободы, справедливости и прогресса. Но за этимъ кажущимся сходствомъ, если только мы не будемъ очень сильно стараться о противномъ, всегда останутся—я не хочу называть ихъ несогласіями—эти несовершенства взаимнаго пониманія, разрушить которыя, насколько она это можетъ, и есть дѣло той ассоціаціи, за которую я провозглашаю теперь тостъ. (Одобренія). Мы, я думаю, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, во многихъ отношеніяхъ гораздо мудрѣе, чѣмъ наши отцы въ той остротѣ, съ которой мы относимся къ историческимъ и политическимъ задачамъ. Никто въ настоящее время не думаетъ, что націи, если бы были предоставлены себѣ самимъ, въ силу нѣкоего естественнаго и легкаго тяготѣнія, непремѣнно пришли бы къ удобнымъ формамъ представительныхъ учрежденій, и что только злыя вліянія и враждебные интересы препятствуютъ имъ достигнуть совершенства представительныхъ учрежденій. Мы всѣ знаемъ—мы, которые примѣняли на дѣлѣ Парламентскія учрежденія въ теченіе многихъ столѣтій и вы, наши гости, которые такъ блестяще начинаете ваше великое предпріятіе—установленіе Парламентскихъ учрежденій въ Россіи,—что Парламентскія учрежденія, хотя и величайшая и лучшая изъ всѣхъ формъ правленія, не являются формой правленія удобной и легкой для использованія наилучшимъ образомъ. Я думаю, что Первый Министръ удивительно хорошо вложилъ сегодня въ свою рѣчь идею, которая должна лечь въ основаніе мнѣнія каждаго, желающаго видѣть Парламентскія учрежденія процвѣтающими въ своей странѣ. Но пусть никто не предполагаетъ, что Парламентскія учрежденія такіа учрежденія, которыя правильно функционіруютъ сами по себѣ, которыя не допускаютъ злоупотребленій, которыя даютъ, единственно въ силу факта, что у васъ есть хорошая бумажная конституція, результаты благодѣтельные для всѣхъ классовъ, для всѣхъ интересовъ. Это не такъ.

Величайшее орудіе свободы, справедливости и прогресса, какъ Первый Министръ такъ вѣрно сказалъ,—Парламентскія учрежденія явля-

ются самую трудную изъ всѣхъ формъ правленія для того, чтобы работать съ осязательнымъ результатомъ, чтобы работать съ непрерывностью, чтобы работать безъ тѣхъ рѣзкихъ потрясеній и нарушенийъ въ послѣдовательности исторической жизни, которая ничего не приноситъ кромѣ вреда націямъ къ своему несчастію имъ подвергающимся.

Вотъ урокъ, который всѣ націи и государственные люди всѣхъ націй начинаютъ теперь усваивать, и всѣ мы можемъ вынести этотъ урокъ, изъ обмѣна идеями, развитіе которыхъ такъ хорошо приспособлена та ассоціація, за которую я предлагаю вамъ теперь тостъ.

Парламентскія учрежденія имѣютъ свои трудности, и я думаю, что главная трудность для нихъ заключается въ томъ, что каждый человекъ, который входитъ въ составъ представительнаго собранія, неизбежно принадлежитъ—или почти неизбежно принадлежитъ—къ какой нибудь партіи или къ какой нибудь группѣ. Опять я хотѣлъ бы присоединиться всецѣло къ тому, что было сказано Первымъ Министромъ по отношенію къ управленію посредствомъ партій или управленію посредствомъ группъ. Я не знаю, стоитъ ли спрашивать, есть ли это лучшая или мудрейшая форма Парламентарнаго правленія, потому что я увѣренъ, что это единственная форма. (Смѣхъ и одобреніе). Но это влечетъ за собою извѣстныя опасности, когда члены одного представительнаго собранія обмѣниваются мыслями съ членами другого представительнаго собранія. Чрезвычайно важно, чтобы они при этомъ старались помнить не то, что они принадлежатъ къ частной партіи или частной группѣ въ ихъ собственномъ представительномъ собраніи, но что они призваны, во всякомъ случаѣ хоть въ данный моментъ, представлять Парламентъ во всей его совокупности (слушайте, слушайте! и одобреніе) въ ихъ сношеніяхъ съ членами другого Парламента. И если они дѣйствительно хорошо усвоили урокъ, который объяснялъ сегодня Первый Министръ, если они дѣйствительно поняли, что каждый человекъ, входящій въ составъ Парламента, имѣетъ обязанности лояльности и добросовѣстности передъ Парламентомъ какъ цѣлымъ, независимо отъ частной партіи или частной группы, къ которой онъ принадлежитъ, тогда они обладаютъ надлежащими качествами, чтобы въ полной мѣрѣ участвовать въ томъ обмѣнѣ мыслями между различными Парламентами и различными представительными собраніями, который одинъ только и можетъ принести всѣ тѣ добрые плоды, возрастать которыхъ такъ хорошо приспособлено то учрежденіе, выпить за процвѣтаніе котораго я васъ призываю.

Меня радуетъ мысль, что встрѣча подобная этой сдѣлала такъ много, чтобы двинуть впередъ сочувственное пониманіе другъ друга, которое,

какъ я сказалъ это въ началѣ, является дѣйствительной основой всякой международной дружбы. Мы смотрѣли съ восхищеніемъ на работу, которую вы сдѣлали, насколько мы понимаемъ ее—и я совершенно допускаю, что не всегда легко иностранцамъ понять вполнѣ весь тотъ трудъ, который совершается въ другомъ мѣстѣ, и никогда не бываетъ мудрымъ, я думаю, выражать догматическое мнѣніе—но поскольку я понимаю это дѣло, поскольку мы Великобританцы понимаемъ это дѣло, мы смотримъ съ восхищеніемъ на трудъ, который вы совершили въ продолженіи короткихъ лѣтъ, что вы были призваны взять на себя дѣло, сходное съ тѣмъ, которое мы въ этихъ стѣнахъ пытались—иногда съ успѣхомъ, а иногда и безъ успѣха—выполнить къ лучшему по мѣрѣ нашихъ дарованій. Мы ожидаемъ, что результатомъ вступленія Россіи на этотъ новый путь будетъ не только продолжительный періодъ развитія въ вашей великой странѣ всѣхъ тѣхъ началъ которымъ мы придаемъ наиболѣе цѣны, и которыя будутъ приносить постоянно возрастающіе плоды въ сочувственномъ пониманіи одной націи другою, но и постоянное, вѣчное упроченіе этого чувства, которое болѣе, чѣмъ доброе пониманіе, этого чувства дружбы, которое теперь такъ счастливо существуетъ между нашими двумя великими государствами. Я прошу позволенія пригласить васъ выпить за Русскую группу Междупарламентскаго Союза въ связи съ именемъ Ивана Ефремова.

Рѣчь Ефремова.

Вызванный такимъ образомъ Бальфуромъ, я отвѣчалъ ему слѣдующимъ тостомъ на французскомъ языкѣ:

Господинъ предсѣдатель, Ваши Превосходительства, лорды и джен-тельмены!

Ваше радушіе, вашъ сердечный пріемъ, который мы такъ цѣнимъ, вы уже не въ первый разъ оказываете представителямъ русскаго народа. Съ чувствомъ искренней благодарности вспоминаемъ мы какъ отнеслась Англія къ зарожденію у насъ народнаго представительства, какъ встрѣтили вы делегатовъ первой Думы на конференціи 1906 года. Тогдашній вашъ Премьеръ, покойный нынѣ серъ Кембель-Баннерманъ, высокочтимый въ Россіи (одобреніе), привѣтствовалъ ихъ словами: „La Douma est morte! Vive la Douma!“ (Дума умерла, да здравствуетъ Дума!). Онъ бросилъ доброе сѣмя въ русскія сердца, оно возшло чувствомъ горячей благодарности къ Англіи. Серъ Кембель-Баннерманъ оказался пророкомъ: Дума жива и не можетъ болѣе умереть, таково не-

однократно высказанное рѣшеніе Государя Императора, такова воля Русскаго народа. (Одобреніе). Въ Думѣ растетъ и крѣпнеть то сердечное отношеніе къ нашей странѣ—колыбели народного представительства,—результатомъ котораго явился нашъ пріѣздъ къ вамъ.

Въ средѣ третьей Думы возродилась и группа Межпарламентскаго Союза, которую я имѣю честь здѣсь представлять. Одной изъ первыхъ заботъ ея будетъ мысль о заключеніи между Великобританіей и Россіей договора о третейскомъ судѣ, стремленіе всемірно содѣйствовать изглаживанію самаго воспоминанія о прежнихъ недоразумѣніяхъ и разногласіяхъ, уясненію и укрѣпленію новыхъ путей, по которымъ взаимныя симпатіи и интересы нашихъ народовъ сливались бы въ одномъ широкомъ потокѣ.

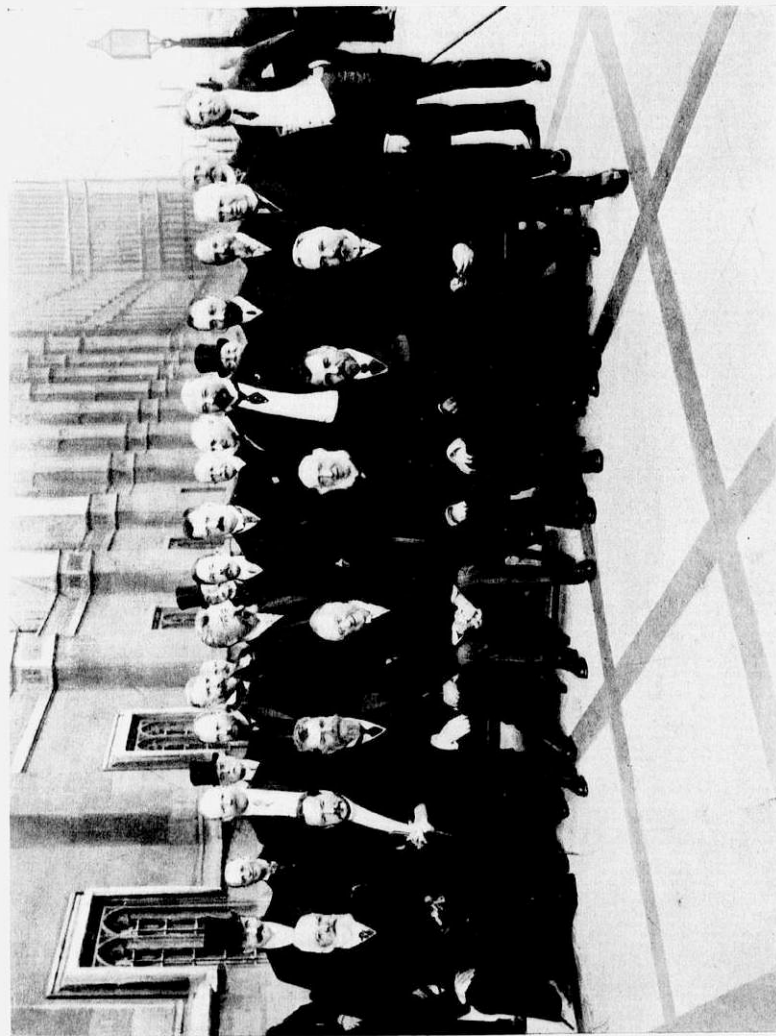
Англійская группа Межпарламентскаго Союза, которая такъ много сдѣлала для заключенія Англіей договоровъ о третейскомъ судѣ съ Франціей, Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и восемью другими государствами, для установленія и укрѣпленія благотѣльной entente cordiale (сердечнаго согласія) съ Франціей, нашей дорогой союзницей и другомъ, съ которой васъ, однако, раздѣляли прежде вѣковыя, глубокія разногласія и даже столкновенія интересовъ, Англійская группа, говоря, показала намъ примѣръ, достойный тщательнаго подражанія. Я особенно радъ поэтому и горжусь возможностью поднять бокалъ за нашихъ учителей въ дѣлѣ мира, въ дѣлѣ права и справедливости въ международныхъ отношеніяхъ, за лорда Уирдэля (одобренія), такъ энергично способствовавшаго болѣе практической и плодотворной организаціи нашего Союза (позвольте мнѣ назвать его нашимъ) и за всѣхъ членовъ Британской группы Межпарламентскаго Союза. (Продолжительныя одобренія).

Рѣчь Звегинцева.

Последнимъ читалъ свою рѣчь Звегинцевъ, обратившійся къ собранію на англійскомъ языкѣ со слѣдующими словами:

„Лордъ Уирдэль, милорды и джентельмены! Въ теченіе послѣднихъ 700 лѣтъ, на разстояніи полета камня отъ этой комнаты и вокругъ нея, вашъ народъ, работая при посредствѣ своихъ лучшихъ людей, создалъ великолѣпное зданіе конституціонной монархіи, основанной на свободѣ и ответственности гражданъ. Звено за звеномъ выковывалъ онъ ту длинную, неразрывную цѣпь здороваго патріотизма, который уважаетъ,—я вѣришь скажу,—преклоняется передъ учрежденіями, обычаями и привычками, переданными отъ предшественниковъ, и

Гр. Оксфордъ. Милоковъ. Лерхе. Челюковъ. Максудовъ. Звигинцевъ. Кроленеръ-Струве. Монтвилль.



Гальбоу. Маклаковъ. Стаховичъ. Лордъ Уирдэль. Сэръ Шилловскій. Гучковъ. Бенжаменъ Стоунъ.

На терасѣ Вестминстерскаго дворца (Парламента).

который въ корняхъ прошлаго видитъ плоды будущаго. Лучшая дань уваженія,—какую можно было бы представить—чтобы страстное желаніе подражать этимъ учрежденіямъ стало всеобщимъ. Но если принципы, основанные на отвлеченныхъ идеяхъ, вѣчны, то формы ихъ развитія должны соответствовать понятіямъ тѣхъ, кто стремится ихъ примѣнить. Тотъ, кто надѣется на успѣхъ отъ простаго лишь подражанія вышнимъ формамъ, подвергаетъ себя опасности внести зародышъ окончательнаго распада. Великая задача созданія конституціоннаго преданія влечетъ за собою отвѣтственность въ учетъ всѣхъ тѣхъ инстинктовъ и традицій страны, которые должны были бы быть ихъ вѣрнымъ выраженіемъ. (по русски): Я пью за здоровье англійскаго Парламента (снова по англійски). Я поднимаю мой бокалъ за славныя традиціи Парламента старой Британіи“!

По окончаніи этихъ тостовъ мы снова перешли на террасу, гдѣ былъ поданъ кофе. Одинъ изъ членовъ палаты серъ Бенжамайнь Стонъ—оказался фотографомъ и сталъ снимать общія наши группы, при чемъ въ первомъ ряду помѣстился кромѣ русскихъ только лордъ Уирдель, а остальные англичане заполняли фонъ картины. Потомъ онъ хотѣлъ снять еще Н. А. Хомякова съ Асквитомъ, но послѣдній подозвалъ меня и лорда Уирдэля; и мы снялись вчетверомъ. Въ заключеніе Н. А. Хомяковъ снялъ опять общую группу, но посадивъ уже сера Бенжамейна Стона, совсѣмъ бѣлаго старика, на свое мѣсто.

Послѣ этого мы отправились въ засѣданіе Палаты общинъ при чемъ два три члена Палаты прошли съ нами въ трибуны для публики и давали объясненія. Мы сидѣли противъ Спикера и слѣдовательно противъ той густой рѣшетки, за которую только и допускаются женщины на засѣданія Парламента. Передъ рѣшеткой женской трибуны расположены мѣста для представителей прессы. Шло обсужденіе такъ называемыхъ „вопросовъ для устнаго отвѣта“, дѣловое засѣданіе, гдѣ члены министерства даютъ краткія фактическія разьясненія и отвѣты, а два три члена Палаты имъ также сжато и дѣловито возражаютъ или просятъ дополнительныхъ разьясненій. Такихъ вопросовъ стояло на повѣсткѣ 88 и кромѣ того предложенія о вторыхъ и третьихъ чтеніяхъ и предложенія поправокъ къ разсматриваемымъ законопроектамъ. Эти „вопросы“ дали намъ возможность послушать нѣ-

сколькихъ министровъ: колоній, морского, военного, канцлера казначейства, министра Ирландіи и самаго Премьера. Покончивъ съ вопросами, Спикеръ, все время то на ту, то на другую сторону передвигавшій свой напудренный парикъ, вѣроятно сильно грѣющій ему голову и шею, всталъ и ушелъ изъ засѣданія. Предсѣдательство перешло къ одному изъ его товарищей, оставшемуся, какъ и всѣ члены Палаты, на своемъ мѣстѣ за столомъ, впереди мѣста Спикера, засѣданіе такимъ образомъ автоматически превратилось изъ пленарнаго въ засѣданіе комитета, процедура котораго проще, и которое еще суше и дѣловитѣе.

Мы оставили засѣданіе Палаты общинъ и прошли въ часть Вестминстерскаго дворца, занимаемую Палатой лордовъ. Эти залы богаче отдѣланы, чѣмъ помѣщенія общинъ, здѣсь больше позолоты, да пожалуй и простора болѣе. Одинъ изъ членовъ Палаты общинъ показалъ мнѣ мѣсто, гдѣ стоялъ Кембелль-Баннерманъ, когда говорилъ: „La Douma est morte, vive la Douma!“ и то, на которомъ при этомъ сидѣли члены первой Государственной Думы. При выходѣ изъ Вестминстерскаго дворца хозяева обратили наше вниманіе на то мѣсто на лѣстницѣ, обозначенное памятной доской, гдѣ стоялъ король Карлъ I, когда ему читали его смертный приговоръ. Спустившись по этой лѣстницѣ и осмотрѣвъ еще старинную маленькую часовню дворца, мы вышли во внутренній дворъ, гдѣ насъ встрѣтилъ лордъ Уирдэль и повелъ на чай къ Спикеру (предсѣдатель Палаты общинъ). Онъ живетъ въ самомъ Вестминстерскомъ дворцѣ, въ помѣщеніи, отдѣланномъ и меблированномъ въ старинномъ стилѣ дворца, и украшенномъ портретами всѣхъ Спикеровъ Палаты общинъ. Здѣсь собралось вслѣдъ за нами многочисленное общество, преимущественно жены, дочери и сестры парламентскихъ дѣятелей. Было также много членовъ Парламента, видѣнныхъ нами за завтракомъ. Кромѣ того здѣсь было нѣсколько министровъ, въ томъ числѣ военный Гальданъ и иностранныхъ дѣлъ серъ Эдуардъ Грей, съ которыми меня познакомилъ лордъ Уирдэль, считающій меня старымъ (съ Берлинской конференціи!) знакомымъ и потому отыскивавший меня и знакомившій со многими мужчинами и дамами.

На раутѣ у Спикера и супруги его мистрисъ Лоусеръ были между прочимъ: леди Лондондерри, леди Лонсдэль,

русскій посолъ и графиня Бенкендорфъ, лордъ и леди Уирдэль, Бекстонъ Биррель, Ли, Бердетъ Соутсъ, серъ Дональдъ Меккензи Уоллесъ, Лордъ Сандерсонъ, Тоуэръ, леди Аллендэль, мистрисъ Иммотъ, полковникъ Локвудъ съ супругой и другія.

Большинство присутствующихъ дамъ были пожилыя (молодыхъ было кажется только двѣ: дочь Спикера и дочь графа Бенкендорфа) болѣе или менѣе интересующіяся политикой и въ курсѣ ея, судя по тѣмъ разговорамъ, которыя онѣ вели съ нами; многія изъ нихъ были не красивы и неинтересны. Маклаковъ былъ искренно огорченный тѣмъ, что супруга Спикера представляла его только такимъ дамамъ и такъ усердно, что у него не было возможности заводить знакомства по своему выбору. Но были и дѣйствительно красивыя дамы, хотя и пожилыя, но хорошо сохранившіяся, типичныя англійскія красавицы, какъ, напримѣръ, леди Мортонъ, который меня представилъ лордъ Уирдэль, говоря: „теперь вы видите, что и у насъ есть красивыя женщины“.

Сегодняшній пріемъ въ Палатѣ, при всемъ своемъ частномъ повидимому характерѣ имѣлъ громадное значеніе. Тотъ фактъ, что насъ привѣтствовали оба лидера: правительственной партіи и оппозиціи, свидѣтельствуешь, какъ это подчеркиваетъ англійская пресса, что насъ привѣтствовалъ весь Парламентъ, какъ одно цѣлое, а слѣдовательно и весь англійскій народъ. Весь Парламентъ призналъ насъ, устами Асквита, товарищами своихъ членовъ, и весь англійскій народъ, устами своихъ лидеровъ, говорилъ о счастливо установившихся дружескихъ отношеніяхъ своихъ къ русскому народу.

Фактъ произнесенія нами рѣчей въ стѣнахъ англійскаго Парламента былъ какъ бы нашимъ Парламентскимъ крещеніемъ, международной санкціей нашихъ парламентскихъ правъ и значенія. Не знаю какъ другія, но я послѣ произнесенія своего тоста въ Вестминстерскомъ дворцѣ чувствовалъ себя какъ бы формально принятымъ въ международную семью Парламентскихъ дѣятелей и равноправнымъ, въ международномъ отношеніи, съ народными представителями другихъ странъ. Вечеромъ А. И. Звегинцевъ говорилъ мнѣ, что моя рѣчь произвела хорошее впечатлѣніе, не знаю, на кого; части нашей депутаціи упоминаніе о первой Думѣ едва ли по-

правилась. П. Н. Милуковъ, сидѣвшій за обѣдомъ противъ меня, сочувственно кивалъ мнѣ головой, когда я вспоминалъ слова Кембелля Баннермана. Англійскіе корреспонденты, присутствовавшіе на завтракѣ повидимому плохо понимаютъ по французски, такъ какъ ни слова не передали изъ того, что говорилъ М. А. Стаховичъ и я. А между тѣмъ мой сосѣдь по столу, членъ палаты общинъ шотландецъ Дунканъ, такъ говорящій по французски, что при всей недостаточности моего знанія англійскаго языка я лучше понималъ его, когда онъ говорилъ по англійски, а не по французски, говорилъ мнѣ послѣ завтрака, что я такъ отчетливо произношу по французски, что каждое слово было понятно.

Уже за этотъ первый день мы успѣли убѣдиться въ сильнѣйшемъ желаніи англичанъ сблизиться съ Русскими, они всемѣрно подчеркиваютъ значеніе нашего визита, искренно нами интересуются и выражаютъ намъ чрезвычайное вниманіе.

Вечеромъ мы обѣдали въ разныхъ мѣстахъ: Стаховичъ, Лерхе, Монтвилъ, Шидловскій, Маклаковъ и я у Мистера Сантъ Ло Страчей издателя вліятельнѣйшаго въ Англіи еженедѣльника „Спиктеторъ“, графъ Бобринскій у лорда Пентленда, съ которымъ познакомился за завтракомъ, а остальные у Мистера Аймра Киральфи, владѣтеля громаднхъ выставочныхъ зданій, называемыхъ „Бѣлый Городъ“, гдѣ Англичане не прочь бы устроить Англо-Русскую выставку.

У Страчей мы были удивлены тѣмъ, что гости здороваются только съ хозяевами, но не другъ съ другомъ, а изъ насъ cadaго представляли только той дамѣ, которую онъ долженъ былъ вести къ столу, хотя обѣдающихъ за двумя круглыми столами было всего человѣкъ 20.

Жаль, что не знаешь такимъ образомъ, съ кѣмъ встрѣчаешься, часто не разберешь даже фамилію того, съ кѣмъ знакомишься. Мы встрѣчаемъ такъ много новыхъ лицъ и съ многими говоримъ, что легко переэбуть или спутать ихъ. Вѣроятно, на этомъ основаніи хозяйка дома подойдя ко мнѣ послѣ обѣда среди разговора напомнила мнѣ, кто она, добавивъ, что ее, какъ и мужа ея, болѣе знаютъ подъ именемъ ихъ газеты, т. е. какъ Мистрисъ и Мистеръ Спиктеторъ, чѣмъ подъ ихъ настоящимъ именемъ Страчей; она рассказывала

еще, что они оба давно интересуются Россіей и бывали въ Петербургѣ.

Моя сосѣдка за обѣдомъ была леди Норсклифъ, жена владѣльца Таймса; это еще довольно молодая интересная дама, довольно хорошо говорящая по французски, она спрашивала меня о Думѣ и ея дѣятельности, о положеніи дѣлъ въ Россіи вообще, и говорила также, что давно интересуется Россіей, была въ Петербургѣ, Москвѣ и кажется въ Нижнемъ.

Другою моею сосѣдкой была молодая жена бывшаго секретаря Англійскаго губернатора Египта, лорда Кромера; эта дама ужъ совсѣмъ хорошо говорила по французски; вѣроятно, зная, что я недостаточно владѣю англійскимъ языкомъ, хозяйка нарочно посадила меня между дамами, говорящими по французски. Самъ лордъ Кромеръ былъ также за обѣдомъ—и послѣ него пожелалъ со мною познакомиться. Онъ завѣрялъ меня въ глубокой симпатіи Англіи къ Россіи, выражалъ удовольствіе, что состоявшееся наконецъ соглашеніе настолько улучшило положеніе, что дало возможность благополучно пережить трудное время, созданное положеніемъ дѣлъ въ Персіи, которое въ прежнее время повело бы къ серьезнымъ осложненіямъ: Лордъ Кромеръ сказалъ мнѣ также, что онъ еще шесть лѣтъ тому назадъ писалъ изъ Египта тогдашнему премьеру, что необходимо заключить соглашеніе съ Россіей по ближневосточнымъ вопросамъ, а не продолжать политику недовѣрія и вражды къ Россіи.

Вспоминая недавнее прошлое, странно видѣть въ первыхъ рядахъ приглашающихъ въ Англію русскихъ депутатовъ бывшаго Англійскаго правителя Египта лорда Кромера и бывшаго Вице Короля Индіи руссофоба лорда Керзона. Tempora mutantur et nos mutamur in illis. Я познакомился еще съ Мистеромъ Макси редакторомъ одной изъ большихъ Лондонскихъ газетъ, фанатикомъ увеличенія Англійскаго флота и сближенія съ Россіей, въ виду грознаго призрака Германской военной и морской мощи.

Моя сосѣдка Леди Норсклифъ пригласила меня пріѣхать къ ней въ замокъ, въ слѣдующее воскресенье. Вспомнивъ желаніе Маклакова познакомиться съ красивыми англичанками, я сталъ говорить леди Норсклифъ о немъ, и она пожелала познакомиться съ нимъ и пригласила его также

къ себѣ въ деревню; приглашеніе, которымъ Маклаковъ въ концѣ концовъ не воспользовался, уѣхавъ въ другое мѣсто.

Большинство изъ насъ обѣдали въ этотъ день, какъ я уже сказалъ, въ выставочномъ залѣ зданія Аймра Киральфи, какъ гости послѣдняго. Этотъ дѣлатель выставокъ, какъ его называлъ Н. А. Хомяковъ, устроилъ въ своемъ помѣщеніи прошлогоднюю англо-французскую выставку, причемъ организаціонный комитетъ долженъ былъ однако гарантировать ему валовой доходъ въ миллионъ фунтовъ стерлинговъ, въ дѣйствительности превзойденный, и участвуетъ въ устройствѣ въ будущемъ году у него же англо-японской выставки. Онъ изложилъ Н. А. Хомякову свой проектъ устройства въ ближайшемъ будущемъ все въ томъ же „Бѣломъ Городѣ“ англо-русской выставки. Онъ согласился съ мнѣніемъ Хомякова, что ему самому или кому либо другому нужно пріѣхать пожить въ Россіи и присмотрѣться къ подходящему для выставки матеріалу. Киральфи сказалъ, что вѣроятно пріѣдетъ въ Россію, а Н. А. Хомяковъ обѣщалъ познакомить его со всѣми нужными ему людьми. Въ виду того, что нужно довольно много времени для подготовки выставки въ достаточно широкомъ размѣрѣ, ее едва ли возможно сдѣлать ранѣе 1911 года, тѣмъ болѣе, что 1910 годъ занятъ уже англо-японской выставкой. Н. А. Хомяковъ полагалъ при этомъ (Westminster Gazette 23 VI. 1909), что съ точки зрѣнія торговли очень важно расширить путемъ выставки знанія англичанъ, о промышленности и покупателяхъ великой Россійской имперіи, о ея средствахъ и возможностяхъ развитія. Съ другой стороны выставка должна содѣйствовать развитію дружескихъ отношеній между двумя странами. Другіе Русскіе посѣтители, „Бѣлаго Города“ также высказали намѣреніе содѣйствовать этому предпріятію. Самое помѣщеніе поразило ихъ своей громадностью и великолѣпіемъ.

На огромной площади—раза въ три превышающей Марсово поле въ Петербургѣ, разбросаны многочисленные павильоны въ Мавританскомъ стилѣ, почти сплошь бѣлые, почему выставку и называютъ „Бѣлымъ Городомъ“. Французская торговля представлена здѣсь всѣми своими видами—здѣсь и предметы необходимости и роскоши, мраморныя статуи, картины, бездѣлушки, шелки, ткани, моторы и т. д.; здѣсь же къ услугамъ зрителей всевозможныя развлеченія.

Между прочимъ нѣкоторые депутаты развлекались автоматическими автомобильными гонками, по рельсамъ. На нѣсколькихъ рельсовыхъ путяхъ помѣщаются рядомъ моторы съ электрическимъ токомъ. Одной машиной всѣ моторы сразу пускаются въ ходъ и гонка начинается, конечно одна иллюзія гонки, потому что моторъ приходилъ въ зависимости отъ общей машины. Звезинцевъ состязался въ этой гонкѣ съ барономъ Струве и одержалъ блистательную побѣду.

Къ услугамъ любителей сильныхъ ощущеній—подъемъ на высоту приблизительно Эйфелевой башни и стремительный спускъ въ особыхъ вагончикахъ въ родѣ лифтовъ. Здѣсь же на выставкѣ Гамбургскій Гагельбековскій звѣринецъ въ миниатюрѣ.

Глава IV.

На слѣдующій день, въ среду 23/10 іюня мы осматривали сокровища Британскаго Музея. Описывать ихъ я не берусь, укажу только на то, что каждый отдѣлъ музея намъ показывалъ завѣдующій этимъ отдѣломъ, обращая наше вниманіе на самые выдающіеся предметы его отдѣла, и при входѣ въ слѣдующій отдѣлъ передавалъ насъ, такъ сказать съ рукъ на руки, завѣдующему слѣдующимъ отдѣломъ. При этомъ хранитель Египетскаго музея казался настолько сжившимися со всѣми этими каменными Сезострисами, Аменотепами, и проч. какъ будто онъ ихъ современникъ или, по крайней мѣрѣ, потомокъ. Не могли мы, конечно, не любоваться дивными Фидіевскими Метопами, похищенными англичанами съ Аѳинскаго Партефона или превосходными по своему реализму рельефами снятыми со стѣнъ Ассирійскихъ дворцовъ; но даже главнѣйшихъ сокровищъ скульптуры не перечестъ, а тѣмъ болѣе не перечислить бѣгло видѣнныхъ нами безчисленныхъ книгъ и древнѣйшихъ рукописей, не исключая и подлинника Великой Хартіи Вольностей. Бѣжавшіе на завтракъ Лондонской торговой палаты должны были оставить Музей ранѣе, а мы, завтракавшіе у лорда Рей, могли пробыть здѣсь еще съ часъ. Но что часъ для Британскаго Музея, когда здѣсь надо быть недѣли. Вообще мы видѣли и испытали многое чего,—и въ особенности какъ,—никогда не видѣли и не испытали бы, пріѣхавъ частными людьми въ Лондонъ, но за то мы не видѣли многого, что всегда видятъ самые простые туристы и ради чего стоитъ конечно, еще и не одинъ разъ пріѣхать въ Лондонъ и пожить тамъ, лишь отчасти пользуясь пріобрѣтенными знакомствами.

Къ Лорду Рей, бывшему губернатору одной изъ провинцій Индіи, отпразднели Стаховичъ и Глѣбовъ, Максудовъ,

Шидловскій, гр. Бобринскій и я. Хозяинъ и хозяйка привѣтливые изящные аристократическіе старички, хорошо говорящіе по французски, съ моимъ же сосѣдомъ тоже старикомъ бывшимъ Спикеромъ Палаты общинъ, а теперь Лордомъ мнѣ приходилось говорить только по англійски, за то съ другимъ сосѣдомъ я могъ говорить по русски, такъ какъ онъ хорошо владѣетъ нашимъ языкомъ и къ концу нашего пребыванія совершенно возстановилъ свой навыкъ говорить по русски. Это былъ серъ Дональдъ Меккензи Уоллесъ, извѣстный своей книгой о Россіи, личный другъ и неофіціальныи посредникъ короля Эдуарда въ его сношеніяхъ съ русскимъ Дворомъ. Кромѣ нихъ были еще лордъ Сандерсонъ, бывшій товарищъ министра Иностранныхъ Дѣлъ, и лордъ Норсклифъ, владѣлецъ Таймса.

Графъ Олсуфьевъ, Н. А. Хомяковъ и остальные члены Государственной Думы были на завтракъ, данномъ въ Савой Отелѣ (Savoi Hotel) Лондонской торговой палатой, которую представляли ей предсѣдатель Серъ Альбертъ Спайсеръ, членъ палаты общинъ, Станлей Мечинъ, предсѣдатель Совѣта палаты, Чарльзъ Чарлетонъ и серъ Альбертъ Роллитъ товарищи его, Морганъ предсѣдатель русскаго отдѣла палаты, Франкъ Дибингамъ казначей, Серъ Томасъ Брукъ-Гитчингъ, Голденъ членъ парламента, Паркисъ членъ Парламента, Серъ Джонъ Бигамъ, Викинтъ де ла Шапель, Веневитиновъ и Челъзъ Мусгревъ секретарь. Среди приглашенныхъ были еще русскій посолъ гр. Бенкендорфъ, секретарь русскаго посольства Севастопуло, русскій генеральный консулъ баронъ Гейкинъ, профессоръ Пэрсъ, организаторъ поѣздки, Генри Кукъ, коммерческій агентъ изъ Россіи, и много членовъ русской колоніи.

Предлагая тостъ „за Царя“, предсѣдатель Серъ Альбертъ Спайсеръ сказалъ, что всѣ вполне искренно желаютъ Ему благоденствія. Созывомъ Гаагской конференціи Онъ показалъ, какими онъ желалъ бы видѣть отношенія между странами міра. Онъ надѣется, что Его Величеству дано будетъ испытать удовлетвореніе при видѣ Своей страны неизмѣнно идущей впередъ среди и устройства и роста всего, что ведетъ къ свободѣ, терпимости и представительнымъ учрежденіямъ.

Предлагая тостъ „за Нашихъ Гостей“, предсѣдатель сказалъ: „наши друзья пріѣхали безъ политической задачи, но съ цѣлью изучить нѣсколько болѣе наши представительныя



учреждения. Они прибыли сегодня въ коммерческой центр Имперіи, торговля которой воспиталась на основѣ личной свободы, свободныхъ учреждений и вѣротерпимости. Мы желаемъ болѣе тѣсныхъ сношеній съ нашими друзьями въ Россіи и вѣримъ, что они желаютъ того же самого. Въ теченіе послѣднихъ 12 мѣсяцевъ Палата образовала, подъ весьма вліятельнымъ покровительствомъ, русскій отдѣлъ палаты, и только недавно имѣла честь принимать теперешняго Русскаго Министра Торговли; она дѣлала все для нея возможное черезъ свой торговый учебный комитетъ, чтобы достигнуть лучшее знаніе русскаго языка. Мы рѣшительно завидуемъ большимъ лингвистическимъ познаніямъ многихъ русскихъ. (Слушайте, слушайте!). Въ широко распространенномъ знаніи чужого языка они имѣютъ постоянное побужденіе къ болѣе тѣснымъ сношеніямъ. Путемъ торговыхъ сношеній націи становятся ближе другъ къ другу; и мы желаемъ устранить, при должномъ уваженіи національныхъ потребностей и чувствъ, всѣ искусственныя перегородки между двумя націями. Изъ этихъ перегородокъ я сошлюсь на судебную процедуру и потребность международнаго торговаго арбитража, и я надѣюсь, что Торговая Палата, будетъ въ состояніи выполнить многое въ дѣлѣ упраздненія этихъ перегородокъ. Я упомяну, что между членами Палаты, собравшимися здѣсь привѣтствовать гостей, есть нѣсколько носящихъ наиболѣе уважаемыя имена среди еврейской общины Лондона, и я думаю, что ихъ присутствіе есть доказательство серьезнаго желанія создать, елико возможно, лучшія отношенія между двумя странами.

На этотъ тостъ отвѣчалъ по англійски Г. Г. Лерхе, онъ выразилъ удовольствіе, что предсѣдатель упомянулъ объ Императорѣ, съ именемъ котораго связано дарованіе Россіи конституціи. Мнѣ нечего объяснять, что это значитъ для насъ, говорилъ онъ далѣе. Мы счастливы, что имѣемъ случай показать, что англійскія чувства доброжелательства по отношенію къ намъ взаимно испытываются всѣми моими соотечественниками. Никто не знаетъ лучше, чѣмъ эта Палата, что цѣпи, связующія страны и народы, куются не одними политическими дѣятелями, но, и даже въ еще большей степени, взаимнымъ экономическимъ общеніемъ и тѣсными коммерческими сношеніями. Реальная связь, связь экономическая сдѣлала болѣе всего для обезпеченія и установленія мира, и

изучая экономическія взаимоотношенія различныхъ странъ, нельзя не прийти къ заключенію, что нѣтъ двухъ странъ болѣе способныхъ быть полезными другъ другу, какъ Англія и Россія. (Слушайте, слушайте!). Торговля сношенія между двумя народами начались съ 1553 года, когда Ричардъ Ченселоръ, имя котораго мы никогда не забудемъ, открылъ морской путь изъ Англіи въ Бѣлое море. Въ теченіе долгихъ лѣтъ, которые затѣмъ послѣдовали, торговля между двумя странами то шла въ гору, то падала. Въ прошломъ году общій торговый оборотъ между двумя странами превысилъ 50 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, при чемъ вывозъ изъ Британіи въ Россію былъ въ 20.000.000 фунт. ст., а ввозъ изъ Россіи въ Англію въ 30.000.000 ф. ст. Англія была такъ любезна, что обратилась къ Россіи за первой потребностью жизни, за хлѣбомъ. Въ Россіи высоко цѣнятся англійскіе товары, и если торговецъ, даже въ маленькихъ деревняхъ, желаетъ убѣдить покупателя, что его товаръ лучшаго качества, то онъ просто говоритъ: „Это англійскій товаръ“. (Смѣхъ и одобренія). Теперь пришло время, когда торговля между двумя странами могла бы принять совершенно другіе размѣры. Русская конституція, заря которой начала свѣтитъ надъ нашей обширной родной страной, наилучшая гарантія развитія трехъ вещей: закона, порядка и вѣротерпимости, и мы увѣрены, что торговля и промышленность послѣдуютъ за ихъ развитіемъ. Мы надѣемся, что Британскія предпріятія пойдутъ на встрѣчу нашимъ усиліямъ, и что экономическія и социальныя сношенія между нашими двумя народами, продолжая возрастать все болѣе и болѣе, будутъ служить постоянными узами связующими обѣ націи. (Слушайте, слушайте!). І. С. Монтвилль также отвѣчалъ на тостъ предсѣдателя, говоря по французски.

Предсѣдатель русскаго отдѣла Палаты Морганъ благодарилъ Сера Альберта Спайсера за великую помощь, имъ оказанную, дѣлу учрежденія русскаго отдѣла. Краткимъ отвѣтомъ послѣдняго закончился завтракъ и присутствовавшіе русскіе гости отправились осматривать зданіе судебныхъ установленій по спеціальному приглашенію Лорда старшаго судьи Англіи. Послѣдній пригласилъ Маклакова въ залъ засѣданія, велѣлъ поставить рядомъ съ собою громадное старинное кресло и, посадивъ на него Маклакова, бесѣдовалъ съ нимъ,

не прерывая производства разбираемого процесса. Маклаковъ такимъ образомъ, какъ бы принималъ участіе въ разборѣ дѣла, сидя за судейскимъ столомъ. Лордъ старшій судья Англіи оказалъ такимъ образомъ Маклакову величайшую честь какая можетъ быть оказана Англійскимъ судомъ. Мы послѣ подшучивали надъ Маклаковымъ, будто онъ, противникъ смертной казни, разбиралъ въ Англіи процессъ объ убійствѣ и участвовалъ въ постановленіи смертнаго приговора. Въ тотъ же день Маклаковъ былъ приглашенъ на товарищескій обѣдъ адвокатовъ, при чемъ въ приглашеніи было оговорено, что обѣдъ безъ рѣчей (по speeches). Присутствовало до 1500 адвокатовъ; и оригинально было то, что Маклакова и судей ввели въ столовую, и помѣстили за особымъ столомъ на эстрадѣ и даже за рѣшеткой, когда адвокаты были уже на своихъ мѣстахъ, и стоя привѣтствовали приходъ судей.

По окончаніи банкета происходила церемонія приѣма въ сословіе молодыхъ адвокатовъ, которая состояла въ томъ, что каждый изъ нихъ въ черной тогѣ и напудренномъ парикѣ подходилъ къ судѣ, выслушивалъ краткую рѣчь и отходилъ уже вступившимъ въ корпорацію. Послѣ приѣма и разѣзда адвокатовъ главный судья лично показывалъ В. А. Маклакову, помѣщеніе и картинную галлерею съ портретами выдающихся юристовъ Англіи. Торжество закончилось кофеемъ, сервированнымъ уже только для судей и Маклакова.

Большая часть изъ насъ обѣдала въ этотъ день въ существующемъ уже 200 лѣтъ аристократическомъ спортивномъ клубѣ въ Ранелей, (Ranelagh), куда мы были приглашены посмотреть состязанія въ поло. За нами пріѣхали два старшины клуба въ нѣсколькихъ автомобиляхъ и повезли за городъ, въ мѣстечко или городокъ Ранелей. Клубъ помѣщается въ громадномъ паркѣ, на лужайкахъ котораго происходятъ состязанія въ голфъ, поло и другія излюбленныя англійскія игры. Съ нами былъ Серъ Меккензи Уоллесъ, съ которымъ мы въ ожиданіи поло сначала отправились гулять по парку и любовались его Ливанскими кедрами, каштанами, кустами рододендровъ въ полномъ цвѣтѣ и проч. Затѣмъ насъ провели въ бесѣдку старшинъ, гдѣ клубъ принимаетъ короля, и подали чай, мороженое и фрукты. По обѣ стороны бесѣдки сидѣла многочисленная публика, члены клуба, ихъ семьи и гости. Оркестръ игралъ при этомъ Чайковского; звуки Марсельезы перемѣшивались со звуками Русскаго гимна.

Скоро началась игра, быстро поглотившая все наше вниманіе. Двѣ группы по четыре всадника на небольшихъ, но крѣпкихъ лошадакахъ, въ бѣшенномъ галопѣ отбиваютъ другъ у друга длинными деревянными молотками небольшой шаръ и стараются прогнать его каждая въ свои ворота. Лошади, правда, дрессированы и сами будто понимаютъ игру и участвуютъ въ ней, но все же поразительно, какъ участники ея не задѣваютъ другъ друга молотками и какъ лошади не сбиваютъ одна другую съ ногъ. Во время матча, длившагося болѣе часа, игроки нѣсколько разъ мѣняли лошадей, и, наконецъ, одна группа блистательно побѣдила. Мы пошли смотрѣть газонъ, на которомъ происходила игра, весь изрытый лошадыми; мы видѣли какъ сразу осаженные лошади, переставшія двигать ногами, все же еще скользили по землѣ и рѣзали газонъ шипами подковъ, оставляя полосы до двухъ и болѣе аршинъ длины. По окончаніи состязанія члены клуба со своими гостями (было много дамъ) пошли обѣдать въ шикарную столовую клуба. Насъ старшины посадили съ собою за отдѣльнымъ столомъ. Изъ обѣда отмѣчу только, что послѣ супа были поданы фазаньи яйца и сейчасъ же начали разливать шампанское, которое лилось рѣкой, но тоство не было.

По окончаніи обѣда насъ пригласили въ гостинную послушать концертъ: сперва болѣе серьезное пѣніе, а потомъ все болѣе веселыя и лихія шансонетки, очень мило исполненныя Лондонскими знаменитостями этого жанра. Но пробило уже 9, а въ 10½, намъ надо быть на раутѣ въ русскомъ посольствѣ, до гостинницы же добрыхъ ¼ часа ѣзды. Мы стали просить отвести насъ, хозяева удерживали, говоря, что автомобили доvezутъ скоро. Но когда мы вышли изъ клуба, то оказалось, что автомобилей нѣтъ. И сколько ни суетился клубный швейцаръ необъятной толщины, ихъ долгое время не могли найти, знали только что шоферы ушли въ сосѣдній... кабакъ. Прошло съ ¼ часа, пока, наконецъ, появились наши автомобили, за то они повезли насъ съ недозволенной быстротой и за ¼ часа докатили до гостинницы, но мы все же немного опоздали къ графу Бенкендорфу.

На этомъ приѣмѣ было повидимому все высшее общество Англіи; все наиболѣе видное среди ея общественныхъ дѣятелей. Графъ Бенкендорфъ съ женою и дочерью, прини-

мали многочисленных гостей, члены посольства помогали имъ встрѣчать гостей, среди которыхъ были члены дипломатическаго корпуса, первый Министръ и члены кабинета съ женами, глава оппозиціи Бальфуръ съ сестрою, архіепископы, епископы, и другіе прелаты съ женами, представители высшаго общества, (между которыми англійскія газеты насчитываютъ 8 герцоговъ, 3 маркизовъ, до 20 графовъ и многихъ лордовъ), адмиралы, генералы, члены парламента, издатели газетъ, ученые; словомъ высшіе представители всѣхъ сферъ общественной жизни Англійи. Среди этой массы гостей было почти невозможно вести продолжительныхъ разговоровъ, приходилось довольствоваться обмѣномъ нѣсколькими фразами и переходить все къ новымъ и новымъ лицамъ, съ которыми насъ знакомили члены посольства или тѣ англійчане, съ которыми мы успѣли познакомиться раньше. Разговоръ вертѣлся, конечно, около работъ Думы, и общаго положенія дѣлъ въ Россіи, при чемъ мнѣ все больше приходилось слышать мнѣнія, что сразу всего достигнуть нельзя, что надо идти постепенно, какъ и шла Англія. Затѣмъ неоднократно повторялись увѣренія въ искренней симпатіи Англійи къ Россіи въ горячемъ интересѣ моихъ собесѣдниковъ къ русскимъ и сердечномъ пожеланіи умиротворенія и процвѣтанія Россіи. Около полуночи толпа стала рѣдѣть и мы утомленные слишкомъ занятымъ днемъ, тоже ушли „по англійски“, не прощаясь.

Въ четвергъ 24/11 іюня мы были приглашены въ Кембриджскій университетъ на торжественное празднованіе столѣтія со дня рожденія Дарвина и пятидесятилѣтія со дня выхода въ свѣтъ главнѣйшаго его труда. Нашъ милѣйшій руководитель профессоръ Персъ, какъ всегда, о всемъ позаботился заранее, насъ ждали автомобили, билеты были взяты, и приготовленъ отдѣльный вагонъ для насъ. За все расплачивался комитетъ по нашему приему. Подъ проливнымъ дождемъ мы пріѣхали въ Кембриджъ, гдѣ къ счастью насъ ждали крытые экипажи, но необходимость ѣхать съ поднятымъ верхомъ мѣшала намъ, къ сожалѣнію, видѣть городъ. На вокзалѣ насъ встрѣтилъ русскій студентъ Кембриджскаго Университета Пашковъ въ средневѣковой формѣ англійскихъ студентовъ, до сихъ поръ для нихъ обязательной: черной полумонашеской мантии-рясы до полу и типичной черной

шапочкѣ ученыхъ корпорацій, слегка напоминающей уланскій киверъ прежнихъ временъ. Онъ проводилъ насъ въ главный колледжъ Кембриджа-Тринити колледжъ. Въ воротахъ этого, похожаго на средневѣковый замокъ или монастырь коледжа, насъ встрѣтилъ радушнѣйшій и привѣтливѣйшій старецъ съ совершенно бѣлыми волосами, начальникъ или Мастеръ его, докторъ Бѣтлеръ. Онъ провелъ насъ по красивому двору въ пріемную колледжа, гдѣ мы оставили свои пальто, такъ какъ погода прояснилась, а затѣмъ отправились въ помѣщеніе Университетскаго Сената.

По пути, какъ и ранѣе по пути съ вокзала, мы встрѣчали профессоровъ въ красныхъ мантияхъ, а войдя въ залъ торжественныхъ собраній сената, совершенно отдѣльное зданіе въ родѣ базилики, застали тамъ множество ученыхъ со всего свѣта, съѣхавшихся на Дарвиновскія торжества. Эти ученые, среди которыхъ посадили и насъ, были всѣ въ различныхъ мантияхъ; красныхъ и черныхъ, съ широкими рукавами, красными, розовыми, синими, желтыми и такою же отдѣлкой на мантияхъ; на нѣкоторыхъ были мантии, отдѣланныя золотымъ позументомъ: всѣ они держали въ рукахъ такіе же разноцвѣтные береты. Эти необычайныя для насъ одѣянія въ другой обстановкѣ казались бы маскарадными, но здѣсь, въ этихъ древнихъ зданіяхъ, они какъ то гармонировали съ пропитавшими ихъ традиціями и не шокировали даже насъ. Вскорѣ послѣ нашего прихода во дворѣ раздалась музыка: всѣ встали, и въ залъ вошли чрезвычайно медленнымъ шагомъ какіе то два университетскихъ служителя или чиновника университетскаго сената съ громадными серебряными жезлами, вродѣ паникадила, въ рукахъ. За ними томительно торжественнымъ шагомъ выступалъ высохшій какъ мумія старецъ, знаменитый физикъ лордъ Ралей, канцлеръ Кембриджскаго Университета. На немъ была длинная обильно шитая золотомъ черная мантия и такой же беретъ на головѣ, шлейфъ мантии несъ молодой юноша въ студенческой формѣ, почтительно стоявшій за кресломъ канцлера во время всей церемоніи. Въ послѣдствіи мы узнали, что этотъ юноша, студентъ, сынъ важнаго лорда, съ гордостью рассказывавшаго потомъ дочери Н. А. Хомякова, Маріи Алексѣевнѣ Хомяковой, что его сынъ удостоился чести нести мантию канцлера во время „дигри-церемоніи“; т. е. церемоніи

возведения въ ученую степень. За канцлеромъ попарно шли члены сената Кембриджскаго Университета, въ красныхъ мантияхъ и съ такими же беретами на головахъ, а за ними также попарно, но уже съ непокрытыми головами шли 23 ученыхъ разныхъ странъ Стараго и Новаго Свѣта, возводимыхъ сегодня въ степень доктора естественныхъ наукъ Кембриджскаго Университета, среди нихъ былъ профессоръ ботаники Московскаго Университета Тимирязевъ, про котораго Секретарь сената въ своемъ торжественно шутливомъ похвальномъ словѣ сказалъ, что онъ и въ огурцѣ открылъ солнечный лучъ.

Когда всѣ сѣли на приготовленные мѣста, Секретарь университета выступилъ впередъ. Церемоніймейстеръ подвелъ къ канцлеру перваго изъ иностранныхъ ученыхъ, принца Рауля Бонапарта, а Секретарь приподнявъ беретъ сталъ по латыни перечислять заслуги ученаго, за которыя онъ возводится въ степень доктора. Ученый слушалъ стоя, затѣмъ канцлеръ вставалъ, бралъ ученаго за руку и сакраментальной фразой начинающейся словами: „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“, возводилъ его въ степень доктора, послѣ чего новый докторъ садился на мѣста приготовленные зади канцлера. Та же процедура повторялась для каждаго изъ 23 ученыхъ, причемъ многіе, какъ нашъ Тимирязевъ, видимо очень волновались. Когда мы часа черезъ два встрѣтили его во дворѣ Тринити колледжа и поздравляли его, а В. А. Маклаковъ привѣтствовалъ какъ бывшаго своего профессора, онъ казался намъ еще не совсѣмъ оправившимся отъ перенесеннаго волненія. Такъ высоко цѣнится въ ученomъ мирѣ честь быть возведеннымъ въ степень доктора Кембриджскаго Университета. По окончаніи этой церемоніи предсѣдатель Королевскаго общества Серъ Арчибальдъ Гейки прочелъ торжественную рѣчь „Дарвинъ какъ геологъ“, при чемъ нѣсколько ученыхъ старцевъ, какъ нашъ милѣйшій хозяинъ докторъ Бѣтлеръ, мирно дремали на своихъ креслахъ. Этимъ чтеніемъ торжество кончилось и мы пошли завтракать въ Тринити колледжъ.

Мы завтракали въ столовой колледжа, гдѣ обычно обѣдаютъ студенты, почти совершенно отсутствовавшіе сегодня, такъ какъ было каникулярное время. Эта студенческая столовая имѣетъ видъ монастырской трапезы богатѣйшаго средне-вѣковаго монастыря. Колледжи первоначально были чѣмъ то

вродъ монастырскихъ общинъ, и еще до половины прошлаго девятнадцатаго столѣтія окончившіе университетъ члены этихъ общинъ—товарищи, фелловсъ колледжа, не имѣли права жениться. Тринити колледжъ, какъ и многіе другіе, очень богатъ, имѣетъ земли и капиталы, достигающіе миллионovъ. Тѣмъ не менѣе жизнь въ этихъ колледжахъ очень дорога и конечно недоступна нашему студенчеству, такъ какъ стоитъ около 2000 рублей въ годъ. Студенты занимаются очень много спортомъ, которому придается такое значеніе, что достаточно студенту записаться на какое нибудь національное состязаніе и готовиться къ нему, чтобы быть увѣреннымъ, что онъ безъ всякихъ знаній получить зачеты полугодій и хорошія отмѣтки на экзаменахъ. Среди „фелловсъ“ много тунеядцевъ, ничего не дѣлая получающихъ по 2 и 3 тысячи рублей въ годъ изъ доходовъ общинныхъ имуществъ колледжа.

Послѣ завтрака мы пошли гулять по прелестному старому парку колледжа, а потомъ катались въ лодкѣ по рѣчкѣ, пересекающей парки цѣлаго ряда колледжей. Здѣсь на рѣчкѣ и въ паркѣ, какъ и въ библіотекахъ колледжей студенты занимаются науками (мы видѣли многихъ изъ нихъ читающихъ книги лежа въ лодкахъ). Здѣсь же они занимаются также и различнымъ спортомъ. Наши дамы Е. М. Звегинцева и М. А. Хомякова осматривали тѣмъ временемъ подъ руководствомъ капитана Рэзонъ нѣсколько женскихъ колледжей. Мы посѣтили еще студенческую квартиру, гдѣ жилъ Байронъ, бывши студентомъ въ Тринити Колледжѣ. Эта квартирка, какъ и всѣ вообще студенческія квартиры здѣсь, помѣщеніе въ 2—3 комнаты въ общемъ зданіи колледжа, четырехугольнымъ охватывающаго его красивый дворъ.

Затѣмъ мы прошли на пріемъ въ садъ (гарденъ-парти) къ семейству Дарвина. Три сына великаго естествоиспытателя состоятъ профессорами Кембриджскаго университета и одинъ изъ нихъ только сегодня, при насъ былъ возведенъ въ степень доктора. Гостей, ученыхъ съ семьями, было такъ много, что мы только прошли въ общей вереницѣ здоровающихся съ хозяевами и поспѣшили на просторъ, отыскали доктора Бѣтлера, простились съ нимъ и поѣхали на вокзалъ, чтобы не пропустить свой поѣздъ въ Лондонъ.

Вечеромъ Шидловскій и я отправились съ М. А. Хомяковой и мистрисъ Персъ въ оперу, въ ложу присланную

намъ леди Норсклифъ. Остальные поѣхали на пріемъ въ Королевское Общество, а оттуда въ помѣщенія газеты Дайли Телеграфъ, куда прибыли незадолго до полуночи. Мистеръ Генри и мистрисъ Лоусонъ вмѣстѣ съ издателемъ и другими членами редакціи принимали гостей въ залѣ объявленій въ нижнемъ этажѣ. Въ залѣ былъ приготовленъ холодный ужинъ гг. Лайонсъ и К°. При этомъ была отправлена привѣтственная телеграма въ Нью-Йоркскую контору газеты и еще до ухода гостей полученъ отвѣтъ. По окончаніи ужина гости прошли по различнымъ отдѣламъ и наблюдали въ дѣйстви всю организацию изданія большой газеты. Каждый изъ посѣтителей взялъ по номеру утренняго изданія на память. Кроме членовъ Думы и Государственного Совѣта присутствовали еще лордъ Уирдэль и нѣсколько членовъ русскаго посольства.

Въ пятницу 25/12 Юня празднованіе дня рожденія короля Эдуарда; собственно день его рожденія въ Ноябрь, но онъ находитъ удобнѣе праздновать день своего рожденія лѣтомъ, въ сезонъ, въ тотъ же день, когда праздновала день своего рожденія и королева Викторія, избравшая для этого тоже день не своего рожденія, а отца своего. Мы получили по этому случаю приглашеніе присутствовать на парадѣ войскамъ на плацу конной гвардіи между Сентъ-Джемскимъ паркомъ и рядомъ правительственныхъ зданій, гдѣ задолго были выстроены трибуны для приглашенныхъ и публики. Но когда мы пришли на мѣсто подъ накрапывавшимъ дождемъ, то узнали, что парадъ отмѣняется по случаю плохой погоды. Я воспользовался свободными часами, чтобы пойти на Трафальгаръ скверъ въ Національную Галерею картинъ, гдѣ я могъ хоть немного познакомиться съ подлинниками произведеній мастеровъ старой англійской школы Хоггарда, Рейнольдса, Лауренса и другихъ. Часть нашей компаніи завтракала у леди Салисбюри въ ея очень красивомъ древнемъ замкѣ, обладающемъ извѣстной картинной галлереей и многими историческими реликвіями; среди послѣднихъ русскимъ гостямъ между прочимъ показали одно изъ перьевъ, которыми былъ подписанъ протоколъ Берлинскаго Конгресса. Эта реликвія, возбуждающая въ насъ русскихъ не особенно радостныя воспоминанія, свидѣтельствуетъ теперь о радикальномъ измѣненіи въ Англійской политикѣ и о совершен-

ной ею тогда ошибокъ въ предвидѣніи будущаго, конечно, не достигающей размѣровъ нашей ошибки въ непониманіи тогдашняго положенія.

Къ тремъ часамъ мы собрались въ гостинницѣ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ отправиться на пріемъ къ королю. Н. А. Хомяковъ съ утра неспокоенъ и готовить отвѣтъ на обращеніе короля. Изъ насъ онъ одинъ будетъ говорить. Но повидимому не онъ одинъ, но и нѣкоторые другіе изъ насъ были не вполне спокойны; въдь это первое представленіе главѣ иностраннаго государства русскихъ народныхъ представителей, какъ таковыхъ, чтобы ни говорилось о частномъ характерѣ нашего визита. Размѣстившись въ наемныхъ автомобиляхъ, не имѣя никакихъ ни пропускныхъ билетовъ, ни карточекъ для шоферовъ, мы отправились въ Букингемскій дворецъ. Часовой у воротъ пропустилъ насъ безпрепятственно; во дворъ никакой стражи, только четыре или пять лакеевъ встрѣтили насъ на подъѣздѣ и приняли наши пальто. Въ передней, гдѣ мы снимали пальто, насъ встрѣтили помощникъ церемоніймейстера и нашъ посолъ графъ Бенкендорфъ съ совѣтникомъ посольства Поклевскимъ-Козеллѣ. Они, какъ и мы, какъ и всѣ во дворцѣ, были въ черныхъ сюртукахъ. Намъ сказали, что мы должны снять перчатки и цѣловать руку королевѣ, что вообще здѣсь не дѣлается, но русскіе уже установили для себя обычай цѣловать королевѣ руку. Насъ провели на верхъ и сообщили церемоніаль пріема: мы будемъ подходить къ королю одинъ за другимъ, сперва предсѣдатель Государственной Думы, потомъ члены Государственнаго Совѣта, потомъ члены Государственной Думы, лидеры и отдѣльные представители партій въ порядкѣ численности ихъ думскихъ фракцій; т. е. Гучковъ, гр. Бобринскій, Милуковъ, Ефремовъ, Монтвилль и Максудовъ, замыкать будутъ остальные представители партій въ томъ же порядкѣ; сперва октябристы, потомъ кадеты.

Король заставилъ себя подождать немного, и мы бесѣдовали въ пріемной съ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ серомъ Никкольсономъ и другомъ короля Меккензи Уоллесомъ. Наконецъ насъ провели въ другой залъ, очень длинный и также какъ и первый весь увѣшанный картинами старинныхъ мастеровъ и усталый мягкими коврами. И здѣсь, какъ вездѣ, ни военныхъ, ни даже придворныхъ лакеевъ;

открываютъ двери два дежурныхъ помощника церемоніймейстера въ обыкновенныхъ черныхъ сюртукахъ.

Профессоръ Персъ училъ насъ, что мы должны входить въ комнату, гдѣ будетъ король, приложивъ правую руку къ груди, и поклониться королю, какъ только увидимъ его, затѣмъ вторично также почтительно склониться надъ его рукою и только послѣ этого пожать ее. Но мы, кажется всѣ, не исполнили этого его совѣта, и входили, вопреки церемоніалу, размахивая руками. Когда открыли послѣднія двери въ тронный залъ, гдѣ насъ ожидалъ уже король Эдуардъ, въ черномъ сюртукѣ, королева Александра въ простомъ черномъ платьѣ и свита, то первымъ вошелъ графъ Бенкендорфъ. Поклевскій-Козеллъ подсказывалъ ему наши имена, а онъ уже поочереды представлялъ насъ. Король каждому подавалъ руку и сказалъ нѣсколько словъ Н. А. Хомякову и графамъ Олсуфьеву и Бобринскому. Пожавъ руку королю, мы кланялись королевѣ, которая подавала намъ руку для поцѣлуя. Мы цѣловали ея руку и отступали въ сторону располагаясь полукругомъ противъ короля. По лѣвую руку короля стояла королева Александра придерживая лѣвой рукой маленькаго принца (внука) лѣтъ пяти, еще лѣвѣе стояли принцесса Викторія и принцесса Марія Валійская, сзади 3-4 дамы свиты въ черныхъ платьяхъ и столько же мужчинъ, между которыми былъ великій князь Михаилъ Михайловичъ. У входныхъ дверей стояли два военныхъ въ формѣ, единственные, которыхъ мы видѣли во дворцѣ. *)

Когда представленіе было окончено, Король Эдуардъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ нашу сторону и слегка прерывающимся голосомъ, говоря по французски, привѣтствовалъ насъ отъ имени Королевы и своего. Король сказалъ, что со времени открытія Думы онъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за ея засѣданіями и знакомился насколько могъ по газетамъ съ отчетами объ этихъ засѣданіяхъ. Онъ выразилъ радость, что знакомится теперь лично съ членами русскихъ законодательныхъ учреждений и видитъ ихъ въ своей странѣ. Затѣмъ Король выразилъ надежду, что русскіе депутаты будутъ имѣть время и возможность ознакомиться съ различными частями страны и различными учреждениями Англіи; пожалѣвъ о неблагоприятной погодѣ, онъ высказалъ надежду, что до отъѣзда депутатовъ будетъ еще нѣсколько хорошихъ

дней. Прощаясь, Король сказалъ, что сохранилъ прекрасныя воспоминанія о своихъ посѣщеніяхъ Россіи; онъ былъ тамъ дважды и надѣется побывать еще не разъ. Въ заключеніе Король пожелалъ намъ удачное путешествіе.

Слегка помѣшкавъ, такъ что вышла небольшая пауза, и повидимому волнуясь, Н. А. Хомяковъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ Королю, (который тоже двинулся къ нему на встрѣчу) и очень тихимъ голосомъ, говоря по французски, просилъ Короля принять отъ него и его товарищей по путешествію глубочайшую благодарность за оказанную пріемомъ честь и за чрезвычайно милостивыя слова Короля. Онъ благодарилъ еще за взаимность миролюбивыхъ чувствъ, за проявленные въ его странѣ симпатіи, которыя сдѣлали пребываніе депутатовъ въ Лондонѣ упоительнымъ и воспоминанія о немъ незабвенными. Онъ указалъ наконецъ, что мы съ радостью увеземъ въ Россію вѣрный отзвукъ этихъ впечатлѣній.

Сказавъ нѣсколько отвѣтныхъ словъ, Король поклонился и ушелъ во внутреннія комнаты. Королева и принцессы, а также свита послѣдовали за нимъ. Насъ же пригласили осмотрѣть дворецъ. Въ одной изъ залъ мы еще разъ встрѣтили сэра Никкольсона и сэра Меккензи Уоллеса, и послѣдній передалъ намъ приглашеніе герцогини Сутерлендской зайти къ ней сегодня вечеромъ въ знаменитый Стаффордъ-Гаузъ, чуть ли не красивѣйшій дворецъ Лондона. Это третье приглашеніе на одинъ и тотъ же вечеръ. Мы уже имѣли приглашеніе Перваго Министра и всѣхъ Министровъ Его Величества на раутъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ по случаю дня рожденія Короля и второе приглашеніе на вечерній пріемъ къ маркизѣ Лэнсдаунъ. Меккензи Уоллесъ совѣтовалъ намъ начать съ посѣщенія герцогини Сутерлендской, такъ какъ и у маркизы Лэнсдаунъ и въ особенности въ Форейнъ Оффисѣ будетъ такая масса народа, что разъ проникнувъ на верхъ, намъ будетъ невозможно скоро уйти противъ волны прибывающихъ гостей. Мы, т. е. тѣ изъ насъ, которые особенно интересовались Стаффордъ Гаузомъ, такъ и сдѣлали.

Къ герцогинѣ мы пріѣхали довольно рано, когда еще почти никого не было; и залюбовались красотой передней, украшенной колоннами и античными статуями. Но верхъ красоты это лѣстница, отличающаяся также своею оригинальностью:

Это, въ сущности, внутренній дворикъ покрытый выше третьяго этажа стекляннѣмъ куполомъ, слегка напоминающимъ куполъ базилики Константина на Римскомъ форумѣ. По всѣмъ тремъ этажамъ идутъ открытыя въ этотъ дворикъ галереи или балконы соединенные широчайшей лѣстницей. Галереи и сама лѣстница украшены античными и новѣйшими статуями и картинами великихъ мастеровъ. Все это производитъ замѣчательно гармоничное впечатлѣніе большого изящества и вкуса. Красиво убраны и внутреннія помѣщенія дворца, но они имѣютъ обычный характеръ дворцовыхъ залъ и не поражаютъ такой оригинальной красотой какъ внутренняя лѣстница. Стаффордъ Гаузъ принадлежитъ дворцовому вѣдомству и лишь сданъ въ долгосрочное пользование герцогу Сутерленду.

Насъ встрѣтилъ серъ Меккензи Уоллесъ въ мундирѣ королевскихъ шотландскихъ лучниковъ, командиромъ которыхъ онъ состоитъ, и представилъ герцогинѣ, знаменитой красавицѣ, лѣтъ за сорокъ, но на видъ имѣющей не болѣе 30. Сказавъ намъ нѣсколько словъ привѣтствія, она продолжала встрѣчать прибывавшихъ гостей, но не знакомила насъ съ ними; что вообще здѣсь, повидимому, не принято, такъ какъ и на маленькихъ обѣдахъ насъ представляли только дамѣ, которую мы должны были вести къ столу. Серъ Меккензи Уоллесъ повелъ насъ осматривать дворецъ. Пробывъ въ Стаффордгаузѣ болѣе часу, мы съ Максудовымъ поѣхали въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и дѣйствительно застали здѣсь громадную толпу все еще пытающуюся подняться на верхъ по лѣстницѣ. Среди другихъ мы встрѣтили Н. А. Хомякова и мистрисъ Персъ, пріѣхавшихъ отъ маркизы Лэнсдаунъ. Мы присоединились къ нимъ и едва минутъ черезъ 20-30 добрались до верха лѣстницы во второмъ этажѣ. Одни говорятъ, что на этомъ раутѣ было болѣе 4000 лицъ, другіе же поднимаютъ цифру приглашенныхъ до 15000. Я не видѣлъ уже ни министровъ, ни принцевъ: герцоговъ Валлійскаго, Йоркскаго и Коннаутскаго, бывшихъ, говорятъ, на раутѣ съ женами; но къ большому моему удивленію, что узналъ ихъ среди громадной толпы, встрѣтилъ 3-4 своихъ новыхъ знакомыхъ, съ которыми и обмѣнялся нѣсколькими фразами. Вообще, какъ ни велико Англійское общество, но къ концу пребыванія многія лица намъ казались знакомы,

хотя мы и не были представлены ихъ обладателямъ, такъ какъ мы все ихъ же встрѣчали чуть ни каждый день и у спикера палаты, и въ русскомъ посольствѣ, и у издателей Спиктатора или Таймса и у княгини Трубецкой или герцогини Сутерлендъ, и у лордъ-мера, и въ торговой палатѣ, и мы стали находить, что и Лондонское общество и „весь Лондонъ“ не такъ ужъ неизмѣримо велики, какъ казалось въ началѣ.

Среди фраковъ и мундировъ, красныхъ и шитыхъ золотомъ, среди бальныхъ платьевъ очень сильно открытыхъ, среди разодѣтыхъ въ нихъ лицъ, подавляющее большинство которыхъ все же намъ было совершенно незнакомо, глаза невольно искали оригинальныхъ, и замѣчательныхъ по своему выраженію или красотѣ. И надо признаться, что и въ послѣднемъ отношеніи въ Англійи есть на чемъ остановиться взору. Особенно напряжено было въ этомъ отношеніи вниманіе В. А. Маклакова и С. Н. Максудова. Первый съ искреннимъ удовольствіемъ рассказывалъ, что герцогиня Сутерлендъ познакомилась съ цѣлымъ рядомъ англійскихъ и американскихъ красавицъ, давшихъ ему урокъ флирта. Максудовъ также возвратился съ раутовъ этого вечера въ восхищеніи отъ Англійскихъ красавицъ, дѣйствительно изящныхъ и замѣчательно умѣющихъ сохранять свою красоту отъ всеокрушающаго дѣйствія времени. Съ временемъ умѣютъ бороться и мужчины въ Англійи. Ихъ лѣта очень трудно опредѣлить; они всѣ бритые, всѣ розовые, свѣжіе, бодрые, такъ что часто недоумѣваешь подъ сорокъ ли или за шестьдесятъ, а то и болѣе лѣтъ тому или другому общественному дѣятелю, а иному завѣдомо семидесятилѣтнему, на видъ не дать и пятидесяти. Спортъ и болѣе правильная умѣренная жизнь оказываютъ, повидимому, свое благотворное вліяніе. Впрочемъ, намъ передавали, что нравы въ Англійи, особенно въ высшемъ обществѣ, очень пали.

На слѣдующій день мы были приглашены на торжественное открытіе музея имени королевы Викторіи и принца супруга Альберта. Выѣхавъ въ автомобиляхъ за часъ до назначеннаго времени, мы, подѣзжая къ музею, попали въ длиннѣйшій рядъ экипажей, и полисмены заставили нашихъ шоферовъ продѣлать цѣлый рядъ эволюцій взадъ и впередъ по улицъ послѣдовательно переводя насъ изъ одного ряда

экипажей въ другой, пока, наконецъ, мы не получили возможность свернуть въ боковую улицу и подъѣхали къ предназначенному намъ подъѣзду. Насъ провели въ громадный восьмиугольный внутренній дворъ музея, крытый стекляннымъ куполомъ, и указали мѣста посреди двора, противъ возвышенія приготовленнаго для короля и его свиты. Кругомъ насъ возвышались трибуны для тысячъ приглашенныхъ. Здѣсь опять былъ „весь Лондонъ“; Министры, члены Парламента, придворные въ шитыхъ золотомъ мундирахъ и въ бархатныхъ фракахъ и брюкахъ до колѣнъ, чулкахъ и башмакахъ, военные въ красныхъ мундирахъ, старые гвардейцы съ алебардами и въ каскахъ съ громадными плюмажами, Индусы въ національныхъ костюмахъ, лордъ-меры въ мантияхъ и мѣховыхъ шапкахъ и пр. Было также очень много дамъ. Среди дипломатическаго корпуса выдѣлялись китаецъ въ національномъ костюмѣ съ косою и негръ, кажется, представитель республики Санъ Доминго. Нашъ посоль графъ Бенкендорфъ подошелъ къ намъ поздороваться. Пока поджидали короля, игралъ оркестръ, попеременно съ нимъ пѣлъ громадный женскій хоръ, а испуганный воробей, какъ то залетѣвшій во дворъ, метался изъ стороны въ сторону, пока не забился гдѣ то подъ карнизомъ.

Наконецъ появился Король съ Королевой, принцами и свитой, среди которой было два Индійскихъ раджи. Впереди короля пятыся назадъ и склонившись къ Королю отступали два церемониймейстера съ жезлами. Выслушавъ докладъ и прочитавъ какую то рѣчь, король объявилъ музей открытымъ. Архіепископъ Кентерберрійскій не въ облаченіи, а въ обыкновенномъ своемъ длинномъ однобортномъ сюртукѣ, прочелъ молитву, оркестръ заигралъ гимнъ, хоръ пропѣлъ кантату и король, опять предшествуемый генералами и придворными чинами, торжественно двинулся къ выходу, проходя на этотъ разъ у самыхъ нашихъ стульевъ. Всѣ встали и мы при проходѣ короля почтительно поклонились ему. Король и наследный принцъ отвѣтили намъ наклоненіемъ головы. Послѣ этого начался разѣздъ и намъ пришлось порядочно побродить по улицамъ; раньше чѣмъ мы могли найти какой нибудь экипажъ.

Позавтракавъ у себя въ гостинницѣ, мы поѣхали опять въ автомобиляхъ въ Виндзоръ осмотрѣть по приглашенію

короля его Виндзорскій замокъ. Уже самая поѣздка среди прекрасно воздѣланныхъ полей, по превосходной дорогѣ, обсаженной громадными столѣтними деревьями, представляла извѣстный интересъ. Но, конечно, историческій Виндзорскій замокъ интересовалъ насъ болѣе. Онъ расположенъ на холмѣ одиноко стоящемъ среди долины и его сѣрая громада красиво возвышается изъ лѣса или парка, покрывающаго склоны и окрестности холма.

У подъѣзда замка насъ встрѣтили комендантъ дворца и товарищъ министра двора, которые привѣтствовали насъ отъ имени короля и повели осматривать прелестныя залы дворца, построеннаго и отдѣланнаго съ большимъ вкусомъ и убраннаго массой картинъ, гобеленовъ, фарфора, статуй и проч. Осматривали мы и громадную библіотеку, любовались видами изъ оконъ на паркъ и даль окружающей равнины, къ сожалѣнію, подернутую дымкой начинавшагося дождя, помѣшавшаго намъ погулять по парку и якобы неожиданно встрѣтить тамъ подъ вечеръ короля, какъ это предполагалось ранѣе. Для насъ открыли жилыя комнаты королевской семьи, которыя обыкновенно не показываются. Подъ конецъ мы пришли въ столовую, гдѣ былъ сервированъ чай съ массой всевозможныхъ печеній, фруктовъ, а потомъ подали шампанское, но никакихъ тостовъ и рѣчей не было. Простившись съ любезными хозяевами мы поѣхали въ Лондонъ подъ сѣрой пеленой мелкаго дождя.

Вечеръ долженъ былъ быть у насъ свободнымъ, но намъ пришлось его посвятить, какъ и слѣдующій, обсужденію нашего отношенія къ напечатанному въ нѣсколькихъ газетахъ грубому манифесту англійской рабочей партіи по поводу ожидаемаго пріѣзда въ Англію Русскаго Императора. Подавляющее большинство англійской прессы встрѣтило этотъ манифестъ съ вполне опредѣленнымъ и рѣзкимъ осужденіемъ и подавляющее большинство участниковъ поѣздки полагало, что намъ нельзя вмѣшиваться въ полемику англійскихъ газетъ и подливать, такимъ образомъ, масла въ огонь, хотя мы, конечно всѣ безусловно осуждали эту выходку лѣвыхъ, не желающихъ понять, что иностранное вмѣшательство во внутреннія дѣла государства всегда грубо и оскорбительно, и что иностранцы должны видѣть и уважать во главѣ каждаго государства законнаго представителя по-

слѣдняго. Мы считали недопустимымъ противопоставленіе иностранцами насъ, какъ представителей народа, главѣ нашего государства, и считали нужнымъ воспользоваться первымъ случаемъ рѣчей и привѣтствій на предстоящихъ банкетахъ, чтобы открыто высказать наше неудовольствіе по поводу этого манифеста, указать всю фальшь противопоставленія, на которомъ онъ былъ построенъ, а также всю грубость и неприличіе его тона. Меньшинство считало наоборотъ необходимымъ печатное выступленіе наше съ болѣе или менѣе яркимъ и официальнымъ протестомъ.

Въ концѣ концовъ мы пришли къ убѣжденію, что мы, какъ законные народные представители, прямо упоминаемые въ манифестѣ какъ таковые, не можемъ оставить безъ отвѣта международную безтактность и грубость, совершаемую въ нашемъ присутствіи въ принимающей насъ странѣ.

Только какъ народные представители мы и имѣли право протестовать, но въ тоже время какъ таковые мы и обязаны были это сдѣлать. Такимъ актомъ мы передъ лицомъ всего міра подчеркивали, что, будучи представителями законодательныхъ палатъ, мы являемся частью верховной власти страны и протестуемъ какъ таковые противъ недостатка международного уваженія къ этой верховной власти, а въ ея лицѣ и къ самой странѣ, такъ какъ въ международныхъ отношеніяхъ въ особенности верховная власть страны неотдѣлима отъ самой страны. Сохраняя, однако, убѣженіе въ неудобствѣ и неправильности вступленія въ полемику съ частью англійскаго общественнаго мнѣнія, частью, притомъ весьма незначительной, какъ мы могли въ этомъ убѣдиться, и съ еще меньшей частью англійской прессы, мы рѣшили ограничиться сообщеніемъ англійскимъ газетамъ слѣдующаго заявленія Н. А. Хомякова:

Въ виду радушія, которое мы встрѣтили въ Англіи, для насъ было большимъ огорченіемъ появленіе въ англійскихъ газетахъ манифеста рабочей партіи, который привѣтствуя насъ какъ представителей русскаго народа, въ то же время протестуетъ противъ посѣщенія нашимъ монархомъ Англіи. Мы не позволили бы себѣ въ то время, когда пользуемся гостепріимствомъ Англіи, высказывать публично наши взгляды по поводу дѣйствій какой бы то ни было политической партіи, если бы насъ въ данномъ случаѣ не обязывало къ тому неумѣстное противопоставленіе насъ, какъ представителей русскаго народа, нашему Государю.

Я считаю своимъ долгомъ, по уполномочію моихъ товарищей рѣшительно протестовать противъ нанесеннаго намъ оскорбленія, заключающагося въ подобномъ противопоставленіи! Мы счастливы, что сердечный приемъ оказываемый намъ повсюду, даетъ намъ право быть увѣренными, что манифестъ рабочей партіи не выражаетъ мнѣнія Англійскаго народа».

Этотъ протестъ нашъ былъ встрѣченъ очень сочувственно подавляющимъ большинствомъ англійскихъ газетъ, и сами крайніе органы противъ него почти не возражали и не вступали съ нами въ полемику.

V.

27/14 июня—первое воскресенье проводимое нами въ Лондонѣ,—традиціонный въ Англіи день покоя и религіознаго созерцанія. Распредѣленіе этого дня было запроектировано нашими хозяевами въ полномъ согласіи съ этими традиціями: мы были приглашены къ обѣднѣ въ соборъ Святого Павла, а затѣмъ на завтракъ къ Лондонскому Архидіакону, въ 5 часовъ на чай къ декану Вестминстерскому и затѣмъ къ вечернѣ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ слушать проповѣдь декана Ирландскаго, изъ собора святого Патрика.

Но большинство изъ насъ иначе распорядились своимъ днемъ. Н. А. Хомяковъ и С. И. Шидловскій поѣхали въ имѣніе одного знаменитаго сельскаго хозяина. А. И. Гучковъ поѣхалъ въ замокъ маркиза Салисбюри, гдѣ ему хозяева опять показывали знаменитое перо, которымъ былъ подписанъ протоколъ Берлинскаго Конгресса. П. Н. Милуковъ уѣхалъ на весь день въ деревню къ министру Почтъ и Телеграфовъ, съ которымъ познакомился на одномъ изъ обѣдовъ.

Оставшіеся въ Лондонѣ, съ нѣкоторымъ опозданіемъ, по русскому обыкновению, отправились къ обѣднѣ въ соборъ Св. Павла. Громадный соборъ былъ наполненъ толпою чинно и повидимому благоговѣнно молящихся англичанъ. Ни снованія по собору, ни разговоровъ не было замѣтно. Вскорѣ началась проповѣдь, въ которой проповѣдникъ (Глочестерскій епископъ Шарфъ) съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣтилъ присутствіе въ соборѣ представителей Русскихъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, затѣмъ онъ говорилъ о большомъ интересѣ, съ которымъ англичане слѣдятъ за развитіемъ русской конституціи и объ ихъ горячемъ желаніи, чтобы это ея развитіе совершалось мирно и постепенно. Онъ указалъ далѣе, что происходящее сближеніе

и укрѣпляющаяся дружба нашихъ двухъ народовъ чрезвычайно важны не только для нихъ самихъ, но также и для мира всего міра, для котораго они являются твердой гарантіей. Проповѣдникъ взялъ текстомъ Евангельскія слова: „и затѣмъ онъ собралъ близъ себя всѣхъ мытарей и грѣшниковъ, чтобы слушали его“. И на этой канвѣ, съ перваго взгляда не особенно лестной для гостей, онъ сумѣлъ вышить красивую картину будущаго нравственнаго расцвѣта Россіи. Вотъ содержаніе его проповѣди:

„Если есть положеніе, которое можетъ быть указала сама исторія, то это то (сказалъ проповѣдникъ), что въ періоды броженія начинаются новыя эры. Среди такихъ историческихъ документовъ ни одинъ не будетъ стоять такъ твердо и ясно, какъ фактъ существованія великой Русской Думы, рожденной въ войнѣ и голодѣ, въ экономическомъ бѣдствіи и враждѣ. Эти факты, какъ ихъ описываетъ исторія, являются даже знаменіемъ перста движущей руки Бога.

„Крайняя нужда человѣка есть благопріятный случай для Бога, чтобы приблизить къ себѣ племена и народы.—Но есть одно важное условіе для такого исхода—божеское и доброе въ человѣкѣ и только божеское среди людей можетъ развитъ божеское въ людяхъ. Если Россія овладѣетъ этой великой задачей своими неистраченными силами, не только Англія, но и весь міръ запоетъ благодарственный гимнъ нашему общему Отцу за такое событіе. Это разрѣшитъ нѣкоторыя изъ вышихъ задачъ нашихъ дней“.

Надо, однако, замѣтить, что въ этотъ же день съ кафедры другой важной, исторически достопримѣчательной церкви—въ Вестминстерскомъ аббатствѣ,—епископъ Герфордскій высказалъ рѣшительный протестъ противъ все еще продолжающагося въ Россіи режима произвола и жестокости.

По окончаніи проповѣди многіе стали расходиться, другіе, повидимому причастники, подвинулись къ алтарю. Какой-то священно или церковно служитель въ шитомъ серебромъ костюмѣ пригласилъ насъ на почетныя мѣста около алтаря, (старинныя мѣста канониковъ, когда соборъ былъ католическимъ). Передъ нами лежали молитвенники, а сосѣди показали мѣсто въ нихъ, соотвѣтствующее моменту совершаемой литургіи, такъ что мы могли слѣдить за ходомъ ея. Конечъ обѣдни: молитвы, возгласы, даже нѣкоторые напѣвы очень похожи на наши.

Когда обѣдня кончилась мы пошли къ Лондонскому архидіакону Синклеру (викарію Лондонскаго Архіепископа) живущему тутъ же противъ собора, въ принадлежащемъ, кажется, собору домѣ. Архидіаконъ представилъ насъ своей супругѣ и пригласилъ въ столовую, гдѣ прочиталъ сперва молитву и благословилъ трапезу, послѣ чего мы сѣли за столъ. Здѣсь были А. И. Гучковъ, А. И. Звягинцевъ, Г. Г. Лерхе, бар. А. А. Крюденеръ-Струве, гр. В. А. Бобринскій, М. В. Челноковъ, І. Монтвилль, С. Н. Максудовъ, И. Н. Ефремовъ и гр. Олсуфьевъ. Кромѣ насъ былъ какой то епископъ, кажется, говорившій въ соборѣ проповѣдь, и священнослужители собора св. Павла. Разговоръ вращался преимущественно около организациі Думы, ея дѣятельности и предстоящихъ реформъ. Въ концѣ завтрака Архидіаконъ прочелъ по листкамъ длинную рѣчь, въ которой привѣтствовалъ насъ, какъ представителей дружественнаго народа, говорилъ о необходимости медленныхъ реформъ и о важности намѣчающагося сближенія и дружбы нашихъ народовъ. Ему отвѣчалъ графъ Бобринскій, указавшій между прочимъ на близость нашихъ господствующихъ религій (православной и англиканской) облегчающую такое сближеніе. Въ концѣ обѣда Архидіаконъ опять прочелъ молитву, послѣ чего завтракавшіе съ нами духовныя лица, кромѣ самого архидіакона и епископа, принесли пюпитры, ноты и пропѣли намъ нѣсколько духовныхъ пѣсенъ.

Простившись съ любезными хозяевами мы отправились кто куда хотѣлъ, причемъ большинство поѣхало за городъ. Меня Челноковъ пригласилъ покататься съ нимъ въ автомобиль молодого русскаго негоданта, Шапошникова, имѣющаго торговый домъ въ Лондонѣ. Послѣдній ждалъ насъ уже около Вестминстеръ Отеля въ своемъ гоночномъ, 70 сильномъ автомобилѣ, и желая показать намъ побольше за два часа имѣвшагося въ нашемъ распоряженіи времени, покатылъ насъ съ такою быстротой, что мы успѣли не только проѣхать много по Лондону, но и заѣхать довольно далеко въ окрестности, сдѣлавъ въ общемъ около 100—120 верстъ. Временами быстрота нашей ѣзды доходила до 80 верстъ въ часъ, что нами мало ощущалось, такъ какъ не вызывало мельканія окружающихъ дорогу предметовъ, но проявлялось лишь

тѣмъ, что у меня, сидѣвшаго впереди, буквально, ручьями текли слезы изъ глазъ.

Въ пять часовъ Челноковъ, Максудовъ, баронъ Крюденеръ-Струве, графъ Олсуфьевъ и я пошли на чай къ декану Вестминстерскому, живущему противъ насъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Здѣсь все: и зданія и сами люди, носило характеръ какой то изящной, художественно культурной почтенной старины. Деканъ Вестминстерскій, высокій красивый старикъ съ молодымъ, привѣтливымъ, умнымъ лицомъ, обрамленномъ сѣдыми кудрями почти до плечъ. Во всей его фигурѣ, обращеніи, рѣчи, такъ и свѣтится обаятельная высокая культурность, плодъ поколѣніями воспринятаго образования и воспитанности. Не менѣе интересенъ старецъ лѣтъ 75 Вильберфорсъ, Архидіаконъ Вестминстерскій, родственникъ знаменитаго борца за освобожденіе негровъ. Архидіаконъ былъ когда то въ Россіи и теперь еще интересуется графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ и его ученіемъ, а также личностью отца Іоанна Кронштадтскаго. Были еще одинъ молодой епископъ и деканъ Ирландскій, деканъ собора Святого Патрика, говорившій проповѣдь во время вечерни, а также нѣсколько духовныхъ, помоложе канониковъ Вестминстерскаго аббатства.

Интересна и квартира декана въ старинномъ аббатствѣ съ его узкими переходами и различнымъ уровнемъ пола въ разныхъ комнатахъ; дверь изъ столовой ведетъ на крышу одной изъ пристроекъ аббатства и съ этой крыши-терасы открывается прелестный видъ на внутренний дворикъ аббатства замыкаемый изящной въ своей красотѣ громадой собора.

Послѣ чая деканъ, архидіаконъ и епископъ повели насъ осматривать достопримѣчательности Вестминстерскаго собора: гробницы королей и величайшихъ людей Англіи, которымъ здѣсь поставлены памятники, даже если прахъ ихъ покоится въ другомъ мѣстѣ. Передъ гробницею Гладстона, бывшаго любимымъ героемъ моей юности, я имѣлъ случай сказать декану, что это былъ первый человѣкъ, заставившій меня полюбить Англію. Деканъ Вестминстерскій, спускаясь со ступенекъ многочисленныхъ полутемныхъ переходовъ Вестминстерскаго собора, придерживался рукою за стѣны не надѣясь, повидимому, на крѣпость своихъ ногъ. Но, когда возвра-

шаясь изъ собора онъ повелъ насъ по боковой открытой галереѣ, окружающей внутренній дворъ аббатства и нашелъ выходную дверь запертой, то онъ, не задумываясь, взошелъ на рампу, отдѣляющую галерею отъ дворика, и съ юношескою легкостью спрыгнулъ на газонъ съ высоты около двухъ аршинъ. И это столь несоответствующее нашимъ привычнымъ представленіямъ о солидной важности архіерея (деканъ Вестминстерскій одно изъ первыхъ духовныхъ лицъ Англіи) казалось здѣсь такъ просто, такъ естественно, такъ гармонировало съ бодрой здоровой старостью самого аббатства. Намъ оставалось только послѣдовать примѣру декана, и мы начали прыгать во дворъ съ меньшею легкостью и ловкостью, чѣмъ старикъ деканъ, годившійся намъ въ отцы.

Въ это время зазвонили къ вечернѣ, и деканъ извинился, что долженъ оставить насъ, чтобы пойти служить вечерню, и просилъ насъ также прійти въ соборъ. Когда мы немного погодя возвратились въ соборъ, онъ былъ уже почти полонъ молящимися. Какой то служитель въ черной муаровой мантии и съ большимъ серебрянымъ жезломъ въ рукахъ указалъ намъ мѣста во второмъ ряду стульевъ. Передъ нами сѣли деканы и каноники собора въ облаченіи, а также какіе то два господина, скромно прошедшіе на свои мѣста послѣ начала службы; они сидѣли въ пальто и съ зонтиками въ рукахъ, и лишь по чулкамъ до колѣнъ и башмакамъ можно было угадать ихъ принадлежность къ англиканскому духовенству. Тотъ же служитель, который указалъ намъ мѣста, подходилъ къ деканамъ и каноникамъ, когда по ходу службы имъ надо было произносить возгласъ, читать евангеліе или говорить проповѣдь, и проводилъ ихъ на надлежащее мѣсто. Деканъ Ирландскій въ своей проповѣди опять упомянулъ о нашемъ присутствіи на вечернѣ и привѣтствовалъ насъ, опять говорилъ о дружбѣ нашихъ народовъ и о необходимости развитія русской конституціи.

Онъ сказалъ, что привѣтствіе Вестминстерскаго аббатства членамъ Русскаго Государственнаго Совѣта и Русской Думы въ истинномъ смыслѣ національное привѣтствіе, такъ какъ аббатство стоитъ за національную вѣру. Вплотную около него Вестминстерскій дворецъ, гдѣ законодательствуетъ національный Парламентъ, и возможно, что члены болѣе молодого Парламента найдутъ кое что интересное и цѣнное

въ изученіи этого древняго учрежденія и его исторіи. Но здѣсь, въ этомъ почтенномъ Божьемъ Домѣ, съ его тысячелѣтними воспоминаніями, особая мысль могли возникнуть у нихъ сами собой, когда они вмѣстѣ съ нами преклоняли колѣни въ молебѣ къ Богу всѣхъ націй. Цѣль вѣковъ не счастье, а добродѣтель и вся исторія показываетъ, что это такъ. Говоря далѣе о социальныхъ заслугахъ церкви, онъ сказалъ, что Иисусъ Христосъ пришелъ на эту землю для исцѣленія, скорѣе человѣческихъ душъ, чѣмъ человѣческихъ тѣлъ.

По окончаніи вечерни служители въ черныхъ муаровыхъ мантияхъ и съ серебрянными жезлами въ рукахъ организовали торжественное шествіе: впереди шли попарно пѣвчіе и псаломщики, потомъ эти служители, за ними деканы и каноники, а за этими послѣдними къ великому нашему удивленію пригласили и насъ стать также попарно, сзади насъ стали два замѣченные мною просто одѣтые духовные. Этотъ торжественный выходъ изъ собора въ присутствіи всѣхъ молящихся, еще не расходившихся, былъ величайшей честью для насъ. Въ другой части собора за рѣшетчатой дверью деканъ Вестминстерскій благодарилъ насъ за присутствіе на вечернѣ и представилъ насъ вышедшимъ съ нами духовнымъ, которыхъ раньше насъ пропустили черезъ рѣшетчатую дверь и которые оказались примасомъ Англіи, архіепископомъ Кентерберрійскимъ и его викаріемъ, епископомъ Австралійскимъ, совсѣмъ еще молодымъ на видъ человѣкомъ. Поговоривъ немного съ архіепископомъ, мы стали прощаться, причемъ деканъ Вестминстерскій сказалъ мнѣ, что англичане глубоко опечалены грубымъ, безтактнымъ манифестомъ своей рабочей партіи, что они привѣтствуютъ развитіе нашей конституціи, дарованной Царемъ, и думаютъ, что постепенный путь въ ея развитіи и вообще въ реформаціонной дѣятельности, самый вѣрный путь. Я отвѣтилъ ему, что хотя этотъ манифестъ намъ и очень непріятенъ, но что пріемъ, оказанный намъ всѣми англичанами безъ различія партій, классовъ и общественныхъ группъ, своимъ необычайнымъ радушіемъ изглаживаетъ это непріятное впечатлѣніе. Далѣе я сказалъ, что мы хотимъ работать совмѣстно съ нашимъ Царемъ для укрѣпленія и развитія конституціи, такъ какъ въ такой совмѣстности работы видимъ свою силу.

Все пребываніе наше въ Вестминстерскомъ аббатствѣ оставило на всѣхъ насъ неизгладимое впечатлѣніе особеннаго, выдающагося вниманія намъ оказаннаго, а торжественный выходъ изъ собора—впечатлѣніе небывалаго почета.

Вечеромъ того же дня члены Государственной Думы и Государственнаго Совѣта чествовали обѣдомъ въ фешенебельномъ ресторанѣ Ритса инициатора и устроителя поѣздки профессора Перса и его милѣйшую супругу мистрисъ Маргариту Персъ. Всѣ участники поѣздки не исключая и дамъ, М. А. Хомяковой и Е. И. Звегинцевой, были на лицо и всѣ непрерывно старались высказать свою благодарность любезнымъ супругамъ Персъ, дѣйствительно много содѣйствовавшимъ успѣху поѣздки своими неустанными хлопотами и заботами о всѣхъ мелочахъ и стараніемъ все предусмотрѣть и все приготовить. Хомяковъ, Стаховичъ, графъ Олсуфьевъ, Гучковъ, Максудовъ и Звегинцевъ провозглашали тосты, то за мистрисъ Персъ, то за профессора Перса. Послѣдній отвѣчалъ двумя рѣчами, одной по англійски, другой по русски. Обѣдъ носилъ самый сердечный дружескій характеръ.

На слѣдующій день 28.15 мы поѣхали въ Ливерпуль, остался одинъ В. А. Маклаковъ, который на столько заинтересовался суффражистками, что рѣшилъ даже пожертвовать поѣздкой въ Ливерпуль и Эдинбургъ, чтобы только посмотрѣть митингъ, на который одна изъ поборницъ женскаго движенія, г-жа Панкурстъ вручила ему специальный пропускъ. Маклаковъ присутствовалъ при демонстраціи суффражистокъ передъ Парламентомъ, видѣлъ столкновение ихъ съ полиціей, а на слѣдующій день видѣлъ уже въ кинематографѣ представленіе не только этого столкновения, но даже и суда надъ суффражисткой, ударившей при этомъ полисмена, не пропускавшаго ее въ Парламентъ.

Для поѣздки въ Ливерпуль намъ былъ приготовленъ отдѣльный вагонъ-столовая; везли насъ и накормили завтракомъ за счетъ комитета по нашему приѣму въ Англіи. Погода была сѣрая, временами шелъ дождь, и мы мало видѣли изъ той равнинной части Англіи, которую мы пересѣкали, и встрѣчавшихся по пути городовъ, мимо которыхъ поѣздъ пролеталъ не останавливаясь; на всемъ пути было, кажется, одна только остановка. На вокзалѣ Ливерпуля насъ встрѣтили Лордъ-меръ Челонеръ Доундэль въ золотой цѣпи, городскіе



Гр. Олсуфьевъ, Монтигъ, Гучковъ,

Губовъ, Челонеръ,

Мистрисъ Персъ, Стаховичъ,

М. А. Хомякова, Лордъ

Отъѣздъ въ Ливерпуль.

совѣтники, предсѣдатель торговой палаты серъ Альфредъ Джонсъ и президіумъ палаты, а также русскій консулъ въ Ливерпулѣ и русскій вице-консулъ въ Гулль и видные Ливерпульцы; профессора, судовладѣльцы и негоціанты, которые пригласили насъ остановиться у нихъ на дому. Еще въ Лондонѣ мы получили особыя карточки съ именами нашихъ будущихъ хозяевъ, которыя мы должны были привязать къ нашему багажу, чтобы его сейчасъ же могли забрать по назначенію. Меня и Свѣнцицкаго взялъ къ себѣ въ автомобиль нѣкій Фредъ Бэурингъ, крупный торговецъ нефтью и керосиномъ, за которыми онъ посылаетъ до дюжины собственныхъ наливныхъ пароходовъ въ Батумъ, Новороссійскъ и Америку. Онъ провезъ насъ на край города, въ новую часть его, состоящую изъ отдѣльных виллъ.

Дача, или вѣрнѣе городской домъ Мистера Бэуринга небольшой хорошенькій домъ среди сада. Хозяинъ самъ отперъ дверь и не давъ намъ переодѣться съ дороги, повелъ въ садъ къ матери и сестрѣ (мистеръ Бэурингъ холостъ), которыя радушно насъ встрѣтили и тутъ же на газонѣ, предназначенномъ для игры въ крокетъ, поили чаемъ. Немного погода мистеръ Бэурингъ и его сестра повезли насъ кататься въ автомобиль сперва по молодому парку, кажется подаренному городу самимъ нашимъ хозяиномъ, а за тѣмъ и по окрестностямъ города, ничего особеннаго не представлявшимъ, кромѣ свѣжести и сочности растительности. На обратномъ пути мы были задержаны въ паркѣ оживленной толпой костюмированныхъ, преимущественно молодежи и дѣтей, а также собравшейся на нихъ поглазѣть дѣтворой. Эти костюмированные собирали пожертвованія для дѣтскаго госпиталя. Когда мы переодѣвшись во фраки отправились на обѣдъ, даваемый намъ торговой палатой, то улицы Ливерпуля оказались наполнены большой толпой, ожидавшей карнавальнаго шествія цѣлаго ряда специальныхъ экипажей, группъ и отдѣльных лицъ, словомъ той компаніи костюмированныхъ, часть которыхъ мы только что видѣли. Насъ поразилъ удивительный порядокъ на улицахъ. Зрители преимущественно изъ простонародья, чинно-расположились густыми рядами по обѣимъ сторонамъ улицы: впереди сидѣли и стояли маленькія дѣти, оживленно болтавшія; за ними стоя-

ли дѣти побольше, подростки, юноши и дѣвушки, и только въ послѣднемъ ряду взрослые. Ни толкотни, ни давки не было замѣтно, дѣти не перебѣгали черезъ улицу, и при этомъ полиціи даже не было видно: культурная и привычная къ самодѣятельности и свободѣ, а также къ вытекающей отсюда отвѣтственности, толпа сама соблюдала порядокъ. А толпа была юная, оживленная и очень многочисленная; здѣсь былъ навѣрно не одинъ десятокъ тысячъ юныхъ зрителей.

Въ отель Адельфи, гдѣ былъ обѣдъ, собрался „весь Ливерпуль“, какъ говорятъ мѣстные газеты, но безъ дамъ. Здѣсь были главнѣйшіе представители Ливерпульской торговли, судовладѣльцы, профессора университета, общественные дѣятели и высшіе правительственные чиновники, какъ на примѣръ: главный шерифъ Ланкастера серъ Форвудъ, и участникъ Южно-Африканской войны генералъ Бетьюнъ. Присутствовали также русскіе консулы Ливерпуля, Манчестера и Гуллы. Къ нашему пріѣзду большинство англичанъ собралось въ гостинныхъ отеляхъ, гдѣ они встрѣтили насъ. Намъ вручили особые планы размѣщенія гостей за столомъ и вскорѣ пригласили въ залъ, украшенный двумя громадными во всю стѣну національными флагами англійскимъ и русскимъ.

За обѣдомъ игралъ дамскій струнный оркестръ и пѣлъ извѣстный солистъ Джорджъ Раулендсъ. Предсѣдательствовалъ президентъ Ливерпульской торговой палаты серъ Альфредъ Джонсъ. Въ концѣ обѣда онъ провозгласилъ тостъ за Короля, а затѣмъ за Царя, причемъ замѣтилъ, что всѣ они какъ ливерпульцы, какъ англичане съ радостью поддерживать этотъ тостъ. Какъ на символъ того измѣнишагося состоянія духа, въ которомъ находятся обѣ націи, онъ указалъ на совмѣстно украшающіе стѣну два флага и выразилъ надежду, что они и далѣе будутъ сочетаться такимъ образомъ на пользу обѣихъ странъ: Россіи и Англіи. Затѣмъ онъ провозгласилъ тостъ за „нашихъ русскихъ посѣтителей“, причемъ высказалъ благодарность профессору Персу, который подготовилъ этотъ пріятный вечеръ. „Джентльмены изъ Россіи могутъ чувствовать себя здѣсь совершенно дома, такъ продолжалъ серъ Джонсъ, поскольку это относится къ Ливерпулю и Ланкашейру (графству, гдѣ находится Ливер-

пуль) и къ Англіи вообще. (Слушайте, слушайте). Мы надѣемся сдѣлать васъ нашими друзьями въ торговлѣ, чтобы вы могли добиться кое-чего отъ насъ и мы могли добиться кое-чего отъ васъ. (Смѣхъ). У васъ въ Россіи есть кое что, въ чемъ мы нуждаемся, и у насъ найдется кое что нужное вамъ. Давайте постараемся добиться возможно большей выгоды другъ отъ друга. Таковъ надлежащій законъ торговли; вѣдь это не благотворительное учрежденіе. (Смѣхъ). Но все же торговля въ концѣ концовъ есть главный факторъ въ сохраненіи и поддержаніи дружественныхъ отношеній между націями. Ливерпуль вдвойнѣ привѣтствуетъ русскихъ посѣтителей. Мы въ Ливерпульѣ уважаемъ васъ за тѣ тяготы и трудности, которыя вы въ Россіи пережили, и за то, какъ вы это совершили и какъ преодолѣли эти трудности; и мы удивляемся вамъ. Эти тяготы пожалуй и не были въ вашей странѣ такъ велики, какъ предполагалось. Я, по крайней мѣрѣ, не думаю чтобы наши присутствующіе друзья выглядели такъ, какъ будто они побывали въ Сибири. (Аплодисменты). Ихъ предсѣдатель дѣйствительно въ такомъ веселомъ расположеніи духа, что сказалъ мнѣ, будто онъ хотѣлъ пріѣхать въ Ливерпуль и управлять моими дѣлами. (Смѣхъ). Я не совсѣмъ увѣренъ, что онъ могъ бы это сдѣлать съ успѣхомъ. Но, какъ русскій, онъ безъ сомнѣнія приложилъ бы всѣ старанія, чтобы сдѣлать возможно лучше, такъ какъ энергія и даровитость есть характерное качество русскихъ. (Слушайте, слушайте.) Я желаю воспользоваться случаемъ и напомнить гостямъ, что въ Ливерпульѣ они найдутъ большой портъ, при этомъ такой, которымъ ливерпульцы очень гордятся. Я очень сожалѣю, что посѣтители не остаются въ Ливерпульѣ достаточно долго, чтобы увидѣть, что здѣсь было сдѣлано для торговли вообще, а также для торговли съ Россіей въ частности. (Слушайте, слушайте). Я увѣренъ, что такое наблюденіе было бы навѣрное для нихъ поучительнымъ (Слушайте, слушайте). Однако, по скольку это относится къ современной торговлѣ, существующей между Ливерпулемъ и Россіей, да будетъ мнѣ позволено сказать, что она не такъ велика, какъ ливерпульцы могли бы желать этого, и я убѣжденъ, что если бы мы установили болѣе тѣсное общеніе другъ съ другомъ, то это послужило бы въ высокой степени къ нашей взаимной выгодѣ. Я увѣренъ, что наша встрѣча сего-

дня вечеромъ будетъ значительно содѣйствовать развитію сношеній между двумя націями. Такія встрѣчи, дѣйствительно должны были бы быть болѣе частыми, и я не лишень надежды, что слѣдующая ближайшая наша встрѣча произойдетъ въ Петербургѣ. (Аплодисменты). Обмѣнъ мыслями и личное знакомство людей лучше ведетъ къ торговому успѣху, чѣмъ что либо другое. Личное общеніе имѣетъ громадную цѣнность. Кабели и телеграммы очень хороши и необходимы въ своемъ родѣ, но они не равноцѣнны личнымъ свиданіямъ, потому что человѣку говорить по кабелю то, чего никогда не сказали бы ему въ глаза. (Громкій смѣхъ). Притомъ же этотъ способъ сообщенія очень дорогой. Быстрый и частый обмѣнъ мыслями и интересами, такой, какой является слѣдствіемъ такого собранія, какъ это, необходимъ для блага всего міра. Ливерпульскимъ друзьямъ вашимъ доставило громадное удовольствіе видѣть у себя своихъ русскихъ гостей. Я искренно увѣренъ, что мы теперь будемъ лучше знать другъ друга, чѣмъ ранѣе и будемъ имѣть болѣе довѣрія другъ къ другу, потому что каждый будетъ знать, чего стоитъ другой“.

Этотъ же тостъ „за гостей“, поддерживалъ Лордъ-меръ Ливерпуля, высокій, черноволосый, молодой еще, типичный англичанинъ. Адвокатъ по профессіи онъ, однако, очень волновался во время своей рѣчи: то энегрично сосалъ свою сигару, то клалъ ее на столъ, закладывалъ руки за спину, но сказавъ нѣсколько словъ, снова брался за сигару. Онъ привѣтствовалъ насъ, какъ старшее должностное лицо Ливерпуля. Ссылаясь на то, что было сказано серомъ Альфредомъ Джонсомъ, онъ отмѣтилъ, что коммерческія отношенія имѣютъ большое значеніе, и онъ вѣритъ, что въ торговыхъ сношеніяхъ люди узнаютъ другъ друга очень хорошо, и если существуютъ элементы взаимнаго пониманія и сближенія народовъ, то онъ думаетъ, что ихъ слѣдуетъ, пожалуй, искать въ торговлѣ, скорѣе, чѣмъ въ чемъ либо другомъ. „Визитъ, который вы, Господа русскіе, оказали намъ честь слѣлать Ливерпулю, продолжалъ онъ, значитъ, однако, гораздо болѣе, чѣмъ одно это. (Слушайте, слушайте). Для меня онъ отраденъ по многимъ причинамъ. Одна причина радости та, что мой другъ, профессоръ Персъ (аплодисменты) довель до конца этотъ шагъ къ той цѣли, служенію которой онъ посвятилъ всю свою жизнь, а именно, взаимному сближенію

англійскаго и русскаго народовъ. (Громкое одобреніе). Тѣ изъ насъ, которые были въ школахъ, знаютъ, что римляне имѣли одно слово для обозначенія иностранца и врага. Дружба не можетъ существовать иначе, какъ при посредствѣ личнаго общенія. Кто хорошо знаетъ Россію и хорошо знаетъ Англію вѣрятъ и убѣждены, что есть глубокое тождество темперамента между этими двумя народами. (Слушайте, слушайте). Они вѣрятъ, что не нужно ничего болѣе, кромѣ личнаго общенія, чтобы установить самую дѣйствительную и постоянную близость между ними. (Одобреніе). Профессоръ Персъ зналъ обѣ націи, и онъ знаетъ, что это такъ. Сотрудничать какимъ бы то ни было путемъ въ такомъ большомъ предпріятіи несомнѣнно пріятный трудъ и я, какъ старшее должностное лицо города, зная Ливерпуль, какъ каждый Лордъ-меръ обязанъ знать его, я чувствую, что говорю голосомъ всего Ливерпуля, когда привѣтствую васъ самымъ сердечнымъ образомъ“. (Громкое одобреніе).

Графъ Дерби (бывшій министръ почтъ въ консервативномъ кабинетѣ), также поддержалъ тостъ предсѣдателя и сдѣлалъ это по его словамъ съ величайшимъ удовольствіемъ и охотою. (Одобреніе). Онъ сказалъ, — что гости были привѣтствованы главою коммерческаго Ливерпуля, они были привѣтствованы (официальнымъ) главою города, они привѣтствуются также тѣми (если ему позволено говорить отъ ихъ имени), которые живутъ внѣ Ливерпуля но принимаютъ близко къ сердцу интересы Ливерпуля. (Одобреніе). (Одно изъ имѣній лорда Дерби находится вблизи Ливерпуля, и ливерпульцы очень гордились тѣмъ, что лордъ Дерби принялъ участіе въ ихъ обѣдѣ и согласился говорить рѣчь, на что въ частныхъ разговорахъ усиленно обращали наше вниманіе). Привѣтствія, съ которыми Ливерпуль обращается къ своимъ гостямъ, какъ онъ, ораторъ, это знаетъ, по наслѣдованному отъ многихъ поколѣній обычаю, не есть привѣтствіе только на словахъ, но привѣтствіе отъ всего сердца, привѣтствіе добраго товарищества. Гости были привѣтствованы серомъ Альфредомъ Джонсомъ и они припомнятъ, я надѣюсь, что если бы они получили отъ него каблеграму, то въ ней было бы болѣе, чѣмъ онъ сказалъ имъ въ глаза (смѣхъ), и онъ не страшился бы при этомъ расхождений. (Новый взрывъ смѣха). „Мы привѣтствуемъ васъ се-

годня съ разныхъ точекъ зрѣнія. Вы были привѣтствованы какъ великая нація тѣми, которые служили въ Палатахъ Парламента. Они привѣтствовали васъ, какъ представителей самой молодой, тогда какъ мы принадлежимъ къ самой древней конституціонной странѣ въ мірѣ. Мы слѣдили съ интересомъ за вашей борьбой. Мы радовались вашимъ побѣдамъ. Мы сочувствовали вамъ въ томъ, что я не хочу назвать вашими неудачами, но вашимъ усиліямъ достигнуть успѣха, котораго вы заслуживаете. (Одобреніе). Вы смотрѣли на нашъ Парламентъ, какъ на мать Парламентовъ, и я надѣюсь, вы научитесь избѣжать нѣкоторыя изъ тѣхъ ошибокъ, которыя время искоренило изъ этихъ Палатъ, и достигнете успѣховъ, которые теперь, какъ я вѣрю, присущи имъ. (Слушайте, слушайте). У васъ есть свои заботы. Мнѣ кажется, что я читалъ въ газетахъ,—которыя всегда точны—(смѣхъ), что у васъ были свои сцены въ Парламентѣ. (Смѣхъ). Я отмѣчаю также, что вы довели прекращеніе преній, до тонкаго искусства. (Смѣхъ). Да будетъ мнѣ позволено сказать, что на то и на другое мы смотримъ и у насъ, какъ на большіе наши успѣхи (смѣхъ): одно доставляетъ лишніе оттиски газетамъ, а другое приводитъ къ окончанію извѣстную сумму дѣлъ. (Смѣхъ). Въ теченіи вашего короткаго посѣщенія этой страны вы наслушаетесь вдоволь о злоупотребленіяхъ теперешняго правительства. Позвольте мнѣ сказать вамъ, что если бы вы были здѣсь четыре года тому назадъ, вы слышали бы о такихъ же злоупотребленіяхъ тогдашняго правительства (смѣхъ), къ которому я имѣлъ честь принадлежать. Обѣ наши партіи думаютъ, что другая партія дѣйствуетъ неправильно, и, однако, несомнѣнно, что въ цѣломъ, въ результатѣ, получилась наилучшая форма правленія. (Слушайте, слушайте). Я думаю, что величайшій урокъ, который вы изучите въ этой странѣ парламентарнаго правленія, заключается въ томъ, что сходимся ли мы или расходимся въ оцѣнкѣ методовъ, по которымъ совершается управление, все же нѣтъ ни одного изъ насъ, который не оказалъ бы полного довѣрія противной сторонѣ, въ томъ, что она дѣлаетъ именно то, что искренно считаетъ лучшимъ въ интересахъ страны, безъ какого бы то ни было своекорыстнаго личнаго желанія. (Одобреніе). Это довѣріе есть приобрѣтеніе, которое, я думаю, полезно для страны. (Слушайте, слушайте). И я не могу не думать, что и вы сами въ свою очередь признаете въ вашей

борьбѣ за конституцію чистое безкорыстіе борцовъ, въ ихъ стремленіи сдѣлать все, что вы можете на пользу и для поддержанія чести вашей страны и для благополучія тѣхъ, кто къ ней принадлежитъ. (Одобреніе).

Мы привѣтствуемъ васъ еще съ другой точки зрѣнія. Вы были старыми нашими союзниками, но вы несомнѣнно были и старыми нашими врагами, и однако, если вы оглянетесь на наши школьные дни, многіе изъ насъ скажутъ, что мальчикъ, съ которымъ мы болѣе всего дрались, часто дѣлался нашимъ лучшимъ другомъ въ послѣдующей жизни. (Одобренія). Съ моей правой стороны сидитъ выдающійся офицеръ (генералъ Бетьюнъ), который заслужилъ свое отличіе въ Южно-Африканской войнѣ; въ ближайшемъ сосѣдствѣ сидитъ другое лицо, которое, дѣйствительно, сражалось противъ насъ въ эту войну, и вотъ мы сидимъ вмѣстѣ съ одною только мыслью, а именно, забыть войну и стараться о мирѣ. (Одобреніе). Мы привѣтствуемъ васъ. Съ вами самыя горячія пожеланія Ланкашейра. Мы рады, что могли доказать такимъ образомъ, что въ этомъ торговомъ городѣ Ливерпуль только одно желаніе, и это желаніе мира и дружбы съ великимъ народомъ, который вы представляете и отъ котораго мы всѣ были слишкомъ долго отчуждены. (Одобренія).

Сергѣй Иллѣодоровичъ Шидловскій, отвѣчая отъ имени русскихъ гостей, сказалъ, что его первымъ словомъ должно быть привѣтствіе почтенному собранію, которое оказало имъ большую честь своимъ приглашеніемъ, что они очень высоко цѣнятъ вниманіе и доброту, которыя были имъ оказаны въ гостепріимномъ городѣ Ливерпуль. Они вѣрятъ, что чувства, которыя они увезутъ съ собою, будутъ залогомъ дружественныхъ и задушевныхъ отношеній въ будущемъ. (Одобренія). „Я всегда думалъ, говорилъ онъ далѣе, что наши взаимныя отношенія въ прошломъ не всегда соотвѣтствовали нашимъ истиннымъ интересамъ. Насколько я могу судить, это было оттого, что мы мало знали другъ о другѣ и черпали свои свѣдѣнія другъ о другѣ изъ источниковъ, очень часто описывавшихъ насъ съ точки зрѣнія, которая мало соотвѣтствовала дѣйствительности. (Одобреніе). Я могу съ гордостью сказать, что русскіе, въ общемъ, очень хорошо знакомы съ чужими странами. Ихъ образованіе не считается законченнымъ, если они не ознакомлены основательно съ

исторіей, учрежденіями и событіями въ другихъ земляхъ; и какъ заключительный аккордъ въ ихъ воспитаніи, они считаютъ своимъ долгомъ провѣрить изученное, посѣтить страны, о которыхъ имъ преподавали въ школахъ и дополнить свои свѣдѣнія личными впечатлѣніями. Вотъ причина, почему средній русскій болѣе или менѣе способенъ судить націи съ правильной точки зрѣнія, и почему мы не принимаемъ за достовѣрную всякую исторію, рассказанную намъ о другихъ странахъ, и не вѣримъ всевозможнымъ безсмыслицамъ, которыя намъ часто говорятъ. Мы очень желали бы, чтобы свѣдѣнія о Россіи были коротко знакомы англичанамъ, до такой степени, чтобы они не вѣрили слѣпо всевозможнымъ сенсационнымъ новостямъ и извѣстіямъ, которыя даютъ имъ о Россіи люди, руководимые весьма различными побужденіями. Если намъ предстоитъ хорошо узнать другъ друга, то между нами должны существовать личныя сношенія, такъ какъ только при личномъ знакомствѣ со страной и ея народомъ можно понять тѣ ея характерныя черты, въ которыхъ иначе нельзя разобраться и которыя, однако, должны быть поняты. Поэтому всякая попытка создать личныя связи является для насъ дѣломъ громадной важности. Почти невозможно существованіе совершенно обособленной дѣятельности отдѣльныхъ государствъ въ сферѣ культуры и прогресса. Они все связаны другъ съ другомъ тѣсными узами взаимныхъ интересовъ; и никакое дѣло не можетъ быть успешнымъ, если оно не основано на дѣйствительныхъ фактахъ и на положительныхъ данныхъ, а не на иллюзіяхъ и недоразумѣніяхъ. По этой причинѣ я самъ хотѣлъ бы преимущественно опираться на фактахъ, дающихъ здоровое основаніе для развитія идеи, которая свела насъ здѣсь вмѣстѣ. Дарованіе Россіи Царемъ представительныхъ учреждений—фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Приглашеніе, сдѣланное представителямъ обѣихъ Палатъ, посѣтить Англію также фактъ, и, наконецъ, присутствіе насъ всѣхъ въ одной комнатѣ трудно разсматривать иначе, какъ реальный фактъ. Когда мы подсчитываемъ факты, мы не можемъ не дать первое мѣсто городу, въ которомъ мы сами имѣемъ счастье находиться—Ливерпулю. (Одобрение). Не Ливерпулю-ли принадлежитъ инициатива въ сближеніи съ Россіей? Можемъ ли мы подсчитывать факты, не вспомнивъ, что именно бывший Лордъ-

меръ, докторъ Кетонъ, въ качествѣ предсѣдателя, открылъ первое собраніе комитета по изученію Россіи. Или можемъ ли мы забыть настоящаго Лордъ-мера, теперешняго предсѣдателя комитета, или сэра Альфреда Джонса, президента торговой палаты, который основалъ одинъ изъ первыхъ русскихъ отдѣловъ въ такой палатѣ, съ преподаваніемъ русскаго языка. Поѣздка мистера Боркера въ Россію по настоянію палаты является несомнѣнно фактомъ, подобно тому, какъ и основаніе въ Ливерпульскомъ университетѣ первой въ Англіи кафедры русской исторіи, языка и литературы, а также энергичный и мудрый трудъ мистера Бернарда Перса, направленный къ нашей взаимной выгодѣ. Еще однимъ фактомъ является помѣщеніе въ Россіи студентовъ для изученія опредѣленныхъ вопросовъ, и въ заключеніе мы имѣемъ фактъ основанія комитета изученія Россіи, между членами котораго мы насчитываемъ многихъ присутствующихъ здѣсь. Все это не только добрыя намѣренія или рѣшенія, но дѣйствительность—все это уже существуетъ и сдѣлано. Уже создано такъ много реальныхъ фактовъ для болѣе тѣснаго сближенія Россіи и Англіи на основѣ мирной и культурной работы, что старыя недоразумѣнія, которыя обычно существовали между нами, не могутъ болѣе продолжаться. Нѣтъ существеннаго столкновенія интересовъ между нами, а интересовъ, которые у насъ общіе, очень много. Путь ведущій, къ установленію дружбы, былъ избранъ правильно, и правильно же по немъ слѣдовали. Въ этомъ дѣлѣ вліяніе всегда останется за Ливерпулемъ, внутри стѣнъ котораго есть объединенные работники, взявшіеся за это большое дѣло". (Одобрение).

Садри Низамовичъ Максудовъ, говоря по французски, сказалъ между прочимъ: „мы пріѣхали сюда для изученія вашей страны; мы всегда восхищались Англіей и изъ многочисленныхъ книгъ имѣли извѣстное представленіе о странѣ, но настоящая Англія, какъ она существуетъ, гораздо лучше, чѣмъ все, что мы воображали. Результатомъ посѣщенія будутъ болѣе тѣсныя отношенія, какъ моральныя, такъ и интеллектуальныя, между обѣими націями. Я восхищаюсь торговлей и промышленностью Англіи. Намъ говорили, что величіе и престижъ страны пропорціональны ея промышленности. Если правда все, что было слышно о коммерческихъ людяхъ другихъ странъ, это еще болѣе правда по отношенію къ коммерсантамъ

Англии. Я радъ признать, что представители англійской торговли были великими факторами цивилизаціи; дѣйствительно, въ англійскихъ колоніяхъ торговцы шли впереди солдатъ". (Одобреніе).

Серъ Эдуардъ Рассель провозгласилъ тостъ за англо-русскія торговыя сношенія. „Краснорѣчивый ораторъ, который только что говорилъ передъ нами, сказалъ онъ, выказалъ двѣ тонкихъ похвалы, одну по отношенію къ идеаламъ и понятіямъ, съ которыми эта страна приступаетъ къ дѣлу народнаго представительства и государственной дѣятельности, а другую очень великодушное признаніе тѣхъ принциповъ болѣе западной части Европы, которымъ Россія такъ искренно желаетъ подражать. Я не могу не подумать, что въ одной части рѣчи онъ говорилъ объ историческомъ фактѣ, слишкомъ часто забываемомъ,—что были времена, когда рыцарскія поступки Россіи, выдвигавшія впередъ великія задачи, заставили нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся и видныхъ британскихъ государственныхъ дѣятелей полюбить Россію. Послѣдній ораторъ упомянулъ также о томъ, что очень близко британскому сердцу, о томъ предметѣ, который я долженъ теперь освѣтить: объ англо-русскихъ торговыхъ сношеніяхъ. Конечно, весьма естественно, что они возбудили большой интересъ въ Ливерпульѣ и достаточно знать, что интересъ возбужденный къ этому вопросу въ Ливерпульѣ имѣетъ свое начало не съ сегодняшняго числа. Мистеръ Шидловскій избавилъ меня отъ труда упоминать о фактахъ, которые доказываютъ, что Ливерпуль сочувствовалъ идеѣ о важности русской торговли; и я съ радостью повторяю то, что такъ многіе уже выразили по отношенію къ оцѣнкѣ дѣятельности и восхищенію предъ энтузіазмомъ мистера Бернарда Перса (одобренія), который, болѣе чѣмъ кто либо другой, поставилъ насъ въ положеніе, дающее возможность плодотворнаго изученія русской торговли. Ливерпуль существуетъ ради своей торговли. Его исторія-торговля и исторія торговли уже болѣе стала лѣтъ практически есть исторія Ливерпуля. (Слушайте, слушайте.) Торговля Ливерпуля становилась больше или меньше вмѣстѣ съ прогрессомъ міра.

Она взяла въ союзъ съ собою прогрессъ интеллекта и прогрессъ всего человѣчества. Кто жилъ въ этомъ городѣ знаетъ, что исторія Ливерпуля доставляетъ много примѣровъ

того, какъ торговля является однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей благосостоянія всего, что есть лучшаго въ человѣчествѣ и прогрессѣ. Мы искреннѣйше надѣмся, что будущее развитіе торговли и Британскихъ коммерческихъ сношеній съ Россіей, будетъ и впредь иллюстрировать это положеніе. Правда что наши отношенія къ Россіи въ области торговли слишкомъ односторонни. Ваша Россія обширная страна и плодородная страна. Вы обладаете громадными богатствами, гораздо большими и болѣе полезными, чѣмъ какая бы то ни была другая страна Запада, за исключеніемъ, можетъ быть, Соединенныхъ Штатовъ. Можно однако сказать, и это подсказывается естественно, само собою, что какъ бы полезно ни было обсуждать эти вопросы международнаго согласія и дружбы, и какъ бы ни было полезно для насъ знать другъ друга, въ особенности для дѣловыхъ отношеній, все же является очевиднымъ съ перваго взгляда, что собраніе подобное этому не можетъ, въ какой бы то ни было степени, двинуть впередъ ту массу дѣла въ области торговли, промышленности и прогресса, которую Россія должна совершить. Если бы я однако могъ войти теперь въ обсужденіе этихъ вопросовъ, то я могъ бы показать вамъ, на многихъ примѣрахъ, что Ливерпуль во всѣ времена получалъ большую выгоду отъ дѣятельности и предпріятій отдѣльныхъ лицъ. Вы знаете, что какъ ни великъ его портъ, и самъ городъ, и тяготящія къ нему общины, великое движеніе, которое создало ихъ и обусловило ихъ прогрессъ было главнымъ образомъ вызвано энергичной инициативой одного или двухъ лицъ (слушайте, слушайте). У насъ въ этомъ собраніи предсѣдательствуетъ человѣкъ, являющійся одной изъ лучшихъ иллюстрацій, на которую только можно сдѣлать ссылку въ пользу могущества личнаго вліянія инициативы и дѣятельности. (Одобреніе). Позвольте мнѣ выразить надежду, которую, я увѣренъ, питаете вы всѣ, что кое кто изъ присутствующихъ въ этой комнатѣ, а я знаю, что между нами есть лица находящіяся въ прекрасномъ положеніи, чтобы вліять въ этомъ направленіи, могутъ прекрасно поставить дѣло приложенія капиталовъ въ Россіи. Я могу назвать различныя предпріятія, на примѣръ, хлопковое или нефтяное или различныхъ другихъ продуктовъ, исторія коихъ очень многозначительна и очень поучительна, если они ведутся

такимъ образомъ, что могутъ привести къ солиднымъ результатамъ. (Одобренія). Мистеръ Германъ Лерхе, который первымъ будетъ отвѣчать на тостъ занять банковыми и финансовыми дѣлами, Мистеръ Милоковъ также будетъ отвѣчать. Онъ не настолько близокъ къ настоящей торговлѣ, онъ скорѣе, какъ и я самъ, сторонній наблюдатель ея. Оба эти джентельмена добавятъ новый матеріалъ для возбужденія энергіи нашего привѣтствія и, я вѣрю, они увеличатъ надежды, съ которыми мы смотримъ на это собраніе. (Громкое одобреніе).

Серъ Виліамъ Масеръ, который поддерживалъ предложенный тостъ, сказалъ, что можетъ быть только одно мнѣніе, а именно, что ихъ Русскіе гости вполне достойны руководить любымъ Парламентомъ въ мірѣ. (Слушайте, слушайте). Въ теченіе семидесяти или восьмидесяти лѣтъ Манчестеръ, въ которомъ сосредоточены всѣ мои коммерческіе интересы, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Россіей въ промышленныхъ и коммерческихъ дѣлахъ. Моя счастливая судьба привела меня въ Россію, когда мнѣ было двадцать лѣтъ, и я нашелъ эту страну плодороднымъ полемъ для приложенія англійскихъ мануфактурныхъ способностей. Я бывалъ въ Россіи болѣе пятидесяти разъ и, складывая всѣ мои посѣщенія вмѣстѣ, прожилъ пятнадцать лѣтъ въ этой странѣ. Не только велики спящія силы (потенціальная энергія) Россіи, но ея народъ обладаетъ качествами, которые будутъ содѣйствовать усовершенствованію всего міра, когда они только будутъ поняты Западными націями. (Одобренія). Пусть же Англія и Россія, естественные друзья, никогда болѣе не будутъ противоестественными врагами. Выпьемте за это*. (Одобренія).

Германъ Германовичъ Лерхе, отвѣчая на тостъ, сказалъ, что привѣтствіе, нами полученное, оправдало наше ожиданіе и доказало, что въ Англіи, какъ и въ Россіи подготовлена почва для самой тѣсной дружбы между двумя націями. Такая дружба диктуется не только политическими и международными условіями, но также и условіями экономическими и болѣе всего чувствомъ народовъ. (Слушайте, слушайте). Какъ одинъ изъ основателей Англо-Русской торговой палаты, онъ заявилъ, что мы также хорошо, какъ и англичане, сознаемъ, что права личной свободы, законности и порядка необходимы для развитія торговли, эти условія цивилизован-

наго существованія теперь окончательно обезпечены въ Россіи конституціей, дарованной Императоромъ четыре года тому назадъ. Какъ предсѣдатель финансовой комиссіи Думы, онъ воспользовался случаемъ, чтобы увѣрить Англичанъ въ своемъ твердомъ убѣжденіи, что Россія не сойдетъ съ пути реформъ и прогресса. (Одобреніе). „Я говорю въ томъ городѣ Англіи,—продолжалъ онъ,—который пожалуй болѣе всѣхъ другихъ, озабоченъ тѣмъ, чтобы на мѣсто сенсаціонныхъ извѣстій, опирающихся на весьма сомнительныхъ показаніяхъ, поставить основательное знаніе главныхъ относящихся къ Россіи экономическихъ и иныхъ фактовъ. Вы понимаете, я въ этомъ увѣренъ, что Россія должна развивать свою исторію по своему собственному пути и что именно этимъ путемъ Русскіе могутъ достигать политической зрѣлости, которой Англія пользуется уже такъ долго къ своему постоянному счастью. (Одобреніе). Но не только знанія требуются для того, чтобы создать дѣйствительныя связи между странами и народами. Они нуждаются еще въ сношеніяхъ, при которыхъ такое знаніе могло бы быть приобрѣтено, а коммерческія сношенія въ наши дни пожалуй самая вѣрная изъ всѣхъ гарантій мира. (Слушайте, слушайте). Я увѣренъ, что болѣе тѣсныя сношенія убѣдятъ насъ, что Британія и Россія предназначены быть полезными другъ другу. (Одобреніе). Русскіе справедливо цѣнятъ предпріятія Англичанъ въ Россіи. Въдь это вы дали широкій размахъ организаціи Русской экспортной торговли зерномъ, лѣсомъ и другими продуктами и дѣлая это, вы создали въ Россіи высокую репутацію Британскихъ коммерческихъ приемовъ. Въдь, дѣйствительно, хлопчатобумажная промышленность Россіи была создана изъ Ланкашейра, который доставилъ всѣ машины, а также и знанія, нужныя для того, чтобы организовать ее. (Одобренія). Если я могу сослаться на старую волшебную сказку, англійскій капиталъ много разъ былъ Прекраснымъ Принцемъ, который будилъ спящее богатство Россіи. (Одобреніе). Предпочтеніе Британскихъ товаровъ всегда существовало въ Россіи. Всякій знаетъ, что до сихъ поръ на языкѣ продавцевъ и покупателей слово „англійскій“ равнозначуще слову „первый сортъ“. Интересы нашихъ двухъ странъ въ торговлѣ не указываютъ ни одного пункта столкновенія, наоборотъ они дополняютъ другъ друга. Наши страны не пользуются новымъ способомъ увеличенія

торговой выгоды. Английские мануфактуристы никогда не „роняли“ своими товарами цѣнъ на русскихъ рынкахъ и Русские экспортеры никогда не „прижимали“ съ отпускомъ такихъ продуктовъ, которые были нужны въ Англіи. Никогда не было также тарифной войны между нами. (Одобренія). Разница между товарами английской мануфактуры и приходящими къ намъ отъ болѣе близкаго сосѣда очень хорошо извѣстна въ Россіи. Мы знаемъ, что английскіе мануфактуристы, никогда не старались дѣлать свои товары „немного дешевле“ и гораздо хуже“. Однако, я долженъ установить тотъ фактъ, что вывозъ изъ Англіи въ Россію и Русскій вывозъ въ Англію уменьшился за послѣдніе 25 лѣтъ по отношенію къ общей суммѣ товаровъ, ввозимыхъ въ обѣ страны. По ввозу товаровъ въ Россію другія націи обогнали Англію. Самая важная причина этого заключаются въ томъ, что мы въ Россіи слишкомъ мало изучили вкусъ английскихъ рынковъ, а англичане не имѣютъ достаточно свѣдѣній о русскихъ условіяхъ. Самая же важная причина въ томъ, что англичане не посылали въ Россію энергичныхъ агентовъ, какъ дѣлали это другія націи. (Слушайте, слушайте). Въ настоящемъ году произошло важное событіе, создающее путь для развитія торговыхъ сношеній. Я имѣю въ виду основаніе Англо-Русской торговой палаты. Экономическіе факты убѣдили меня, что настоящій моментъ очень хорошъ для развитія торговли между Британіей и Россіей. Я ожидаю, что недавняя реформа будутъ имѣть результатомъ увеличеніе въ очень сильной степени покупательной способности крестьянъ. Другой несомнѣнный фактъ заключается въ томъ, что въ то время, какъ капиталы очень рѣдки въ Россіи, мы обладаемъ очень большими природными богатствами. Примѣненіемъ Британскаго капитала и энергіи къ развитію природныхъ богатствъ Россіи и приливомъ болѣе энергіи ея производительнымъ силамъ, Англія не только пріобрѣтетъ непосредственно большую выгоду, но увеличивъ еще заработки русскаго населенія, его покупательную способность, увеличитъ слѣдовательно, и ввозъ английскихъ товаровъ въ Россію. (Одобренія). Специально для Ливерпуля это вопросъ большой важности. Вы нѣсколько въ зависимости отъ произвола Америки по покупкѣ хлопка. Если Россіи удастся оросить пустыни Туркестана для цѣлей культуры хлопка, мы не будемъ болѣе соперниками Ливерпуля, какъ

покупщики хлопка, и развяжемъ вамъ руки. И такъ съ обѣихъ точекъ зрѣнія: и по отношенію къ международной политикѣ, и по отношенію къ экономическимъ интересамъ, есть всевозможныя основанія къ болѣе тѣснымъ отношеніямъ между нашими народами. (Одобренія).

Павель Николаевичъ Милуковъ, также отвѣчавшій на тость, сказалъ, что мы прибыли съ добрыми вѣстями объ измѣнившихся международныхъ условіяхъ. Немного лѣтъ тому назадъ традиціонная вражда казалось не могла быть побѣждена, вражда создавшаяся вслѣдствіе предразсудковъ, ошибокъ и фантастическихъ опасеній. (Слушайте, слушайте) Международныя посѣщенія стали почти обычнымъ явленіемъ нашей новѣйшей жизни, но въ этомъ визитѣ есть нѣчто исключительное, что привлекаетъ особенное вниманіе. Это визитъ народа къ народу. Мы прибыли въ качествѣ частныхъ лицъ, но нашъ визитъ никоимъ образомъ не случайный. Вы видите передъ собою людей весьма различныхъ оттѣнковъ политическихъ убѣжденій, но эти различія, дополняя другъ друга, представляютъ нашъ великій идеалъ конституціонной Россіи. (Одобренія). Немного лѣтъ тому назадъ это посѣщеніе не было бы возможнымъ, такъ какъ страна не имѣла рта, чтобы высказывать свои мысли; но теперь нація обрѣла самое себя, и общественное мнѣніе говоритъ Англіи черезъ посредство народнаго представительства. (Одобренія). Россія, вступая въ свой новый курсъ, смотритъ на Англію, какъ на великую страну свободныхъ учреждений. (Одобренія). Прежде всегда было двѣ Россіи: официальная и народная, что символически могло изображаться двуглавымъ орломъ ея герба. Теперь же такое противоположеніе болѣе невозможно. Теперь, когда Царь даровалъ конституцію, Россія одна, и я не знаю, зачѣмъ у орла теперь все еще двѣ головы: у Россіи глава одна.

Николай Алексѣевичъ Хомяковъ предложилъ тость за предсѣдателя и замѣтилъ, что намъ доставляетъ большое удовольствіе встрѣтить въ Англіи довѣріе и знать, что мы увлекаемъ другъ друга въ дѣло мира, къ которому мы призваны Его Величествомъ Императоромъ. (Одобренія). Серъ Альфредъ Джонсъ кратко благодарилъ за тость.

По окончаніи обѣда мистеръ Фредъ Беурингъ отвезъ насъ со Свѣнцицкимъ къ себѣ домой, опять самъ отперъ

двери, самъ принесъ намъ рому, воды и прочія принадлежности для грога, котораго онъ приглашалъ насъ выпить еще по стаканчику, сидя передъ пылавшимъ каминомъ въ его гостиной. Затѣмъ онъ самъ проводилъ насъ въ наши спальни и указалъ намъ ванную, гдѣ мы могли выкупаться утромъ, если не удовлетворимся тѣми сидячими ваннами, которыя были приготовлены у насъ въ спальняхъ. Наши комнаты большія, свѣтлыя во второмъ этажѣ, съ широкими кроватями, поставленными такъ, что лежать приходилось лицомъ къ окну; обычная, кажется, мода въ Англіи. Прислуги мы опять не видали. Она показалась только на слѣдующій день въ столовой, подавая завтракъ. Все остальное дѣлалось во время и очень хорошо, но въ наше отсутствіе. Такъ, Свѣнцицкій, уѣзжая кататься, оставилъ свой чемоданъ отпертымъ и по возвращеніи съ прогулки нашелъ свое бѣлье, фракъ, галстукъ и перчатки уже приготовленными и аккуратно разложенными на стульяхъ; а утромъ, спускаясь къ первому завтраку, онъ не уложилъ чемоданъ, который оказался однако уложеннымъ, когда онъ послѣ завтрака вернулся въ свою комнату. Утромъ, при выходѣ изъ своихъ спаленъ, мы нашли передъ ихъ дверьми по столику съ чашкой чая и сандвичами, также неслышно появившемуся у нашихъ дверей, какъ неслышно и незамѣтно для насъ наши вещи оказались уложенными на автомобиль, когда насъ пригласили проѣхать по городу. Сперва мистеръ Фредъ Беурингъ и его любезная сестра завезли нашъ багажъ на вокзалъ, чтобы передъ отъѣздомъ не возвращаться за нимъ, а потомъ нашъ хозяинъ, извинившись, что оставляетъ насъ, пошелъ въ свою контору, а сестра его повезла насъ въ городскую картинную галерею.

Утромъ мы со Свѣнцицкимъ спустились, повидимому, нѣсколько рано въ гостинную, такъ какъ тамъ никого не было, но вскорѣ раздались звуки гонга, и мать и сестра мистера Беуринга пригласили насъ въ столовую къ „брекфестъ“—первому завтраку, гдѣ кормили насъ яичницей съ ветчиной, жареной рыбой, чаемъ и фруктами. За завтракомъ мы познакомились съ другою сестрою хозяина, но скоро должны были проститься съ дамами, такъ какъ пора было ѣхать. Въ картинной галереѣ мы видѣли много хорошо извѣстныхъ по снимкамъ картинъ художниковъ новой англій-

ской школы Рафаэли, Розети и др. Галлерея помѣщается въ красивомъ зданіи на очень видной площади, окруженной рядомъ другихъ тоже очень красивыхъ общественныхъ зданій и украшенной монументомъ королевы Викторіи. Мы лишь мелькомъ осмотрѣли картинную галерею боясь опоздать, по русскому обычаю, въ университетъ.

Официальная часть этого дня началась пріемомъ въ университетѣ, гдѣ около вице-канцлера Ливерпульскаго университета собралось въ помѣщеніи университетскаго сената большинство профессоровъ въ своихъ академическихъ мантияхъ и нѣкоторые видные Ливерпульцы съ епископомъ Ливерпульскимъ во главѣ. Среди гостей была и мистрисъ Персъ на этотъ разъ со своими тремя дѣтками, старшему изъ которыхъ лѣтъ шесть, а младшій еще на рукахъ у няни. Вице-канцлеръ, мистеръ Дели обратился къ намъ съ рѣчью:

Ваши Превосходительства, лорды и джентельмены! Во многихъ случаяхъ было уже моею привилегіей привѣтствовать въ нашихъ стѣнахъ знаменитыхъ посѣтителей, но ни въ одномъ случаѣ это не было большею честью и большимъ удовольствіемъ, чѣмъ сегодня (одобренія), потому что вы являетесь къ намъ, какъ представители націи, и какъ таковымъ мы кланяемся вамъ. Хорошее дѣло, когда націи, какъ ваша и наша, сближаются другъ съ другомъ въ симпатіи (одобренія), и когда онѣ забываютъ все, что склонно разъединять, и сосредоточиваютъ свои мысли и сердца на всемъ, что помогаетъ объединять. (Одобрения). Въ настоящее время вы могли замѣтить, и я надѣюсь замѣтили сами, насколько сильныя и искреннія чувства благожеланія мы питаемъ по отношенію къ Русскому народу. (Одобрения). Но, господа, если изъ сферы эмоций оно должно перейти въ сферу политики,—это чувство должно быть углублено и усилено, и мы думаемъ, что ваше посѣщеніе будетъ содѣйствовать достиженію этого результата (слушайте, слушайте,) потому что, съ одной стороны, оно увеличитъ ваши знанія о насъ, а съ другой—увеличитъ наши знанія о васъ, а безъ знаній симпатія, въ лучшемъ случаѣ, брэнная и краткосрочная вещь, симпатія же и благорасположеніе въ концѣ концовъ, вѣрнѣшія основы мира. (Слушайте, слушайте). Лордъ-мэръ этого города, когда онъ говорилъ вамъ прошлую ночь, предвосхи-

тиль многое изъ того, что я хотѣлъ бы сказать, но вы позволите мнѣ послѣдовать за нимъ въ выраженіи естественнаго удовлетворенія, которое мы всѣ испытываемъ, какъ члены этого университета, отъ того факта, что одинъ изъ нашихъ товарищей, профессоръ Персъ (одобрение), проявилъ такое дѣятельное участіе не только въ подготовкѣ этого посѣщенія, но и въ болѣе широкомъ движеніи, съ которымъ это посѣщеніе тѣсно связано. Вполнѣ естественно и правильно, чтобы университеты были первые въ такомъ движеніи, какъ это, потому что университеты въ то время, какъ они соприкасаются съ прошедшимъ и служатъ настоящему, стремятся также и къ будущему, и на нихъ покоятся надежды и обѣщанія будущаго. Вы были уже привѣтствованы, Господа, старѣйшими университетами этого королевства, и ваше присутствіе сегодня здѣсь, въ одномъ изъ самыхъ юныхъ и новыхъ изъ такихъ учреждений дастъ вамъ возможность привести домой наблюденіе, что если вы въ Россіи находитесь еще въ періодъ развитія и роста, то и мы въ этой странѣ находимся въ такомъ же положеніи и мы имѣемъ наши не разрѣшенныя задачи не менѣе, чѣмъ вы—обязанности еще неисполненныя, возможности еще неосуществленныя. Тѣ и другіе, вы и мы, встрѣчаемся здѣсь сегодня вмѣстѣ, чтобы объединиться въ томъ чувствѣ, въ томъ убѣжденіи, что мы всѣ, какъ вы, такъ и мы, наилучше доведемъ до конца великое дѣло, которое мы должны совершить, если мы будемъ жить бокъ о бокъ въ дружбѣ и братствѣ, и если каждый изъ насъ будетъ имѣть возможность поучаться изъ опытовъ другого. (Одобрение).

Послѣ этого собранія въ помѣщеніи сената насъ провели въ механическую аудиторію университета, гдѣ П. Н. Милюковъ прочелъ лекцію объ англійскомъ вліяніи на русскую культуру. Аудиторія, расположенная амфитеатромъ, не велика и очень проста. Передъ постепенно возвышающимися рядами скамей лицомъ къ слушателямъ сѣли вице-канцлеръ, лекторъ, нѣкоторые изъ насъ и изъ профессоровъ, остальные размѣстились на скамьяхъ слушателей.

Павель Николаевичъ Милюковъ началъ свою лекцію утвержденіемъ, что въ Россіи изученіе вопросовъ, касающихся Англии не есть изученіе чужеземной страны единственно изъ чистаго любопытства, это изученія части русской культуры,

части общаго наслѣдства отъ цивилизованныхъ націй, которыми русскіе постоянно пользовались въ теченіе около двухъ столѣтій. Ни одинъ видный англичанинъ, ни одна достойная того книга не появлялись безъ того, чтобы не оказать свою долю вліянія на русское развитіе. Англійскія мысли и чувства являются частью того, изъ чего сдѣланы Русскіе; вотъ почему дѣйствительно трудно отличить и прослѣдить до самаго начала все то, что позаимствовано изъ англійскаго.

Эти положенія лекторъ иллюстрировалъ краткими указаніями на англійское вліяніе въ области литературы, философіи, наукъ естественныхъ, социальнo-экономическихъ и политическихъ и, наконецъ, въ развитіи представительныхъ учреждений въ Россіи. Онъ закончилъ слѣдующимъ образомъ: „Куда бы мы ни посмотрѣли: на Англійскую изящную литературу, философію, право, политику или социологію, вездѣ мы увидимъ тотъ же самый руководящій характеръ, извѣстное чувство реальности, глубокое, скрытое теченіе здраваго смысла, которое никогда не даетъ доктринѣ овладѣть всѣмъ чело-вѣкомъ въ то время, когда онъ пользуется ею какъ побужденіемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Я не думаю, чтобы этотъ характеръ былъ случайный. Онъ отражаетъ характеръ самого народа, и здѣсь мы можемъ искать болѣе глубокое основаніе для нашей будущей дружбы и для нашихъ болѣе тѣсныхъ отношеній. (Одобрение). Я думаю, что этотъ общій характеръ придаетъ обѣимъ націямъ: англійской и русской, лучшее качество — извѣстную искренность и основательность въ характерѣ, извѣстную застѣнчивость въ началѣ знакомства, но истинный „abandon“, когда дружба заключена. Такова, я думаю, наша общая основа національной дружбы. Это не подражаніе, но извѣстное сродство въ самыхъ дорогихъ основахъ психологіи обѣихъ націй. Мы прошли черезъ тѣ же самые пути моральнаго и умственнаго развитія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ въ Лондонѣ на собраніи Толстовскаго общества. Одинъ изъ присутствующихъ членовъ высказалъ мнѣ свое восхищеніе передъ Толстымъ и выразилъ свое крайнее удивленіе, какъ Русскій дворянинъ, помѣщикъ могъ оказать такое могущественное вліяніе на него, англійскаго рабочаго, что совершенно измѣнилъ образъ его мыслей. Что же? Это легче понять, чѣмъ кажется. Толстой дѣлаетъ то, что дѣлали ваши люди въ концѣ восем-

надцатаго столѣтія. Онъ вноситъ свѣжее чувство въ новую мысль. Человѣкъ, который дѣлаетъ первый открытіе—пустъ это открытіе уже было сдѣлано ранѣе въ другихъ странахъ—оказываетъ на васъ могущественное впечатлѣніе свѣжести своего открытія. И это то и есть то, чѣмъ мы можемъ вліять на васъ въ тотъ моментъ, когда ваши великія битвы уже миновали и когда вы пользуетесь результатами вашихъ вѣковыхъ усилій—мы, которые лишь въ настоящій моментъ переживаемъ эту борьбу. Международная конъюнктура можетъ измѣниться. Я надѣюсь, что она никогда не измѣнится. Наша борьба за свободу далеко не окончена. Она имѣетъ свои подъемы и паденія (успѣхи и пораженія) и кто знаетъ, куда она заведетъ насъ въ будущемъ. Но есть одно, что никогда не измѣняется, чего никакая власть въ мірѣ не можетъ измѣнить, что содержитъ въ себѣ самую главную движущую силу человѣческаго прогресса, это увеличеніе знаній и развитіе наукъ. Въ этой плоскости мы всегда будемъ идти впередъ въ одномъ съ вами направленіи и мы будемъ поддерживать свое гуманитарное развитіе въ тѣсной связи съ вашимъ". (Громкое одобреніе).

Мистеръ Денсонъ предложилъ вотировать благодарность П. Н. Милокову за его лекцію. Онъ сказалъ при этомъ, что его одно поражало болѣе всего съ тѣхъ поръ, какъ ихъ гости были между нами—это чрезвычайное сходство между англичанами и русскими. (Смѣхъ). Онъ совсѣмъ не былъ подготовленъ къ этому, и лекція, которую они прослушали произвела на него болѣе всего впечатлѣніе именно установленіемъ этого факта. Онъ искренне полагается на то, что въ будущемъ англичане будутъ лучше знать своихъ русскихъ друзей. (Одобреніе). Онъ надѣется, что не пройдетъ много времени до тѣхъ поръ, когда англичане снова увидятся съ ними, пріѣдутъ ли они отдѣльно или сообща, и будутъ имѣть возможность принимать ихъ въ своихъ домахъ, такъ какъ въ концѣ концовъ именно здѣсь они видѣли настоящую англійскую жизнь. (Одобреніе). Чѣмъ болѣе они будутъ знать другъ друга, тѣмъ болѣе будутъ цѣнить другъ друга. Историкъ будущаго будетъ въ состояніи отмѣтить въ этомъ пріѣздѣ членовъ Думы въ Англію новый исходный пунктъ въ развитіи литературы, политическихъ и коммерческихъ отношеній между двумя націями. (Одобреніе). Они будутъ по-

этому считать этотъ визитъ за начало новой эпохи въ ихъ исторіи и лекцію, которую они только что прослушали, соотвѣтствующей во всѣхъ отношеніяхъ важности даннаго случая. (Громкія одобренія).

Профессоръ Бернардъ Персъ сказалъ, что они понимаютъ громадную честь, которая была имъ оказана сегодня. Мистеръ Милоковъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся общественныхъ дѣятелей въ Европѣ. (Одобренія). Есть очень много различій во взглядахъ на политику въ Англійи и Россіи, но не встрѣтитъ противорѣчія утвержденію, что подвигъ совершенный мистеромъ Милоковымъ созданіемъ большой либеральной партіи въ Россіи, изъ элементовъ, которые до того были широко революціонны, будетъ занесенъ въ исторію. Онъ говорилъ здѣсь о предметѣ, въ которомъ онъ главный экспертъ, о предметѣ, который былъ также господствующей идеей и побужденіемъ, которыя привели нашихъ русскихъ друзей въ Англію. Съ ними также предсѣдатель Думы и лидеры главнѣйшихъ партій въ ней, и я специально упомяну о графѣ Бобринскомъ, поборникѣ просвѣщеннаго консерватизма и старомъ другѣ Англійи, который совершилъ столь большое самопожертвованіе¹⁾, какое только человѣкъ можетъ совершить, чтобы быть здѣсь и показать свою дружбу къ этой странѣ. (Одобренія).

Вамъ сказали, чему Россія научилась у Англійи (продолжалъ профессоръ Персъ). Я же не могу рѣшиться подвести итогъ тому, чему Англія можетъ научиться у Россіи. Англія принялась учиться у Россіи, и это почти все, что можно объ этомъ сказать. (Смѣхъ и одобреніе). Англія могла бы научиться у Россіи удивительной вѣрности духу ея великой націи, олицетворяемому Государемъ, Который получаетъ свое значеніе отъ того факта, что Онъ представитель великой націи. Нигдѣ это чувство не сильно такъ, какъ въ Россіи, и какъ человѣкъ, который имѣлъ преимущество присутствовать на столь многихъ засѣданіяхъ трехъ различныхъ Думъ, я былъ пораженъ тѣмъ явленіемъ, что люди различныхъ партій встрѣчаются другъ съ другомъ, какъ друзья и братья (одобренія), что служить доказательствомъ солидарности и брат-

¹⁾ В. А. Бобринскій оставилъ въ Россіи опасно больного брата и вскорѣ по пріѣздѣ въ Англію получилъ извѣстіе о его смерти, но все же остался тамъ.

ства всей Россіи, а это въ свою очередь является одной изъ лучшихъ основъ конституціоннаго правленія. (Одобренія). Затѣмъ, говоря по-русски и обращаясь къ гостямъ, профессоръ Персъ добавилъ: „Товарищи въ дѣлѣ сближенія нашихъ двухъ странъ! Теперь вы знаете, что можете увести съ собою въ Россію нашу глубокую и сердечную симпатію къ вашему трудному, длинному и чрезвычайно кропотливому дѣлу, и не забывайте, что если англійское общество и не понимаетъ вещи сразу, то ему свойственно не уступать пониманія, которое оно однажды приобрѣло. И мы знаемъ, что всѣ будущія сношенія между вами и нами будутъ только расширять и углублять нашу симпатію къ вамъ, потому что ваша культура, ваши влеченія, вашъ народъ такъ глубоко симпатичны, и кто только разъ научится понимать васъ, тотъ не можетъ не полюбить васъ. Въ этомъ заключается божественная сила русскаго народа“. (Громкія одобренія).

Послѣ рѣчи профессора Перса собраніе единогласно вотировало благодарность П. Н. Милюкову за его сообщеніе. Затѣмъ мы отправились на завтракъ въ городскую ратушу, сперва пѣшкомъ, а потомъ по конкѣ въ специально ожидавшемъ насъ вагонѣ электрическаго трамвая, разукрашенномъ англійскими и русскими флажками. Собравшаяся около вагона небольшая толпа встрѣтила и проводила насъ привѣтственными кликами. Въ ратушѣ насъ провели сперва въ кабинетъ Лордъ-мера, гдѣ онъ самъ и совѣтники города встрѣчали насъ. Потомъ мы прошли наверхъ, гдѣ въ особомъ залѣ была сервирована водка и соленая закуска со свѣжей икрой.

Послѣ официальныхъ тостовъ за Короля и за Царя председательствовавшій Лордъ-меръ провозгласилъ тостъ „за нашихъ гостей“; при этомъ онъ сказалъ, гараздо менѣе волнуясь, чѣмъ вчера, что Ливерпуль очень почтенъ тѣмъ, что является первымъ мѣстомъ, посѣщеннымъ русскими послѣ Лондона. „Ливерпуль имѣлъ долгія и тѣсныя торговыя сношенія съ Россіей, а также и личное общеніе, которое было и которое есть основа личной дружбы. Ливерпуль занимаетъ первое мѣсто по учрежденію курсовъ изученія Россіи. Въ своемъ отношеніи къ русской entente, а также въ своемъ желаніи достигнуть познанія Россіи мы въ Ливерпулѣ имѣемъ право гордиться тѣмъ, что вамъ показалъ уже Лондонъ; что въ этомъ отношеніи у насъ всѣ партіи единомышленны. (Слу-

шайте, слушайте). Ливерпуль опять таки имѣетъ честь претендовать на принадлежность къ его гражданамъ профессора Бернарда Перса. Этотъ городъ имѣетъ также свою собственную большую и мощную общественную жизнь. Лондонъ больше по размѣрамъ, онъ даже слишкомъ великъ, чтобы его можно было разсматривать какъ отдѣльную общину, какъ единое цѣлое. Только благодаря развитію способностей, зарождающихся и крѣпнущихъ сперва въ семьѣ, а потомъ въ городской общинѣ, можно надѣяться достигнуть въ концѣ концовъ того всеобщаго чувства товарищества, какое только доступно человѣческому предвидѣнію. Всѣ желаютъ чтобы существовали общія хорошія отношенія и чувства товарищества между всѣми націями. Начнемте съ нашихъ друзей, среди которыхъ находятся Русскіе. (Одобренія). Я желалъ бы, чтобы Англичане такъ же хорошо знали русскій языкъ, какъ Русскіе знаютъ нашъ. (Слушайте, слушайте.) Я надѣюсь однако, судя по тому, какъ постепенно дѣло идетъ впередъ, научиться кое чему въ этомъ направленіи. Во всякомъ случаѣ мы уже теперь можемъ симпатизировать русской музыкѣ, которая является всемірнымъ языкомъ. При личныхъ сношеніяхъ мы тотчасъ признали то сходство нашихъ темпераментовъ, которое въ концѣ концовъ приводитъ къ дружбѣ. Личные интересы значатъ много, но личныя симпатіи значатъ больше. Личныя симпатіи переживутъ раздѣленіе интересовъ. (Слушайте, слушайте). Интересы Россіи и Англіи тождественны, какъ бы ни слагалась ихъ жизнь, и то, что подниметъ благосостояніе одной, подниметъ благосостояніе и другой. Недавнее конституціонное развитіе Россіи было источникомъ большого удовольствія для Англичанъ. (Слушайте, слушайте.) Отъ присутствующихъ гостей нашихъ зависитъ судьба этой конституціи, и всѣ въ Англіи, кто хочетъ видѣть Россію преуспѣвающей, сильной и счастливой, желаютъ имъ также всѣхъ нашихъ успѣховъ въ предстоящемъ имъ дѣлѣ. (Одобренія).

Графъ Владиміръ Алексѣевичъ Бобринскій, отвѣчая на этотъ тостъ, явился выразителемъ того, насколько гости всѣмъ сердцемъ цѣнятъ сочувствіе, питаемое въ Англіи къ новому представительному правленію въ Россіи. „Россія десятиаго, одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтія обладала всѣми правовыми и матеріальными условіями, чтобы выработать хорошую и благородную конституцію, откуда слѣдуетъ, что

Россія въ Средніе Вѣка были одна изъ первыхъ и болѣе просвѣщенныхъ и болѣе прогрессивныхъ странъ въ свѣтѣ. Но ужасное несчастье случилось съ нами. Теперь, однако, мы вновь вернулись въ Европейскій концертъ и хотимъ идти рука въ руку съ Англіей, которая выработала наилучшіе конституціонные принципы. Русскія учрежденія теперь прочны и никогда не будутъ потеряны. Въ Англіи мы воочию убѣдились, что домъ cadaго челоѣка есть его замокъ и мы очень цѣнимъ, что были такъ сердечно, какъ это дѣйствительно и было въ Ливерпулѣ, приняты въ этихъ замкахъ. (Одобренія). Часы, которые мы провели у Англійскихъ очаговъ, будутъ имѣть для насъ большее значеніе, чѣмъ дни, проведенные въ общественныхъ учрежденіяхъ, потому что здѣсь мы видѣли самую суть англійской жизни, ту основу, изъ которой вы получаете силу и цвѣтъ англійской жизни въ вашей конституціи“. Графъ Бобринскій закончилъ тостомъ за здоровье Лорда-мера, а также женъ и дѣтей нашихъ хозяевъ. (Одобренія).

Александръ Ивановичъ Гучковъ предложилъ тостъ за здоровье профессора Бернарда Перса и сказалъ, что каждая отвлеченная идея и каждый принципъ ищетъ различную форму для своего выраженія въ жизни. Иногда такая идея принимаетъ челоѣческую форму, и онъ думаетъ, что идея, которую всѣ такъ сердечно привѣтствовали, идея сближенія двухъ великихъ націй, нашла себѣ очень счастливую форму въ образѣ одного джентельмена, живущаго въ Ливерпулѣ—профессора Перса. (Одобренія). Въ профессорѣ Персѣ мы находимъ много тѣхъ чертъ характера, которыя составляютъ англійскій геній. Въ тоже время Русскіе нашли въ немъ очень много, что дорого имъ и что напоминаетъ имъ ихъ собственную дорогую страну. (Одобренія).

Профессоръ Персъ сказалъ въ отвѣтъ, что для него было большимъ счастьемъ провести жизнь въ двухъ изъ наиболѣе очаровательныхъ странъ міра: въ Ливерпулѣ и въ Россіи. Три дня тому назадъ онъ имѣлъ честь сопровождать гостей, когда они представлялись его величеству Королю, какъ друзья этой страны. Самъ Король очень интересовался этимъ посѣщеніемъ и сдѣлалъ одно или два указанія по отношенію къ подробностямъ программы приѣма. Это посѣщеніе въ значительной мѣрѣ обязано своимъ успѣхомъ тому,

что русскіе достойны любви. Однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ способовъ установленія живой связи между Россіей и Англіей является обмѣнъ студентами. Мы должны имѣть русскихъ студентовъ въ Англійскихъ университетахъ и посылать англичанъ учиться въ Россію. Я надѣюсь, что однимъ изъ главныхъ результатовъ этого приѣзда, будетъ то, что мы въ Англіи получимъ возможность судить о русскихъ коммерческихъ обычаяхъ не съ чужого голоса, а будемъ имѣть своихъ собственныхъ экономическихъ экспертовъ, говорящихъ намъ о Россіи. Если въ Англіи есть достаточно стремленія и интереса къ созданію сильной дружбы съ Россіей, то дружба эта должна быть основана на реальныхъ узахъ.

Александръ Ивановичъ Звегинцевъ, предложивъ тостъ за здоровье Лорда-мера, сказалъ, что еще не пришло время подводить итогъ впечатлѣніямъ отъ поѣздки въ Англію, но говоря въ Ливерпулѣ, онъ не можетъ не подчеркнуть одинъ поразительный результатъ, который уже теперь легко замѣтить, а именно несомнѣнное образованіе тѣхъ задатковъ болѣе тѣсной и прочной симпатіи, которые зарождаются въ личномъ общеніи. Сердечность, выраженная ими со всѣхъ сторонъ убѣждаетъ его, что это чувство взаимно. Онъ увѣренъ, что только личныя общенія и сношенія сплавиваютъ другъ съ другомъ народы міра. Эти отношенія становятся возможными только послѣ того, какъ взаимная неосвѣдомленность, этотъ горькій источникъ ложныхъ представленій и ложныхъ толкованій, перестанетъ существовать. Стремленіе основать на освѣдомленности горячую симпатію къ традиціямъ и темпераменту Русскаго народа, слѣдствіемъ чего является настоящая поѣздка, имѣетъ свое начало и источникъ въ Ливерпулѣ, гдѣ въ соотвѣтственной атмосферѣ, среди этой группы людей, сочувственно настроенныхъ, энергично желающихъ можно начать и развить наше дѣло. Что это дѣло обновленія чувства очень существенно и очень трудно, всѣ видятъ на тѣхъ задержавшихся остаткахъ ложныхъ толкованій, которыя всплываютъ наружу отъ времени до времени. Въ дѣлѣ прогресса мы никакимъ образомъ не хотимъ порвать съ традиціями своего народа, которыми мы дорожимъ и которыя мы уважаемъ такъ же сильно, какъ и всякая нація. Въ развитіи новыхъ учреждений мы не хотимъ создать рабскую

копію, но возвести зданіе свободы и права, приноровленное къ нашему характеру. Мы хотимъ, чтобы это преобразование шло параллельно съ нашей текущей работой. Хотя зданіе еще строится, дѣла должны идти своимъ чередомъ и быть доводимы до конца, это тонко поймутъ Ливерпульцы, которые много лѣтъ тому назадъ создали цвѣтущую торговлю и все поддерживали ее до настоящаго дня. (Одобреніе). Въ отвѣтъ на это Лордъ-мэръ еще разъ сказалъ, что привѣтствовать Русскихъ делегатовъ въ Ливерпуль было для него удовольствіемъ.

По окончаніи завтрака мы скорымъ шагомъ, чтобы не терять времени, котораго у насъ оставалось немного до отхода поѣзда, поспѣшили въ фондовую биржу, хлопковую биржу и доки. Въ первой насъ встрѣтили долги́ми и громкими кликами и пѣніемъ *God save the King*, прервали биржевое собраніе, и предсѣдатель, мистеръ Эдвардъ Рэ, сказалъ: „что нѣтъ ему нужды увѣрять насъ въ (высокой) оцѣнкѣ присутствующими той чести, которую Русскіе посѣтителі дѣлають имъ, приходя сюда, еще менѣе необходимости увѣрять насъ въ симпатіи и удивленіи членовъ денежной биржи къ нашей исторической конституціонной борьбѣ. (Одобреніе). При самоотверженной поддержкѣ своего Императора эти господа и ихъ товарищи открыли передъ всѣмъ свѣтомъ новую эру свободы и тѣмъ самымъ открыли одновременно новую эру дружбы и симпатіи съ Англійскимъ народомъ. Въ прошлые годы я часто имѣлъ удовольствіе путешествовать по Россіи, бывая не только въ великихъ столицахъ ея, въ центрѣ, но и между самими крестьянами, въ странѣ Бѣлаго моря, и я никогда и нигдѣ не знавалъ болѣе терпѣливаго, болѣе трудолюбиваго и болѣе богобоязненнаго народа. Племені съ такими характерными чертами предстоитъ великое будущее и въ созиданіи этого будущаго наши гости будутъ имѣть руководящую роль. (Одобреніе)“.

Германъ Германовичъ Лерхе выразилъ признательность за добрыя чувства предсѣдателя и сердечное привѣтствіе членовъ. Онъ сказалъ, что мы видѣли такъ много дружбы и благорасположенія вездѣ, куда-бы ни приходили въ Англію, что онъ воистину не можетъ найти достаточныхъ выраженій, чтобы сказать имъ, какъ сильно мы тронуты и какъ мы благодарны. Онъ хотѣлъ-бы сказать нѣ-

сколько словъ о томъ, какъ мы смотримъ на уясняющую и воспитывающую сторону торговли. Англійскіе торговцы были съ незапамятныхъ временъ піонерами цивилизаціи, куда-бы они ни появлялись. Они искали новыхъ рынковъ, но во всѣхъ странахъ, которыя они посѣщали, ихъ работа была на пользу культуры. Такъ даже въ Россіи англійскіе торговцы въ семнадцатомъ столѣтіи на время организовали первую почтовую службу, какая была въ Россіи. Ливерпуль извѣстенъ въ Россіи, онъ могъ-бы сказать, лучше, чѣмъ всякій другой городъ Англіи; этому есть двѣ причины: первая, что русская хлопчатобумажная промышленность создана изъ Англіи, и вторая, что не менѣе седьмой части всѣхъ посѣщающихъ Россію кораблей, принадлежитъ Ливерпулю. Заканчивая, онъ сказалъ: „Позвольте мнѣ кончить свою рѣчь выраженіемъ пожеланія. Согласно вашей англійской, я скорѣе долженъ-бы сказать нашей международной пословицѣ: въ деньгахъ мы имѣемъ нервъ войны. Такъ вотъ я хочу измѣнить эту пословицу на другую, болѣе соотвѣтствующую нашимъ чувствамъ, а именно: деньги представляютъ нервъ (силу) мирнаго развитія. (Одобреніе)“.

Послѣ этого мы оставили фондовую биржу, провожаемые пожеланіями, кликами и пѣніемъ старинной англійской народной пѣсни „Они хорошіе люди“, и поспѣшили осмотрѣть еще одну достопримѣчательность Ливерпуля, хлопковую биржу. Здѣсь мы были сердечно встрѣчены предсѣдателемъ хлопковаго общества, мистеромъ Дукинфельдомъ и секретаремъ общества, мистеромъ Синклеромъ Брауномъ и нѣкоторыми членами биржи, ожидавшими насъ при входѣ. Мы осмотрѣли часть зданія и остановились на хорахъ, откуда могли наблюдать интересныя сцены шумныхъ сдѣлокъ. Особенной интенсивности достигли шумъ, толкотня и крики, уподобившись адскому гвалту, когда были получены телеграммы о первыхъ сдѣлкахъ Нью-Йоркской хлопковой биржи. Тутъ-же въ залѣ или крытомъ внутреннемъ дворѣ работаютъ телефонные и телеграфные аппараты, разносящіе по всему міру свѣдѣнія о сдѣлкахъ и приказы Ливерпульскихъ хлопковыхъ королей. Послѣдній нашъ визитъ въ Ливерпуль былъ въ портъ и доки, гдѣ мы успѣли осмотрѣть только морского колосса послѣдняго типа: трансатлантическій пассажирскій пароходъ линіи Кунарда, „Мавританію“, поднимающій 2.200 пассажировъ и 900 человѣкъ служащихъ, команды и прислуги. „Мавританія“

при полной нагрузкѣ имѣетъ водоизмѣщеніе въ 32.000 тоннъ и обладаетъ машинами въ 70.000 лошадиныхъ силъ; она въ три раза длиннѣе Римскаго коллизея. Переѣздъ на ней въ Америку, совершаемый въ $4\frac{1}{2}$ дня, стоитъ въ первомъ классѣ отъ 250 до 4500 рублей, смотря по занимаемому помѣщенію. Подходя къ порту, мы встрѣтили первыхъ и единственныхъ видѣнныхъ нами въ Англіи босоногихъ дѣтей, просящихъ милостыню. По докамъ мы проѣхали по надземной (на столбахъ) электрической желѣзной дорогѣ, подѣ руководствомъ одного изъ директоровъ компаніи Кунарда, мистера А. А. Бусъ до пристани этой компаніи, гдѣ приготовлялась къ плаванію вышеупомянутая Мавританія. Та-же электрическая желѣзная дорога привезла насъ назадъ, къ мѣсту, откуда намъ было уже недалеко пройти до вокзала.

Сказавъ послѣднее сердечное прощаніе нѣсколькимъ провожавшимъ насъ Ливерпульцамъ, а также нашимъ консуламъ въ Гулль и Ливерпуль и хорошенькой супругѣ послѣдняго, недавно только пріѣхавшей изъ Россіи, не освоившейся еще въ Ливерпульской обстановкѣ и говорившей, что среди насъ она чувствуетъ себя какъ-бы снова въ Россіи, мы сѣли въ специально приготовленный для насъ вагонъ-ресторанъ, въ которомъ и были опять бесплатно, но уже въ послѣдній разъ, доведены до Эдинбурга. Дорога изъ Ливерпуля въ Эдинбургъ идетъ по довольно холмистой мѣстности, мѣстами прекрасно воздѣланной, а мѣстами запущенной подѣ верескъ или дико растущую траву. Послѣднія пространства, тянувшіяся мѣстами на многія версты—нарочно заброшены для охоты. Въ Эдинбургъ мы пріѣхали около 10 часовъ вечера съ опозданіемъ въ 20 минутъ. На вокзалѣ насъ встрѣтили представители Эдинбургскихъ Корпораций (городской общины), гостями которыхъ мы считались въ Эдинбургѣ. Эти представители города были: Балъи Лонгъ, совѣтники Кюллинъ и Бьюкенъ, съ нами были еще г. Слатеръ, русскій вице-консулъ въ Лейстѣ и докторъ Шлеппъ—отъ Эдинбургскаго университета. Они провели насъ въ прекрасную гостиницу (Caledonia Hôtel) Каледонія, находящуюся въ одномъ зданіи съ вокзаломъ, въ центрѣ города, гдѣ намъ были приготовлены номера. Кажется корпорации Эдинбурга были намѣрены заплатить за насъ въ гостинницѣ, но мы передъ отѣздомъ, во избѣжаніе этого, поспѣшили потребовать счета и расплатились сами.



Челюковъ, Стаховичъ, Суворинъ, Терхе, Монтиаль, Савицкий, Милоковъ, М. А. Хомикова, Гр. Потоцкій.
На палубѣ Мавританіи.

Въ среду 30-го Юня къ 10 часамъ утра самъ Лордъ Провость (городской голова) Эдинбурга, Гибсонъ (Джибсонъ), зашелъ за нами и наблюдалъ за нашимъ размѣщеніемъ въ 9 автомобиляхъ, предоставленныхъ Шотландской ассоціаціей торговцевъ моторами. Насъ сопровождали совѣтники Кюлинъ, Бьюкенъ, Раусонъ и Лонгъ, мистеръ Робертсонъ изъ департамента работъ и докторъ Отто Шлеппъ изъ университета, а также французикъ студентъ Эдинбургскаго университета, М-г Легро въ качествѣ переводчика для говорящихъ только по французски. Управляли автомобилями члены Эдинбургскаго автомобильнаго клуба, мистеръ Слей, председатель ассоціаціи автомобильныхъ торговцевъ, м-ръ Файерли, секретарь ассоціаціи, г.г. Патерсонъ, Рой Чалмерсъ, Максуель, Вилліамъ Флинтъ, Лауренсъ, Белль и Бэкстеръ. Весь день тихая ясная погода благопріятствовала осмотру города и прогулкѣ, увеличивая оригинальную красоту его зданій изъ мѣстнаго чернаго камня, которыя въ сѣрый, холодный день могутъ пожалуй производить нѣсколько мрачное впечатлѣніе суровости. При этомъ-же солнечномъ освѣщеніи Эдинбургъ вполнѣ оправдалъ свою репутацію одного изъ красивѣйшихъ городовъ въ мірѣ. Я ѣхалъ со Свѣнцицкимъ, Максудовымъ и совѣтникомъ Лонгомъ, полушотландцемъ, полуфранцузомъ (натурализованнымъ въ Шотландіи французомъ), католикомъ, рассказывавшимъ намъ, между прочимъ, что при полномъ равенствѣ передъ закономъ, въ Англіи сильны еще предубѣжденія и исключительность по обычаю, такъ отъ Англіи или Шотландіи католикъ не избирается членомъ парламента, онъ можетъ быть избранъ только въ Ирландіи.

По улицамъ Лосіана и Лауристана мы проѣхали прежде всего въ Университетъ осмотръть заль М'Иван'а, богатаго Эдинбуржца, подарившаго своему университету для торжественныхъ собраній этотъ прекрасный круглый заль, вмѣщающій до 2800 слушателей и стоящій около милліона рублей. На лѣстницѣ насъ встрѣтилъ принципаль (ректоръ) университета, Серъ Вилліамъ Тернеръ, профессоръ Патрикъ, деканъ богословскаго факультета и Серъ Людовикъ Гранъ, деканъ юридическаго факультета. При нашемъ входѣ органъ игралъ Русскій національный гимнъ.

Въ отличіе отъ должностныхъ лицъ Англійскихъ Университетовъ, Шотландцы были не въ академическихъ костю-

махъ, а просто въ черныхъ сюртукахъ; они рассказали намъ исторію этого зала и провели насъ на хоры, откуда замѣтнѣе его величина и прекрасное устройство его освѣщенія, при которомъ въ залѣ масса свѣта, но не видно огня лампъ. Передъ нашимъ уходомъ ректоръ представилъ графу Бобринскому председателя и секретаря студенческой корпораціи, которые пригласили его, какъ бывшаго своего товарища, посѣтить вечеромъ ихъ собраніе.

Изъ Университета мы заѣхали въ соборъ святого Джилля теперь главную церковь пресвитеріанъ, поражающую своей простотой, такъ какъ изъ нея удалены не только иконы и статуи, но даже кресты и украшенія, могущія нарушить суровое благочестіе первыхъ пресвитеріанъ. Слѣдующимъ мѣстомъ, которое мы посѣтили, былъ старинный Шотландскій парламентъ, гдѣ нынѣ помѣщаются судебныя установленія Шотландіи. Насъ встрѣтилъ Шерифъ Фергюссонъ и провелъ осмотрѣть библіотеку, занимающую длинный рядъ залъ и имѣющую много старинныхъ рукописей, въ томъ числѣ подлинныя черновики романовъ Вальтеръ Скотта. Здѣсь работала масса адвокатовъ въ черныхъ мантияхъ и сѣрыхъ парикахъ; въ этихъ-же костюмахъ ихъ было много и въ длинномъ залѣ передъ помѣщеніемъ суда, черезъ который мы проходили. Послѣ осмотра библіотеки нѣсколькихъ изъ насъ пригласили въ кабинетъ председателя суда; вошли Н. А. Хомяковъ, М. А. Стаховичъ, гр. В. А. Бобринскій и я. Немного погодя председатель вышелъ къ намъ изъ засѣданія суда и, извинившись, что не можетъ провести въ засѣданіе всѣхъ насъ, пригласилъ въ залъ, къ судейскому столу, Хомякова и Бобринскаго; Стаховича-же и меня провели черезъ боковую дверцу, за какую-то загородку. Мы видѣли, что наши товарищи, а особенно профессоръ Персъ, которые сидѣли уже въ залѣ суда въ мѣстахъ для публики, очень удивились нашему появленію на этомъ мѣстѣ; потомъ профессоръ Персъ говорилъ намъ, будто насъ посадили на мѣсто обвиняемыхъ. Разборъ дѣла продолжался; председатель и два другіе судьи то разговаривали съ Н. А. Хомяковымъ и гр. Бобринскимъ, то дѣлали вопросы или замѣчанія на рѣчи адвокатовъ сторонъ. Послѣдніе безпрестанно ссылались на прецеденты (при нашемъ входѣ на прецедентъ XIII или XIV вѣка), восходя при этомъ до все болѣе и болѣе позднихъ и близкихъ къ намъ

прецедентовъ, такъ что дошли подъ конецъ даже до XIX столѣтія.

Затѣмъ, по мосту Георга IV-го мы проѣхали въ древній замокъ—крѣпость на скалѣ, изъ которой образовался впослѣдствіи городъ Эдинбургъ. Здѣсь насъ взялъ подъ свое руководство одинъ изъ служащихъ при замкѣ постоянныхъ проводниковъ, типичнѣйшій толстякъ-проводникъ и повелѣ осматривать всѣ достопримѣчательности „своего“ замка. Наиболѣе интересны здѣсь тюрьма, гдѣ герцогъ Аргайль сидѣлъ три мѣсяца, маленькая часовня, построенная въ 1092 году, а также королевскія регаліи Шотландскаго королевства. Съ террасы замка, расположенной надъ обрывомъ скалы и украшенной старинными пушками (да и въ замкѣ еще помѣщаются Шотландскія войска) мы любовались дѣйствительно прелестнымъ видомъ на расположенный на холмахъ Эдинбургъ и его окрестности. Далѣе, по улицамъ Гай Стритъ и Канонгэтъ насъ повезли на край города во дворецъ Голирудъ, старинный дворецъ Шотландскихъ королей, гдѣ они и жили до Маріи Стюартъ включительно. Здѣсь насъ встрѣтилъ мистеръ Рарсонъ—хранитель дворца и повелѣ осматривать его, обративъ особое наше вниманіе на комнаты, гдѣ мужъ Маріи Стюартъ, Дарней убилъ ея любовника Риціо. Къ дворцу примыкаютъ очень живописныя развалины церкви Голирудскаго аббатства.

Отсюда мы поѣхали на завтракъ въ городскую ратушу по новой части города поразительной красоты, постройки которой по большей части выдержаны въ стилѣ старой части и въ общемъ вполне съ нею гармонируютъ; одни изъ красивѣйшихъ здѣсь зданій—это госпиталь для бѣдныхъ, рабочій домъ, тюрьма и т. д.

Когда мы приѣхали въ разукрашенную цвѣтами ратушу на завтракъ, даваемый намъ городскими гильдіями (корпораціями), то насъ встрѣтили Лордъ-Провостъ и городскіе совѣтники въ черныхъ сюртукахъ. Пока гости собирались, мы все ждали въ одной изъ пріемныхъ комнатъ ратуши. Въ это время Монтвилла вызвали къ его хорошей знакомой. Оказалось, что это одна еврейка изъ Вильно, учащаяся въ Эдинбургѣ, которую Монтвиллъ едва знаетъ. Тѣмъ не менѣе любезные хозяева сами пригласили ее къ завтраку, а потомъ и къ участію въ нашей поѣздкѣ за городъ. Этотъ завтракъ

былъ единственный официальный завтракъ, на которомъ присутствовали и наши дамы—Марія Алексѣевна Хомякова и Екатерина Михайловна Звегинцева.

Когда всѣ собрались, какой-то чиновникъ городского управления сталъ вызывать всѣхъ по очереди, и вызванные, начиная съ Лорда-Провоста и Н. А. Хомякова, также по очереди отправлялись въ банкетный залъ, гдѣ столъ былъ накрытъ покоемъ, а въ сосѣдней комнатѣ кто-то во время завтрака игралъ на роялѣ. Эдинбургскія газеты отмѣчаютъ среди участниковъ обѣда: Мистрисъ Гибсонъ (Джибсонъ) жену Лорда-Провоста Эдинбурга, Провоста города Лейта Стита, Балъи Инчесь, Совѣтника Вильсона, Балъи Кармайкаль, Совѣтника Муррей, Профессора Шлеппа, Принципала Сера Вилліама Тернеръ, Совѣтника Куллинъ, Балъи Стивенсонъ, Совѣтника Доби, Мистера Ниттоль, г-на Слатера—русского вице-консула, Мистера Макдугалъ. Помощниками председателя на обѣдѣ были Балъи Смитъ-Элліотъ, Балъи Гиббсъ и Балъи Лэнгъ. Присутствовали еще многіе члены городского Совѣта.

Провозглашая въ концѣ завтрака обычный тостъ за Короля, Лордъ-Провостъ счелъ нужнымъ добавить нѣсколько словъ о томъ, что Его Величество въ родствѣ съ русскимъ царствующимъ домомъ, и въ особенности, что король Эдуардъ извѣстенъ, какъ „Миротворецъ“; это причины, по которымъ тостъ вызываетъ, конечно, сочувствіе нашихъ друзей. Въ сосѣдней комнатѣ заиграли англійскій гимнъ и присутствующіе стоя прокричали: Кингъ! Гуррэ! и пропѣли гимнъ, Годъ сэвъ зе Кингъ (God save the King), причемъ возгласами руководилъ стоявшій сзади Лорда-Провоста чиновникъ, вызывавшій насъ къ обѣду. Немедленно затѣмъ Лордъ-Провостъ предложилъ встрѣченный кликами одобренія тостъ „За Его Императорское Величество—Царя“, онъ сказалъ при этомъ: „Въ 1896 г. мы имѣли честь привѣтствовать Царя и Царицу у своихъ береговъ, въ сосѣднемъ морскомъ портѣ Лейтѣ, и по этому случаю ихъ Императорскія Величества получили очень сердечное привѣтствіе. Слова адреса Эдинбургскихъ гильдій (Эдинбургской общины) ихъ Величествамъ по этому случаю выражали чувства, которыя, какъ мы это сознаемъ, являются теперь еще болѣе соотвѣтствующими, нежели были тогда: мы привѣтствуемъ посѣщеніе

Вашихъ Величествъ (говорили мы), какъ предзнаменованіе, что дружественныя отношенія, которыя существуютъ между Государями и народами двухъ великихъ имперій Русской и Британской будутъ не только продолжаться, но будутъ углубляться и распространяться. (Одобренія). Мы (самымъ) серьезнѣйшимъ образомъ надѣемся, что эти два народа, связанные другъ съ другомъ взаимной симпатіей, будутъ не только пользоваться моральнымъ и матеріальнымъ благополучіемъ внутри своихъ собственныхъ границъ, но что ихъ соединенное вліяніе въ пользу мира окажется могущественнымъ для содѣйствія дѣлу человѣчности и цивилизаціи во всемъ мірѣ. Эти чувства, какъ я уже сказалъ, болѣе истинны теперь, чѣмъ были двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Я сожалѣю, что со стороны маленькой группы англійскаго общества могъ возникнуть вопросъ по отношенію къ приему Его Императорскаго Величества Царя, при его предполагаемомъ посѣщеніи Великобританіи. Это чувство существуетъ всецѣло по недоразумѣнію. Я надѣюсь, что по дальнѣйшемъ размышленіи, всякое противодѣйствіе пріѣзду Императора прекратится и что пріѣздъ этотъ будетъ принятъ съ единодушнымъ одобреніемъ всей совокупностью жителей Великобританіи. (Одобренія). Мы поздравляемъ Его Императорское Величество по случаю дарованія Имъ Конституціи Своему народу, которую нужно постепенно развивать и совершенствовать на пользу Русской націи“. (Одобренія).

Рояль заигралъ русскій гимнъ и мы сперва неуверенно и неумѣло, потомъ подъ руководствомъ Павла Николаевича Милюкова, единственнаго, кажется, музыканта среди насъ, смѣлѣе и громче запѣли „Боже Царя Храни“; Шотландцы дружно намъ подпѣвали.

Затѣмъ Лордъ-Провостъ сказалъ, что является его привилегіей, по милости города и гильдій Эдинбурга, привѣтствовать въ столицѣ Шотландіи представителей Русскихъ законодательныхъ палатъ, посѣтившихъ въ настоящее время эту страну. Изъ 440 членовъ Думы 380*) здѣсь сегодня представлены. (Одобренія). Многіе изъ присутствующихъ лидеры своихъ партій, которыя имѣютъ въ виду только од-

*) Это ошибка или опечатка: мы представляли группы, числящія вмѣстѣ около 330 членовъ.

ну цѣль—стремиться по пути прогресса къ удовлетворенію главнѣйшихъ интересовъ русскаго народа. Государственный Совѣтъ или Верхняя Палата представленъ тремя членами, остальные джентельмены—члены Думы, включая уважаемаго предсѣдателя этой Палаты (одобренія), благодаря знаніямъ и терпѣнію котораго третья Дума сдѣлала большіе успѣхи и пробыла уже теперь при исполненіи своихъ обязанностей почти два года. Наши гости—государственные люди—представители дворянства, свободныхъ профессій, Университетовъ, мѣстнаго и городского самоуправления и земледѣлія. Всѣ они выдающіеся люди по своему патриотизму и самопожертвованію для блага своей страны. Сношенія наши съ этой страной въ области торговли были продолжительны и задушевы. Теперь они направлены преимущественно къ установленію дружественныхъ отношеній между націями и къ поддержкѣ постоянного мира. (Одобренія). Я вѣрю, что результатомъ посѣщенія этой страны Русскими народными представителями явится то, что въ немалой степени усилятся узы дружбы между двумя великими націями. (Одобренія).

Горячо подержавъ дружными кликами тостъ за здоровье гостей, Шотландцы пропѣли пѣснь „Will ye no come back again“—„Не вернетесь-ли вы еще разъ назадъ“, гдѣ каждый куплетъ заканчивается словами: „Come back again! Come back again!“—„Вернись назадъ, вернись назадъ“!

Графъ Владиміръ Алексѣевичъ Бобринскій началъ свою отвѣтную рѣчь словами, что онъ одинъ изъ тѣхъ, которые „вернулись назадъ“ (смѣхъ), и когда его соотечественники просили его говорить отъ ихъ имени сегодня, онъ сказалъ имъ, что это не будетъ соответствовать истинѣ, потому что онъ будетъ слишкомъ пристрастенъ, пробывши въ качествѣ студента два изъ лучшихъ годовъ своей жизни въ Единбургскомъ университетѣ. (Одобренія). Но его соотечественники отвѣтили ему, что въ теченіи десяти дней, которые они провели въ Великобританіи, ихъ сердца были совершенно покорены и что теперь онъ не можетъ быть болѣе пристрастнымъ къ этой странѣ, чѣмъ они сами. (Одобренія). Наши международныя отношенія теперь, къ счастью, очень хороши. Они не сдѣлаются хуже, въ этомъ я убѣжденъ и я вѣрю, что они станутъ лучше, хотя они едва-ли могутъ стать лучше того, каковы они теперь. Было время, которое сов-

падало съ моимъ пребываніемъ здѣсь, когда наши международныя отношенія были къ несчастью скорѣе натянутыми. Это было изъ за Афганистана, изъ за Гинду-Куша, что мы были на краю войны; но я могъ-бы присягнуть за то, что, если-бы я не читалъ газетъ, то я не замѣтилъ-бы никакой натянутости между Англіей и Россіей. (Смѣхъ). Я не могу быть здѣсь и не упомянуть о счастливыхъ дняхъ, которые я провелъ среди васъ, о тѣхъ дняхъ, когда я впервые увидѣлъ на практикѣ, что даютъ націи либеральныя, свободныя, мудрыя учрежденія. Я вспоминаю, что былъ увлеченъ вихремъ вашей политической жизни. Я не знаю, существуетъ-ли еще перекличка на университетскихъ лекціяхъ; но моимъ профессорамъ очень часто приходилось отмѣчать меня отсутствующимъ, потому что я уходилъ въ сессію окружнаго суда или въ судъ верховнаго судьи, чтобы слушать тамъ судебное краснорѣчіе адвокатовъ. (Смѣхъ и одобреніе).

И я не только слышалъ ихъ тонкія рѣчи въ сессіи суда, но я слышалъ также и этого великолѣпнаго человѣка, который принадлежитъ не только Британской націи, но всему человѣчеству, такъ какъ онъ почитаемъ не менѣе въ Россіи, чѣмъ въ этой странѣ—я имѣю въ виду мистера Гладстона. (Одобренія). Въ тѣ дни никто изъ моихъ соотечественниковъ не надѣялся, что мы въ Россіи будемъ имѣть великую радость увидѣть зарю свободы и конституціонное и представительное правленіе. Мы только надѣялись, что наши дѣти смогутъ увидѣть ее, но мы работали въ этомъ на правленіи, работали въ очень ограниченной сферѣ мѣстнаго самоуправления, въ нашихъ земствахъ и городскихъ думахъ. Мало по малу мы пытались дѣлать, что могли; но послѣ многихъ несчастій за эти послѣдніе годы страна пришла въ такое состояніе, что Императоръ увидѣлъ достаточно ясно, что пришло время, когда страна должна быть управляема представительными учрежденіями. (Одобренія), и свободныя учрежденія были дарованы. Безъ сомнѣнія, въ первые мѣсяцы или годы мы не работали, какъ вы работаете при учрежденіяхъ, которыя существовали уже столѣтія. Но мы знаемъ, что не слѣдуетъ спѣшить. Это намъ говорятъ здѣсь каждый день. Но я увѣренъ, что разъ у Россіи есть національныя учрежденія, которыя могутъ выражать ея волю и до нѣкоторой степени направлять курсъ Русской политики, наши

отношенія съ этой страной будутъ всегда хороши. (Одобренія). Мы рѣшили, ѣдучи сюда, что мы не будемъ говорить о политикѣ, но безъ сомнѣнія не будетъ политикой съ моей стороны, если я скажу, что у насъ есть общее дѣло, которое мы должны дѣлать въ Европѣ. У васъ въ Англіи есть великолѣпное выраженіе—„охранять миръ Короля“. Россія и Англія вмѣстѣ будутъ охранять миръ Европы. (Громкія одобренія). Я поднимаю свой бокалъ за процвѣтаніе современныхъ Аѳинъ (Эдинбурга)“.

Александръ Ивановичъ Звегинцевъ также отвѣчалъ на тостъ Лорда-Провоста. Сперва онъ говорилъ по русски, довольно долго, по мнѣнію англійскихъ газетъ, объ энергіи Шотландцевъ, доставившей имъ руководство Англійской политикой (Гладстонъ, Кембель-Баннерманъ, Асквитъ). Кончая рѣчь по англійски, онъ сказалъ, что суть его замѣчаній въ точности слѣдующая: здѣсь, въ Шотландіи, мы встрѣчаемъ квинтэссенцію Британской энергіи, и за эту Шотландскую энергію онъ поднимаетъ свой бокалъ.

На этотъ-же тостъ отвѣчалъ и графъ Потоцкій, онъ началъ съ заявленія, что онъ полякъ и понимаетъ любезное привѣтствіе, которое имъ оказывается, не какъ относящееся къ нему и его товарищамъ—землякамъ, здѣсь присутствующимъ, но къ націи, которая послала ихъ сюда. Принадлежа къ великой семьѣ славянскихъ народовъ, они составляютъ Крайній Западъ Россійской Имперіи! Королевство Польское ближе всего къ Западной Европѣ. Пословица, имѣющая свое происхожденіе вѣроятно въ наше время матеріализма и оппортунизма, говоритъ: „Счастливъ народъ, который не имѣетъ исторіи“. Мы не находимся въ этомъ положеніи. Наше историческое прошлое, часто несчастливое, но всегда рыцарское, препятствуетъ этому. Теперь, за послѣдніе сто лѣтъ, вы видѣли насъ раздѣленными между тремя великими континентальными державами Европы. Если я говорю объ этомъ, то не для того, чтобы жаловаться, но чтобы напомнить жителямъ Великобританіи о нашемъ существованіи. Какъ граждане Россійской Имперіи, мы, въ силу новыхъ законовъ, милостиво дарованныхъ Его Величествомъ Царемъ, имѣемъ высокую честь принимать участіе въ законодательной работѣ, которая стремится провести въ Россіи реформы, предназначенныя развить силу и міровое могущество Россіи; и

мы понимаемъ, что свобода и равенство передъ закономъ, должны быть основаніемъ этихъ реформъ, и что всѣ народы, которые обитаютъ въ нашей обширной имперіи, находятъ теперь возможность развивать свою собственную жизнь въ культурѣ и торговлѣ. Когда лидеры партій въ обѣихъ Палатахъ въ Россіи получили любезное приглашеніе, которому мы обязаны большою честью пріѣзда сюда, почтенное чувство справедливости обезпечило и за нами также участіе въ этой поѣздкѣ, и мы приняли приглашеніе безъ колебанія. Наша готовность легко понятна; пользовавшись конституціоннымъ образомъ правленія отъ шестнадцатаго столѣтія вплоть до раздѣленія Польши, мы чрезвычайно рады посѣтить страну, въ которой находится мать всѣхъ парламентовъ міра. И мы надѣемся также, что видя благоденствіе этой страны, которымъ она, дѣйствительно, обязана развитію конституціонной системы, мы еще болѣе укрѣпимся въ своихъ убѣжденіяхъ, подчеркивая въ особенности безусловную необходимость народнаго представительства. Мы можемъ оставить эту страну только еще болѣе убѣжденными парламентаріями, чѣмъ были, когда отправлялись сюда. Я смѣю утверждать, что этотъ визитъ, который мы дѣлаемъ, будетъ имѣть практическія послѣдствія. Ясно, что Британія и Россія должны быть въ прямыхъ сношеніяхъ по отношенію къ промышленности и торговлѣ. Я знаю, что польскіе купцы въ Варшавѣ уже собирались, чтобы обсудить, какъ осуществить болѣе тѣсныя непосредственныя сношенія, которыя всѣ будутъ привѣтствовать, какъ полезныя и необходимыя. Короче сказать, эта новая близость идей и интересовъ будетъ имѣть послѣдствіемъ болѣе тѣсную дружбу между двумя націями. Польскіе подданные Россійской Имперіи могутъ только привѣтствовать ее, такъ какъ они видятъ въ ней историческую эволюцію, которая будетъ для нихъ благословеніемъ. Я скажу даже болѣе: согласно новой Славянской идеѣ, горячимъ приверженцемъ которой я являюсь, эта дружба кажется совершенно ясно предуказанной, такъ какъ она можетъ быть только выгодной для обѣихъ сторонъ, которыхъ касается. Я особенно счастливъ, что могу обращаться къ вамъ въ столицѣ Шотландіи. Великая честь говорить въ той части Соединеннаго Королевства, которая всегда играла такую видную роль въ исторіи Великобританіи, и я не

ошибусь, если скажу, что въ настоящий моментъ великіе государственные люди, которые направляютъ политику Великобританіи и по этой причинѣ даютъ тонъ политикѣ всего міра, люди изъ Шотландіи. Я искреннѣйшимъ образомъ поздравляю васъ съ такимъ почетнымъ положеніемъ. Я и мои товарищи въ восхищеніи, что находятся въ Шотландіи, въ Эдинбургѣ. Шотландія полна поэзіи, Эдинбургъ—чудо. Будучи молодымъ человѣкомъ, я читалъ вдохновенныя творенія Вальтеръ-Скотта и теперь я чувствую, что нахожусь въ странѣ, которую я знаю. Этотъ великій человѣкъ сдѣлалъ Шотландію извѣстной во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Кто видѣлъ Шотландію, не можетъ не быть ею очарованнымъ. Отъ нея вѣтъ своего рода таинственностью. Въ Шотландіи готовъ чувствовать, что сверхъестественное существуетъ на землѣ, что если-бы его поискать, что если-бы побродить по лѣсамъ и горамъ, вдоль береговъ озеръ, то въ концѣ-концовъ, увидѣлъ-бы фей. Мы уже встрѣтили здѣсь одну фею—фею гостепріимства. Отъ имени всѣхъ моихъ товарищей я выражаю искреннюю благодарность за вашъ очаровательный пріемъ. Я поднимаю свой бокалъ за благоденствіе должностныхъ лицъ города и за городской Совѣтъ Эдинбурга въ связи съ именемъ Лорда-Провоста. (Одобрения).

Лордъ-Провостъ отвѣчалъ въ нѣсколькихъ словахъ, что онъ очень обязанъ за упоминаніе, которое было сдѣлано объ исторіи Эдинбурга и о связи съ нею Сера Вальтеръ-Скотта, изученіе романовъ котораго иностранцами привело къ ознакомленію съ исторіей этой страны, какого они не пріобрѣли-бы иначе. (Одобрение).

Въ заключеніе Шотландскіе участники завтрака пропѣли народный гимнъ и потомъ по шотландски (оолдъ-лангъ-сайнъ) (Auld Lang Syne—Давно Минувшее Время), причемъ мы всѣ стояли скрестивъ руки на груди, держа сосѣдей за руки и слегка потягивая другъ—друга за руки, то влѣво то вправо, такъ что вся эта живая цѣпь слегка покачивалась во время пѣнія. Это, какъ-бы, мистическое принятіе насъ въ Шотландское товарищество, особенно сердечнымъ образомъ закончило этотъ завтракъ, вообще отличавшійся большимъ радушіемъ и сердечностью. Другою особенностью завтрака было еще появленіе трехъ гайлендеровъ въ національных костюмахъ, со своими національными инструментами вродѣ кобзы или

грузинской зурны, въ которые они немилосердно дули. Это были музыканты Эдинбургской Полиціи, приглашенные для приданія завтраку болѣе яркаго мѣстнаго колорита. Въ первый разъ они появились передъ подачей національнаго кушанья (хаггисъ), не то колбасы, не то фарша или рагу, очень прянаго и вкуснаго. Они торжественно выступали, играя на своихъ инструментахъ, а за ними лакеи несли блюда съ хаггисъ, высоко держа ихъ надъ головой; эта процессія обошла кругомъ всей залы между столами и стѣной и снова вышла изъ комнаты, послѣ чего намъ стали подавать хаггисъ уже разрѣзаннымъ на куски. Второй разъ національные музыканты въ пледахъ, юбочкахъ и съ голыми колѣнями, вошли въ залъ, когда подавали саксонскій пуддингъ. Они стали въ кружокъ и медленно поднимая ноги, передвигались то вправо, то влѣво, продолжая играть на своихъ рѣзкихъ, пронзительныхъ и мало мелодичныхъ инструментахъ. Вся эта обстановка, эта музыка, это общее пѣніе во время завтрака, придавали ему особенный характеръ, неизгладимо запечатлѣвшійся въ нашей памяти.

По окончаніи завтрака мы снова размѣстились по автомобилямъ, причемъ за этимъ размѣщеніемъ слѣдилъ самъ Лордъ-Провостъ, безъ шляпы переходившій отъ автомобиля къ автомобилю по двору Эдинбургской ратуши. Мы быстро выѣхали за городъ и покатали по шоссе, между ярко-зелеными полями, поднявъ своей быстрой ѣздой цѣлыя облака пыли. Вдругъ остановился первый автомобиль, за нимъ остановились всѣ остальные. Изъ перваго автомобиля вышелъ Лордъ-Провостъ и сталъ убѣждать всѣхъ ѣхать на большемъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы избавиться отъ пыли; всѣ согласились, но какъ только вновь двинулся первый автомобиль, тотчасъ-же покатали и всѣ остальные еще болѣе тѣсной компаніей и еще быстрее, такъ что мы скоро оказались покрытыми пылью не менѣе, чѣмъ при поѣздкѣ по нашимъ проселочнымъ дорогамъ въ пору возки хлѣба съ полей, когда дороги покрыты толстымъ слоемъ пыли. Мы облегченно вздохнули, когда въѣхали въ Гоптонъ—паркъ лорда Гоптона. Въ тѣни громадныхъ деревьевъ парка, на его малоѣзженныхъ аллеяхъ, мы избавились отъ пыли и дышали пріятной прохладой свѣжаго воздуха. Мы остановились около маленькой часовни Аберкорнъ, построенной въ XII

вѣкъ. Кругомъ нея старинное кладбище своими узкими, невысокими, вертикально стоящими плитами надгробныхъ памятниковъ, очень напоминало мнѣ мусульманскія кладбища Константинополя и Сараева, не доставало только чалмы надъ плитами. Я указалъ на это сходство Максудову, который также нашелъ его. Лордъ-Провостъ провелъ насъ внутри часовни, очень простой и прелестной своей поэтической затерянностью среди тихого, и казалось пустынного, парка.

Отсюда мы поѣхали опять по Гоптонскому парку, видѣли въ немъ цѣлое стадо маленькихъ ручныхъ оленей, спокойно смотрѣвшихъ на нашъ поѣздъ автомобилей, и мимо величественнаго дворца Гоптона выѣхали на берегъ рѣки Форты, къ его знаменитому мосту, болѣе двухъ верстъ длины и до 70 саж. высоты, съ пролетами въ полъ-версты. Полюбовавшись величественнымъ мостомъ, черезъ который какъ разъ проходилъ желѣзнодорожный поѣздъ, казавшійся на немъ совсѣмъ маленькимъ, какъ и военные крейсера, видѣвшіеся сквозь пролеты моста, въ устьѣ Форты; мы покатались дальше, черезъ паркъ Дальмени, бывшаго премьера, графа Розбери. Этотъ паркъ на самомъ берегу Форты, имѣющаго здѣсь совершенно видъ морского залива, еще красивѣе и въ большемъ порядкѣ, чѣмъ Гоптонскій паркъ. Лордъ Розбери прислалъ специально для насъ разрѣшеніе покататься по его парку, обычно недоступному ни для публики, ни для иностранцевъ. Еще немного далѣе, по пути къ Эдинбургу (Аберкорнская часовня была самымъ дальнимъ пунктомъ прогулки), мы заѣхали въ Бартонъ, гдѣ помѣщается городской клубъ для игры въ гольфъ, требующей цѣлыхъ полей въ нѣскольکو верстъ протяженія, такъ какъ мячъ надо загонять по очереди въ рядъ ямокъ, раздѣленныхъ холмами и долинами, оврагами и болотцами, ручьями и грядами песку и тому подобное. Прежде всего намъ пришлось основательно умыться, чтобы освободиться отъ пыли, и только послѣ этого мы могли выйти въ столовую, гдѣ члены клуба съ председателемъ-капитаномъ, какъ его зовутъ въ спортивныхъ клубахъ, мистеромъ Армуръ и совѣтникомъ Чессеръ во главѣ, познакомили насъ со своими дамами и угощали чаемъ и шампанскимъ. Послѣ чая мы вышли погулять въ паркъ, посмотреть на начало партіи гольфа, которую для насъ (чтобы пояснить основныя правила игры) сыграли господа Агнусъ

Макъ-Дональдъ и Джорджъ Робъ. Погулять въ полѣ, въ мягкой тиши сѣвернаго лѣтняго вечера, очень напоминавшаго мнѣ прекрасные, немного грустные дни нашего „бабьяго лѣта“, было очень приятно и не хотѣлось возвращаться въ шумъ и суетоу города. Передъ отъѣздомъ Н. А. Хомяковъ, М. А. Хомякова, Г. И. Свѣицкий и С. Н. Максудовъ попробовали погнать шаръ, положенный на комочекъ дерна, какъ это дѣлается при началѣ гольфа, но не сразу могли даже задѣть его. Попадъ наконецъ по мячу, они погнали его очень недалеко, тогда какъ игравшіе передъ этимъ спортсмены однимъ ударомъ загоняли мячъ за многіе десятки сажень.

Изъ клуба насъ отвезли прямо въ нашу гостиницу и оставили спокойно пообѣдать однихъ, справедливо полагая, что намъ надо отдохнуть отъ такъ хорошо заполнения и богатаго впечатлѣніями дня. Но не успѣли мы кончить обѣдъ, какъ часть нашихъ любезныхъ хозяевъ вернулась въ гостиницу, пригласила насъ въ особый залъ, и снова пошла дружеская бесѣда: тосты, пѣніе, увѣренія въ симпатіи. Сначала пили минеральныя воды, потомъ добавили ромъ и виски, и вскорѣ вернулись къ шампанскому. Дѣйствительно утомленный я ушелъ около 10 часовъ писать письма и укладываться, такъ какъ завтра надо было выѣзжать рано, „товарищеская-же бесѣда затянулась далеко за полночь“. Упомяну еще о маленькомъ инцидентѣ: когда кто-то изъ насъ, со стаканомъ сельтерской воды въ рукѣ, благодарилъ радушныхъ хозяевъ за ихъ пріемъ въ Англіи и называлъ ихъ Англичанами, то они запротестовали, говоря, что здѣсь не Англія, а Шотландія и они не Англичане. Одинъ изъ Шотландцевъ началъ-было даже говорить рѣчь въ довольно сепаратистскомъ духѣ, но председатель остановилъ его, сдѣлавъ даже легкое замѣчаніе за безтактность такого выступленія.

Отмѣчу еще наше удивленіе, когда мальчикъ-лакей въ гостиницѣ, подавая намъ пальто и шляпы, заговорилъ съ нами по русски; оказалось, что онъ латышъ, года три тому назадъ переселившійся съ отцомъ изъ Россіи въ Англію.

Чтобы говорить объ энергіи шотландцевъ по собственному наблюденію, мы, конечно, слишкомъ мало времени пробыли въ Эдинбургѣ, но этого времени было достаточно, что-

бы они могли произвести на насъ впечатлѣніе большей живости, экспансивности, радушія и простоты, чѣмъ англичане въ Лондонѣ. Но этимъ я отнюдь не хочу сказать, чтобы мы были хуже приняты въ Англіи, гдѣ искренняя сердечность и спокойная любезность хозяевъ, также оставили въ насъ неизгладимыя воспоминанія.

Графъ В. А. Бобринскій, а съ нимъ и М. А. Стаховичъ и графъ Потоцкій были приглашены вечеромъ на обѣдъ, устроенный въ Залѣ Университетскаго Союза, студенческимъ представительнымъ Совѣтомъ въ честь графа Бобринскаго, какъ бывшаго Эдинбургскаго студента. Послѣ обѣда перешли въ читальню, гдѣ было много студентовъ, председатель познакомилъ гр. Бобринскаго со многими изъ нихъ. Предсѣдательствовавшій въ этомъ многоядномъ студенческомъ собраніи Гордонъ Грантъ, представляя собранію графа Бобринскаго сказалъ, что онъ былъ въ свое время избранъ членомъ представительнаго Совѣта. Отвѣчая на привѣтствія, графъ Бобринскій сказалъ, что онъ болѣе гордился своимъ избраніемъ въ представительный Совѣтъ, чѣмъ своимъ избраніемъ въ Думу. (Одобренія). Именно въ Эдинбургѣ онъ научился принципамъ либеральнаго консерватизма или консервативнаго либерализма (смѣхъ и одобренія), который наконецъ восторжествовалъ въ его странѣ. (Одобренія). Ни онъ, ни его товарищи не ожидали, что увидятъ торжество своихъ идеаловъ въ ихъ собственное время, но они увидѣли эти идеалы осуществленными. Россія вернулась въ Европейскую семью націй, въ которыхъ господствуютъ законъ, порядокъ и прогрессъ. (Одобреніе). Либеральные и конституціонные принципы не новы для Россіи, мы возвращаемся на старый русскій прогрессивный путь. Это нашъ историческій путь и въ этомъ наилучшее ручательство за то, что мы не уклонимся съ него. Многіе въ Англіи спрашивали меня, выживетъ-ли Дума. Въ Россіи этотъ вопросъ разрѣшенъ разъ навсегда. (Одобреніе). Мое посѣщеніе моего стараго Университета укрѣпитъ мою приверженность къ принципамъ, которые я изучилъ здѣсь. (Одобреніе). Я надѣюсь, что Университетъ всегда будетъ высоко держать знамя науки, правды и чести, которое онъ удержалъ въ теченіе многихъ столѣтій. (Громкія одобренія). По предложенію Мистера Дика графу Бобринскому была выражена благодарность за его рѣчь.

1-го Іюля—18 Іюня. Мы встали въ 7 часовъ утра, чтобы поспѣть заѣхать въ Іоркъ и попасть къ обѣду въ Лондонѣ, тѣмъ не менѣе человѣка три вчерашнихъ спутниковъ зашли попрощаться съ нами. Намъ надо было проѣхать порядочный конецъ по Эдинбургу, такъ какъ мы уѣзжали съ другого вокзала, не того, въ которомъ находится наша гостинница. Изъ Эдинбурга мы ѣхали уже на свой счетъ, что дало намъ случай убѣдиться въ дороговизнѣ Англійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Поѣздъ отъ Эдинбурга до Лондона, около 500 верстъ, стоитъ около 20 руб. въ первомъ классѣ.

Въ 12 часовъ дня мы пріѣхали въ Іоркъ, небольшой, старинный городъ, окруженный стѣной съ красивыми башнями и воротами. Главная достопримѣчательность Іорка, его древній соборъ, не поражающій снаружи красотой и изяществомъ, какъ Реймскій или величественностью, какъ Страсбургскій и Кельнскій, но удивительно красивый внутри, благодаря своимъ колоннамъ и очень большимъ окнамъ съ расписными стеклами, изъ которыхъ особенно великолѣпно громадное окно противъ главнаго входа. У этого входа на лѣстницѣ насъ ждали два старца: прелестный въ своей культурной простотѣ, восьмидесятидвулѣтній деканъ Іоркскаго собора и епископъ Пертскій, викарій Архіепископа Іоркскаго, тоже совсѣмъ бѣлый, но бодрый старикъ, тридцать пять лѣтъ тому назадъ пріѣзжавшій въ Россію. Они заявили намъ, что Архіепископъ Іоркскій, которому около 90 лѣтъ, извиняется, что по нездоровью не можетъ ни встрѣтить насъ въ соборѣ, ни принять у себя, но что они подробно покажутъ намъ соборъ. И, дѣйствительно, эти почтенные старцы водили насъ по всему собору, спускаясь въ подвальный этажъ, гдѣ показывали намъ фундаменты двухъ первыхъ соборовъ и даже основаніе римскаго храма до христіанской эпохи, на мѣстѣ котораго и была построена первая христіанская церковь въ Іоркѣ. При этомъ они объясняли намъ оконную живопись, въ которой проходила передъ нами вся исторія Іорка, тѣсно связанная съ исторіей Англіи вообще. Очень красивъ также особый пристрой къ собору, восьмиугольный залъ—часовня съ идущими кругомъ, по стѣнамъ каменными скамьями. Эта часть собора служитъ для торжественныхъ собраній его капитула.

Поблагодаривъ отъ души внимательныхъ и любезныхъ духовныхъ сановниковъ, мы вернулись на вокзалъ, гдѣ успѣли еще позавтракать въ ожиданіи поѣзда. Подъѣзжая къ Лондону, Звегинцевъ и Персъ заявили мнѣ, что надо, чтобы я говорилъ сегодня на обѣдѣ, даваемомъ намъ ассоціаціей иностранной прессы. Такое позднее сообщеніе было не совсѣмъ удобно, и вообще „гофмаршальская часть“ у насъ нѣсколько страдала. Какъ я уже говорилъ, профессоръ Персъ и его супруга были такъ любезны, что несли весь трудъ переписки и хлопотъ по организаціи ежедневныхъ подробностей нашего пребыванія. Мистеръ Персъ неоднократно просилъ насъ собираться на нѣсколько минутъ каждый вечеръ, чтобы сообща рѣшать, кто и куда идетъ завтра, кто и гдѣ говорить и т. д., но мы съ обычной русской неаккуратностью не сходились во время, и это распредѣленіе дѣлалось какъ-то само собой. Сперва мы спрашивали у А. И. Звегинцева, что рѣшено, но вскорѣ онъ сложилъ съ себя всѣ распорядительныя по этому поводу обязанности и направлялъ насъ къ Г. Г. Лерхе, который много хлопоталъ, заботился, но не всегда могъ дать намъ желаемое указаніе; въ значительной мѣрѣ, по винѣ нашей-же неаккуратности и нежеланія во время сходиться.

Я отказывался было говорить на обѣдѣ прессы, указывая, что предпочель-бы пойти на обѣдѣ, даваемый Мистеромъ Лайеллемъ, но мнѣ сказали, что обѣдъ иностранной прессы именно тотъ, на которомъ слѣдуетъ говорить по французски, почему мнѣ, плохо говорящему по англійски, и Максудову, совсѣмъ не говорящему на этомъ языкѣ, но хорошо владѣющему французскимъ языкомъ, и надо говорить именно здѣсь. Пришлось согласиться, чтобы не возбуждать споровъ и не создавать путаницы. Этотъ обѣдъ состоялся въ залахъ Вальдорфъ-отеля, и сюда отправились всѣ тѣ изъ нашей компаніи, кто не обѣдалъ у Лайелля.

Парламентскій Секретарь Министра Иностранныхъ Дѣлъ сэра Эдуарда Грея, Лайелль, давалъ въ этотъ день въ Палатѣ Общинъ частный обѣдъ, на которомъ изъ русскихъ депутатовъ присутствовали—Хомяковъ, Гучковъ, гр. Бобринскій, Милуковъ, Шидловскій, гр. Потockій и Маклаковъ, изъ англичанъ—видные члены Либеральной Партіи и Министры: Гладстонъ, Макъ-Кенна, Черчилль, Бернсъ, Полковникъ Симиль,

Маккинонъ Вудъ и другіе. Рѣчей здѣсь не было произнесено. Но при частомъ обмѣнѣ мнѣній обсуждались главные вопросы желательнаго и возможнаго англо-русскаго сближенія. Много вниманія было удѣлено и вопросамъ русскаго государственной жизни.

На обѣдѣ иностранной прессы присутствовалъ нашъ посолъ графъ Бенкендорфъ и повѣренные въ дѣлахъ Сербіи и Болгаріи, послѣдніе оказались моими сосѣдями за столомъ. Съ представителемъ Сербіи я говорилъ по русски, и мы не могли не коснуться вопроса объ аннексіи Босніи и Герцеговины, причемъ онъ выразилъ сожалѣніе, что Россія сперва какъ-бы обнадеживала Сербію, а потомъ пошла на униженіе передъ Германіей, и добавилъ, что Сербія не хотѣла вовлекать Россію въ войну, сознавая, что пораженіе Россіи—гибель южныхъ славянъ. Съ Болгарскимъ представителемъ я говорилъ по французски, такъ какъ онъ даже плохо понимаетъ по русски и совсѣмъ не говоритъ. Кромѣ того присутствовали Нидерландскій посланникъ и нѣсколько членовъ обѣихъ палатъ, какъ напримѣръ, Лордъ Куртней офъ Пенвисъ, Мистеръ Смитсонъ, Брайсъ, Серъ Томасъ Берклей и Гартъ Дависъ, Арчибалдъ Калкунъ и другіе.

Предсѣдательствовалъ за обѣдомъ Божидаровичъ—Веселитскій, сотрудникъ Новаго Времени и предсѣдатель ассоціаціи иностранной прессы въ Лондонѣ. Предлагая тостъ за Короля, онъ сказалъ, что ассоціація всегда съ благодарностью вспоминаетъ милостивое посланіе Его Величества, пять лѣтъ тому назадъ одобрившее ея усилія содѣйствовать дружбѣ и гармоніи между націями. Лордъ Куртней офъ Пенвисъ, говорившій вмѣсто Лорда Уирдэля, не могшаго прибыть на обѣдъ, предлагая тостъ за Императора Россіи, сказалъ, что онъ не можетъ упомянуть объ этой августѣйшей особѣ безъ сочувствія къ Нему, къ трудамъ и обязанностямъ, которые Онъ унаслѣдовалъ. Онъ разсматриваетъ, какъ счастливое обстоятельство, полное глубокихъ предзнаменованій, что случилось такъ, что Царь всей Россіи призвалъ представителей тѣхъ, къ которымъ онъ долженъ управлять, къ себѣ на помощь въ великихъ обязанностяхъ, которыя Онъ долженъ выполнить.

Предсѣдатель, сообщивъ о полученіи писемъ отъ Премьера Асквита и Лордовъ Кромера, Керзона и Ревельстока, выражающихъ сожалѣніе, что не могутъ участвовать въ

обѣдѣ, и сочувствіе его цѣлямъ и дѣятельности ассоціаціи, сказалъ между прочимъ, что ассоціація иностранной прессы всегда служила дѣлу мира между націями; онъ закончилъ свою рѣчь тостомъ за гостей. Отвѣчая на этотъ тостъ, какъ было условлено, по французски, я сказалъ, что мы ѣхали въ Англію, хорошо зная ея исторію, ея литературу и ея учрежденія, въ этихъ областяхъ мы узнали очень мало новаго, но мы недостаточно хорошо знали самихъ англичанъ. Мы представляли ихъ себѣ энергичными, любящими свободу и уважающими право, но нѣсколько холодными, сдержанными и (да будетъ мнѣ позволено такъ выразиться) скучными.

Но за наше пребываніе здѣсь, мы узнали двѣ вещи, которыя были для насъ совершенно новы: что the old merry England (Старая Веселая Англія) не мифъ, а реально существуетъ и теперь, а во вторыхъ, что англичане, когда захотятъ этого, могутъ быть такъ сердечно, такъ тепло гостепріимны, что ничуть не уступятъ въ этомъ отношеніи намъ, русскимъ, гостепріимство которыхъ вошло, однако, въ пословицу. Эти новыя для насъ стороны англійскаго характера усиливаютъ нашу симпатію къ нимъ. Смѣю думать, что нашъ пріѣздъ увеличилъ освѣдомленность англичанъ о Россіи и русскихъ, которая такъ необходима для взаимныхъ согласія и дружбы. Начало этой освѣдомленности и дружбы положено. Ваше дѣло, господа представители прессы, этой великой міровой силы, расширять и углублять эту освѣдомленность, зная, что этимъ вы служите дѣлу мира. Послѣднюю мысль я повторилъ по англійски и предложилъ тостъ за ассоціацію иностранной прессы въ Лондонѣ и ея пресѣдателя Веселитскаго.

Членъ Парламента Гартъ Дависъ предложилъ тостъ за членовъ Русскихъ законодательныхъ палатъ, и сказалъ при этомъ, что посѣщеніе депутатовъ есть необходимое дополненіе къ предстоящему посѣщенію этой страны Императоромъ. Ораторъ самъ возвратился изъ поѣздки въ Россію съ впечатлѣніемъ, что русскіе наиболѣе очаровательный и достойный любви народъ во всемъ мірѣ. Этотъ-же тостъ поддерживалъ сотрудникъ французскихъ газетъ Меркадье, говоря частью по французски, частью по англійски.

На этотъ тостъ отвѣчалъ А. И. Звегинцевъ. (Въ поѣздѣ Звегинцевъ и Персъ назначили, что отвѣчать будетъ М. А. Стаховичъ, что и значилось по росписанію тостовъ обѣда,

разложенному передъ обѣдавшими. Но когда до него дошла очередь, М. А. Стаховичъ сказалъ предсѣдателью, что будетъ говорить Звегинцевъ, и предсѣдатель далъ слово послѣднему, вынужденному, такимъ образомъ, говорить экспромтомъ). Онъ сказалъ, между прочимъ: „Делегаты законодательныхъ палатъ пріѣхали въ эту страну полные надежды, и мы возвращаемся съ болѣе чѣмъ оправдавшейся надеждой. Мы далеко позади Англіи въ политическихъ учрежденіяхъ, но нужно помнить, что Россія была стражемъ Европы, оберегая ея миръ и ея честь отъ Ближняго Востока и отъ Дальняго Востока. Что было-бы съ Европой, если-бы она была подвергнута набѣгамъ изъ степей Азіи. Если мы запоздали въ развитіи своихъ политическихъ учреждений, то у насъ есть это оправданіе, и я рѣшаюсь предсказать не то, что мы когда-либо обгонимъ Англію, но что мы будемъ идти рядомъ съ нею“.

Послѣ обѣда А. И. Звегинцевъ предложилъ М. В. Челнокову и мнѣ воспользоваться приглашеніемъ своего сосѣда по столу, члена парламента, поѣхать на вечеръ къ женѣ одного крайняго радикала, члена палаты общинъ, гдѣ будетъ много членовъ парламента съ семьями. Уже подѣзжая, мы были удивлены тѣмъ, что улица передъ домомъ была устлана соломой, а промежутокъ между двумя домами высоко забранъ досками. Мы прошли черезъ переднюю, заваленную пальто, и черезъ рядъ комнатъ, гдѣ было мало гостей, вышли въ садъ или вѣрнѣе дворъ, превращенный въ розовый садъ; всюду были бесѣдки изъ розъ, трельяжи изъ розъ и просто громадные кусты цвѣтущихъ розъ. Повсюду тянулись гирлянды разноцвѣтныхъ фонариковъ, и откуда-то сверху лились снопы цвѣтного электрическаго свѣта. Кругомъ двора въ нѣсколько рядовъ сидѣли и стояли нарядные гости, дамы въ бальныхъ туалетахъ, нѣкоторыя въ красивыхъ накидкахъ, такъ какъ ночь становилась свѣжа.

Посреди двора, въ одной изъ розовыхъ бесѣдокъ, двѣ дамы и двое мужчинъ въ атласныхъ костюмахъ временъ Людовика XV, не то маркизовъ, не то пастушковъ, исполняли подъ музыку какую-то пастораль. Одна изъ исполнительницъ была барышня изъ общества, остальные трое—приглашенные артисты французской оперы. Оркестръ въ такихъ-же костюмахъ помѣщался въ другой розовой бесѣдкѣ. По окон-

чаніи пьесы насъ представили хозяйкѣ, женѣ радикала, еврейскаго банкира, издателя газеты, съ которой мы сказали лишь нѣсколько словъ, такъ какъ къ ней то и дѣло подходили прощаться. Въ этой толпѣ было не менѣе четырехъ или пятисотъ гостей, мы, однако, ни съ кѣмъ интереснымъ не успѣли познакомиться, но все-же было любопытно взглянуть на самый праздникъ, даваемый фешенебельному обществу крайнимъ радикаломъ, праздникъ, стоившій ему вѣроятно суммы, за которую всѣ члены англійской рабочей партіи могли-бы просуществовать нѣсколько мѣсяцевъ.

ГЛАВА VI.

Въ четвергъ опять пріѣхали къ намъ тѣ-же господа, которые уже разъ показывали намъ достопримѣчательности Лондона и повезли осматривать дворцы различныхъ гильдій Сити, которыя до сихъ поръ сохранили свою средневѣковую организацію и многія изъ своихъ привилегій и правъ, какъ, напримѣръ, право избранія Лордъ-мэра Лондона. Членами этихъ гильдій, какъ намъ объяснили наши руководители, могутъ быть либо лица, дѣйствительно занимающіяся соотвѣтственной отраслью промышленности, либо члены дворянскихъ родовъ, не исключая членовъ королевскаго дома, а также видные политическіе дѣятели. И дѣйствительно, не только королевскіе принцы, но даже многіе короли Англіи были членами той или другой гильдіи. Дворцы, которые мы осматривали, предназначены для помѣщенія правленія гильдій и общихъ собраній членовъ, всѣ они роскошны. Прежде всего мы зашли во дворецъ гильдіи золотыхъ дѣлъ мастеровъ, гдѣ намъ показали висящее въ рамкѣ на стѣнѣ членское обязательство, въ которомъ вновь принятый членъ обѣщается: какъ честный человекъ соблюдать всѣ правила гильдіи, являться по первому зову ея старшинъ и безпрекословно исполнять всѣ ихъ приказанія. Подписано это обязательство „Эдуардъ VII“.

Гильдія золотыхъ дѣлъ мастеровъ имѣетъ привилегію налагать свой штемпель, соотвѣтствующій нашей пробѣ, на всѣ золотыя и серебрянныя издѣлія, не исключая и денегъ правительственнаго чекана, которыя не пускаются въ оборотъ, пока гильдія золотыхъ дѣлъ мастеровъ не удостовѣритъ ихъ доброкачественности наложеніемъ своего штемполя. Другая гильдія, книгопечатниковъ, имѣетъ право налагать штемпель копирайтъ (copyright), который является охраной автор-

скаго права. По отношенію къ произведенію литературы или искусства, на которое этой гильдіей не наложенъ штемпель копирайтъ, авторское право не охраняется англійскимъ закономъ. Въ одномъ изъ этихъ старинныхъ дворцовъ намъ показали внутренній садикъ, въ другомъ даже остатки довольно большого сада, что является страшною роскошью въ Сити, этой торговой части Лондона, гдѣ каждый квадратный футъ земли стоитъ крупныхъ денегъ. Послѣ осмотра дворцовъ мы прошли въ Мэншонъ-гаузъ, находящійся тутъ же въ Сити дворецъ, въ которомъ живетъ Лордъ-меръ Лондона.

Серъ Вیاتъ Трескотъ-Лордъ-меръ, давалъ намъ завтракъ здѣсь, а не въ знаменитомъ Гильдголлѣ, дворцѣ гильдій, такъ какъ вообще принято принимать коронованныхъ особъ и народныхъ представителей именно въ Мэншонъ-гаузъ. Приемъ былъ очень торжественный: Лордъ-меръ въ черной шитой золотомъ мантии стоялъ въ глубинѣ гостиной, по бокамъ его стояли его товарищи—шерифы въ красныхъ мантияхъ; около Лордъ-мера—какой-то городской чиновникъ въ черномъ бархатномъ, средневѣковомъ костюмѣ и высокой собольей шапкѣ держалъ громадный, въ человѣческой ростъ, скипетръ Лордъ-мера, знакъ его верховныхъ правъ въ Сити. Подобно этому, мечъ Лордъ-мера есть знакъ его права верховнаго суда, права жизни и смерти въ предѣлахъ Сити. И тотъ фактъ, что Лордъ-меръ вручаетъ этотъ мечъ Королю, при вѣздѣ послѣдняго въ Сити, есть знакъ добровольной, но только временной передачи Лордъ-меромъ Королю своего права верховнаго суда, безъ чего англійскій король не имѣетъ права верховнаго суда въ Сити.

Мы по очереди представлялись Лордъ-меру. За обѣдомъ торжественность обстановки выражалась между прочимъ тѣмъ, что за Лордъ-меромъ и шерифами стояли особые лакеи въ красныхъ ливреяхъ, и тотъ изъ нихъ, который стоялъ за кресломъ Лордъ-мера, помѣщавшимся на особомъ возвышеніи, стучалъ палочкой по спинкѣ высокаго кресла—трона Лордъ-мера и громко возглашалъ: «такой-то будетъ говорить». Моимъ сосѣдомъ за столомъ былъ Серъ Даймсдель, старшина гильдіи банкировъ, бывший Лордъ-меромъ Лондона въ то время, когда московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства была устроена поѣздка въ Англію мелкихъ Русскихъ

хозяевъ-земледѣльцевъ, въ числѣ которыхъ было и два крестьянина изъ моего села. Одинъ изъ нихъ, мой прикащикъ, съ восторгомъ рассказывалъ мнѣ, какъ Серъ Даймсдель угощалъ ихъ въ Гильдголлѣ, и какъ его поразила культурность англичанъ, которые „навѣрно второй вѣкъ живутъ на землѣ“, такъ какъ за одну жизнь, по его мнѣнію, невозможно достигнуть такой культурности. Я сообщилъ своему сосѣду объ этихъ впечатлѣніяхъ неграмотнаго малоросса, бывшаго нѣкогда его гостемъ.

На обѣдѣ присутствовалъ почти весь составъ русскаго посольства: Графъ Бенкендорфъ, Поклевскій-Козелль, баронъ Гейкиннгъ, Севастопулло, баронъ Мейендорфъ, графъ Тышкевичъ, а также настоятель русской церкви—отецъ Смирновъ; кромѣ того были еще проживающій въ Лондонѣ и женатый на англичанкѣ, князь Долгорукой, а также синдикъ города Рима Натанъ и ректоръ Римскаго университета профессоръ Тонелли. Изъ англичанъ упомяну лорда Уирделя, сэра Альберта Спайсера, Мориса Беринга, Эвелина Губбарда, Мистера Прива, М-ра Моберли Белъ, членовъ парламента: Маддисона, Мура, О'Коннора, Линча, Пиккерсгилъ, Мортонъ, Бея, кромѣ нихъ здѣсь были еще Серъ Джозефъ Даймсдель, Серъ Джонъ Белль, Серъ Джемсъ Ритчи, Серъ Альфредъ Ньютонъ, Серъ Дж. Савори, Серъ Трелоаръ, Серъ Джонъ Раундъ, Серъ Джонъ Ниль, Серъ Кросби, Серъ Бернетъ, Серъ Денъ, Серъ Райнольдсъ, Серъ Гомвудъ Крауфордъ, Серъ Горацій Маршалъ, Серъ Мельвилъ Бичкрофтъ, Серъ Бруксъ Гитчингъ, Серъ Эрнестъ Кларкъ, Серъ Сульби, Архидіаконъ Лондонскій Синклеръ, Адрианъ Поллопъ, старшій раввинъ Коннанъ Бернетъ, Мистеръ Сантъ Ло Страчеу, Мистеръ Мекси, В. Стэдъ и другіе.

Какъ всегда серія тостовъ была начата привозглашеніемъ тоста за Короля. Затѣмъ Лордъ-меръ предложилъ здоровье Императора Всея Россіи, причемъ сказалъ, что Сити имѣла уже честь принимать Царя и различныхъ его предшественниковъ, и если Его Величество вновь прибудетъ въ Сити, то онъ будетъ привѣтствованъ съ полнымъ энтузіазмомъ и сердечностью. (Одобренія). Имя Императора всегда будетъ связано съ дарованіемъ Конституціи Россіи. Онъ далъ возможность примѣнить къ своей странѣ слова поэта: „Счастливы обѣ стороны, когда стремятся къ одному и тому же центру, когда Короли даютъ свободу, а подданные—любовь“.

Слѣдующій тостъ Лордъ-мэръ провозгласилъ за нашихъ гостей изъ Россійской Имперіи, и сказалъ при этомъ, что въ залѣ, въ которомъ они собрались, много разъ оказывалось гостепріимство представителямъ иностранныхъ націй, но сегодняшній пріемъ имѣетъ совершенно особый интересъ и значеніе. „Я горжусь честью, продолжалъ онъ, быть первымъ Лордъ-мэромъ, принимающимъ делегатовъ Русскаго Государственнаго Совѣта и Думы. Великолѣпный трудъ приняли эти палаты—спаять воедино старое и новое безъ излишняго разстройства правительственного механизма. То, что члены всѣхъ партій въ Русскомъ Государствѣ могли такъ счастливо путешествовать вмѣстѣ, показываетъ, что ваша политическая жизнь зиждется на сходныхъ основаніяхъ съ тѣми, на коихъ основана и наша собственная, а именно, каковы-бы ни были наши разногласія въ Парламентѣ, мы можемъ быть добрыми друзьями въ общественной жизни. Я увѣренъ, что вашъ визитъ приведетъ къ доброму согласію между двумя націями. Я объединяю въ своемъ тостѣ имена профессора Милюкова (лидера конституционно-демократической или либеральной партіи), графа Бобринскаго (лидеръ умѣренныхъ консерваторовъ) и мистера Гучкова (лидера консервативной партіи и всей Думы).

Профессоръ Милюковъ сказалъ: Сегодня вѣроятно въ послѣдній разъ мы встрѣчаемся въ широкомъ общественномъ собраніи. Позвольте-же мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отъ имени друзей сказать Вамъ, какъ глубоко мы тронуты выраженіями дружбы, которыя мы получаемъ со всѣхъ сторонъ въ Лондонѣ и во всей Англіи, и какъ мы благодарны за великолѣпный пріемъ, оказанный намъ. Какъ уже сказалъ Лордъ-мэръ, мы представляемъ здѣсь различные оттѣнки политическихъ мнѣній. Я лично являюсь выразителемъ взглядовъ русской оппозиціи. Послѣ меня будетъ говорить представитель умѣренно-правыхъ, а въ концѣ, надѣюсь выскажется лидеръ большинства. Отмѣчая разницу между нами, надѣюсь собраніе само выдѣлитъ тѣ общія черты, которыя выражаютъ наше національное чувство и національное мнѣніе по отношенію къ Англіи. Хотя мы здѣсь находимся въ качествѣ частныхъ лицъ, но идя по стопамъ Лордъ-мэра, я не могу не коснуться политической стороны нашего визита. И прежде всего я долженъ отмѣтить, что

главнѣйшее недоразумѣніе, возникшее въ связи съ визитомъ, можетъ считаться разсѣяннымъ уже сейчасъ, во время нашего пребыванія здѣсь. Сегодня въ утреннихъ газетахъ я съ радостью прочелъ, что корпорація Лондонскаго Сити постановила мудрое рѣшеніе поднести Русскому Государю во время его визита въ золотомъ ящикѣ привѣтственный адресъ.

Никто, конечно, не будетъ ожидать отъ меня восхваленія существующихъ въ Россіи конституціонныхъ учреждений. Мы, представители оппозиціи, хотѣли-бы, чтобы права Думы были значительно расширены, чтобы избирательное право было демократизировано и чтобы вся система политическихъ учреждений была приведена въ гармонию, при которой была-бы возможна полезная законодательная работа. Но до тѣхъ поръ, пока въ Россіи существуетъ Законодательная Палата Представителей съ правомъ контролировать бюджетъ, русская оппозиція останется оппозиціей Его Величества, а не Его Величеству. Вы, жители славнаго историческими воспоминаніями города, всего лучше сумѣете оцѣнить это наше утвержденіе; вы, которые сумѣли не разъединять имени Короля отъ имени Палаты даже въ болѣе смутныя времена, чѣмъ тѣ, которыя недавно пережила Россія. Я говорю не только о вашей „мирной“ революціи 1688 года, но и о достомятномъ моментѣ 1642 года. Мы уже знакомы съ урокомъ, о которомъ напоминалъ намъ Лордъ-мэръ. Мы знаемъ, что ваши удивительныя учрежденія въ медленномъ процессѣ своего развитія вышли изъ идеи „Король въ Парламентѣ“.

Я перехожу къ другой области нашихъ отношеній, одинаково гарантирующихъ нашу дружбу—отношеніямъ между-народнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1907 году мы вступили на путь дружественнаго соглашенія, это соглашеніе не разъ подвергалось испытаніямъ и блестяще ихъ выдержало.

Первый разъ это случилось на Балканахъ, гдѣ неожиданный турецкій переворотъ, при другихъ условіяхъ могъ-бы повлечь за собою неизбежную войну въ Европѣ. Но наше взаимное довѣріе дало возможность быстро приспособиться къ внезапной перемѣнѣ, и война была избѣгнута. Теперь мы стоимъ передъ другимъ труднымъ вопросомъ—я говорю о Персіи. Но и здѣсь англійская дружба служитъ для русскаго общественнаго мнѣнія гарантіей, что наше правительство, принужденное защищать поданныхъ своихъ и другихъ евро-

пейскихъ державъ, не пойдетъ слишкомъ далеко и не приметъ на себя слишкомъ тяжелой отвѣтственности. Таковы солидныя основы нашей дружбы.

Прежде, чѣмъ кончить, позволю себѣ высказать одну надежду. Я надѣюсь, что многіе изъ тѣхъ, кто насъ такъ дружески привѣтствовалъ, когда нибудь не пожалѣютъ труда пріѣхать къ намъ, въ Петербургъ. Я могу ихъ завѣрить, что у насъ они встрѣтятъ столь-же сердечный пріемъ, какой мы встрѣтили въ этой странѣ.

Графъ Владиміръ Алексѣевичъ Бобринскій сказалъ, что мы чрезвычайно довольны, что одинъ изъ послѣднихъ дней нашего пребыванія въ Англіи былъ проведенъ въ Лондонскомъ Сити, гдѣ мы были такъ гостепріимно приняты.

„Прочитывая Англійскую Исторію, продолжалъ онъ, мы поражаемся двумя началами, которыя были отличительными чертами жизни Лондонскаго Сити: лояльность по отношенію къ Государю и сильная защита принципа индивидуальной свободы и корпоративной независимости. Мы признаемъ тотъ фактъ, что Англійскія Парламентскія учрежденія работаютъ такъ хорошо потому, что они такъ тѣсно связаны съ учрежденіями мѣстнаго самоуправленія, которыя съ незапамятныхъ временъ развивались параллельно съ политическимъ развитіемъ страны, основанномъ не ея національномъ образованіи, на ея университетахъ и народныхъ школахъ, на превосходномъ англійскомъ домашнемъ очагѣ и семьѣ. Я радъ сказать, что и въ моей странѣ, у насъ есть молодой Парламентъ, у насъ есть также мѣстное самоуправленіе, которое имѣетъ за собою опытность извѣстнаго числа лѣтъ и, когда мы вспоминаемъ теперь съ почтеніемъ своего Императора Николая II, который даровалъ конституцію, то мы не забываемъ его дѣда Александра II, который не только далъ свободу крѣпостнымъ и нашимъ братьямъ по крови и вѣрѣ—Болгарамъ, но далъ также либеральное управленіе городамъ и губерніямъ Россіи (одобренія), которымъ они и пользовались 40 лѣтъ. Работая въ нихъ, извѣстное чило людей пріобрѣло необходимую подготовку, чтобы взяться за работу въ Парламентѣ, который былъ дарованъ Николаемъ II, завершившимъ, такимъ образомъ, зданіе, фундаментъ котораго былъ положенъ Александромъ II. (Одобрение). Миръ и благополучіе Европы и Азіи зависятъ въ весьма большой степени отъ существованія хоро-

шихъ отношеній между Великобританіей и Россіей (одобрение), и все, что служить къ процвѣтанію, богатству и силѣ Великобританіи, является благодѣяніемъ для Европы вообще и для Россіи въ частности. Въ то же самое время мы увѣрены, что Англичане поняли, что благополучіе, прогрессъ и процвѣтаніе Россіи, на началахъ закона, порядка и конституціонной свободы, представляетъ выгоду вообще для Европы и въ частности для Англіи. (Одобрение)*.

Александръ Ивановичъ Гучковъ сказалъ, что оканчивая свой визитъ въ Англію мы хотимъ выразить свою искреннюю благодарность за добрый пріемъ, который былъ намъ оказанъ: „Мы видѣли многое и многому научились, продолжалъ онъ. Мы видѣли дѣловую жизнь Англіи, которой страна обязана своимъ богатствомъ; мы видѣли работу государственныхъ муниципальныхъ учрежденій, которыя сдѣлали Англію однимъ изъ наиболѣе упорядоченныхъ государствъ. Мы видѣли суды, которые такъ высоко держатъ знамя справедливости; мы видѣли школы и университеты, которые создали истинную аристократію таланта, ума и характера, которая держитъ въ своихъ рукахъ судьбы Англіи. Мы будемъ очень рады, если наши сегодняшніе гостепріимные хозяева посвятятъ насъ въ Россіи съ тѣмъ, чтобы каждая сторона жизни обѣихъ странъ сдѣлалась-бы извѣстна другой странѣ“.

„Особенно интересно изученіе новой Россіи, той Россіи, которая по волѣ ея Монарха перешло въ число конституціонныхъ монархій. Мы особенно тронуты тѣмъ, какъ былъ почтенъ тостъ за Нашего Государя. Со своимъ природнымъ чувствомъ неоспоримой вѣрности къ своему Монарху, Русскій народъ соединяетъ ощущеніе безграничной благодарности за великодушный актъ, которымъ Царь призвалъ насъ къ участию въ законодательной работѣ и въ надзорѣ за управленіемъ страны.

„Каждая эпоха въ исторіи и каждая личность въ исторіи, продолжалъ онъ, опредѣляется многими различными характерными чертами, но есть всегда одна преобладающая черта, съ которой эпоха или личность переходитъ въ исторію. И я убѣжденъ, что Нашъ Государь Николай II создалъ себѣ такое право на память въ своемъ народѣ—на безсмертіе въ исторіи тѣмъ фактомъ, что Онъ ввелъ наше государство въ семью конституціонныхъ государствъ.

„Но этимъ никоимъ образомъ не исчерпывается проявление той новой жизни, которая теперь введена въ Россіи. Тѣ изъ васъ, которые слѣдили со вниманіемъ за ходомъ событий въ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ представительныя учрежденія существуютъ, не могутъ не видѣть, какъ силенъ былъ тотъ новый духъ, который одушевлялъ всю законодательную работу государства. Нѣтъ, пожалуй, ни одной области въ общественной жизни, гдѣ не происходило-бы основательной перестройки. Правда, въ дѣлѣ перестройки мы иногда принуждены, а иногда желаемъ пользоваться матеріаломъ изъ стараго зданія. Мы не можемъ разсматривать наше прошлое съ исключительно отрицательной точки зрѣнія. Государство или народъ, который создалъ великую имперію, долженъ имѣть много положительнаго. Но если этотъ разумный консерватизмъ осложнилъ дѣло, только все-же онъ одинъ обезпечилъ конечный успѣхъ. Первая работа, которая представлялась представительнымъ учрежденіямъ заключалась въ томъ, чтобы упорядочить дѣла государства по сколько они выражаются въ бюджетѣ. Пожалуй, именно въ этой части представители націи должны были затратить главнѣйшую часть своихъ усилій и своего времени. Мы убѣждены, что наши усилія не были напрасны и что дѣла нашего государства и народа будутъ построены на прочномъ фундаментѣ“.

„Цѣлый рядъ мѣръ былъ предпринятъ, чтобы поднять положеніе преобладающаго и наиболѣе важнаго класса населенія—то есть крестьянъ. Я отмѣчаю въ особенности тѣ мѣры, которыя имѣютъ цѣлью освободить наше крестьянство изъ его положенія рабства, по отношенію къ сельской общинѣ. Теперь твердо установлены начала личной собственности; и какъ слѣдствіе этого, мы, конечно, увидимъ улучшение способностей земледѣлія и благосостояніе крестьянъ. Въ сферѣ частнаго законодательства былъ предпринятъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ покровительству усовершенствованія и улучшения положенія рабочихъ классовъ, между которыми я обращаю ваше особое вниманіе на два закона о страхованіи противъ болѣзни и несчастныхъ случаевъ. Чрезвычайное вниманіе было посвящено трудамъ начальнаго образованія, и мы наканунѣ введенія широкаго плана всеобщаго обученія. Всѣ мѣропріятія, о которыхъ я упомянулъ, потребуютъ большихъ

жертвъ со стороны государственнаго казначейства и мы надѣемся найти нужныя средства въ налогахъ такого рода, которые ложатся преимущественно на имущественные классы. Таковъ законопроектъ о введеніи подоходнаго налога и объ увеличеніи пошлинъ на наслѣдство“.

„Россія долго пользовалась широко развитой системой мѣстнаго самоуправленія, какъ городского, такъ и земскаго. Мы стремимся значительно усилить демократическій характеръ этой системы, привлекая къ участию въ самоуправленіи такіе классы, которые были представлены очень слабо или вовсе не были представлены. Мы хотѣли-бы создать новыя, самоуправляющіяся единицы, которыя были-бы ближе къ населенію. Одновременно мы желали-бы распространить благодѣянія самоуправления на такія части нашей имперіи, и преимущественно на окраинахъ, которыя въ настоящее время не пользуются ими. Рядъ законовъ, которые Дума провела въ концѣ послѣдней своей сессіи, немного недѣль тому назадъ, осуществилъ принципы вѣротерпимости, которые были провозглашены много ранѣе въ указѣ нашего Императора отъ 17-го апрѣля 1905 года.

Вопросъ государственной обороны возбуждаетъ болѣзненный, но живой и горячій интересъ въ Народномъ собраніи. Мы хорошо знаемъ, какимъ важнымъ факторомъ мира является военная мощь Россіи. Меня завлекло-бы слишкомъ далеко перечисленіе всѣхъ областей общественнаго интереса, на которыхъ плугъ нашей законодательной машины оставилъ уже глубокіе слѣды. Но я особенно радъ, что могу говорить о работѣ нашихъ представительныхъ учреждений среди васъ, Господа, которые представляете Лондонское Сити—величайшій самоуправляющійся организмъ во всемъ мірѣ. Къ счастью для нашей политической свободы, въ Россіи участіе народа въ Государственной работѣ выросло именно на основаніяхъ мѣстнаго самоуправления. Въ школѣ мѣстнаго самоуправления образовались тѣ люди, которые воспитали въ себѣ міровоззрѣніе, обезпечивающее намъ прочное и здоровое развитіе конституціоннаго режима. Вы поймите отсюда особую теплоту и сердечность, влагаемая моими друзьями и мною въ тотъ тостъ, который я теперь предлагаю—за гильдіи и Сити Лондона.

Затѣмъ Лордъ-меръ привѣтствовалъ присутствіе выдающагося иностранца, Синдика городского головы города Рима, прѣхавшаго въ Лондонъ благодарить Англійскій народъ за помощь, которую онъ оказалъ Италіи во дни ея бѣдствій.

Синдикъ города Рима сказалъ, что онъ желаетъ выразить свою благодарность и благодарность своей страны Лондонскому Сити и всей Британской Имперіи за сочувствіе и помощь, оказанныя Италіи въ одномъ изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій, извѣстныхъ въ исторіи. Эта помощь была достойна Англии и Англійскаго центра; и такъ какъ онъ имѣетъ выдающуюся честь принимать участіе въ данномъ случаѣ—въ принесеніи дани уваженія странѣ, которая борется за жизнь и свободу, то онъ желалъ-бы подчеркнуть, что это не первый случай, когда этотъ великій городъ поддерживалъ борющіеся націи. Его воспоминанія идутъ къ другимъ днямъ, когда другая страна боролась за свободу,—къ тѣмъ днямъ, когда итальянскіе патріоты думали, надѣялись и стремились къ объединенію Италіи и находили здѣсь, въ Лондонскомъ Сити, покровительство, помощь и сочувствіе. Лондонъ привѣтствовалъ ихъ героя Гарибальди. (Громкія одобренія). При такомъ случаѣ, какъ настоящій, онъ не можетъ не вспомнить тѣ дни и долженъ выразить одну надежду, чтобы Владычица Морей давно прошедшихъ дней, которая и теперь остается Владычицей Морей, объединялась-бы постоянно въ братской симпатіи съ народами всего міра, для прогресса человѣческой цивилизаціи.

Русскій посолъ, предлагая тостъ за Лордъ-мера, благодарилъ его за дружескія и гостепріимныя пожеланія, которыя онъ выразилъ, и донести о которыхъ Его Императорскому Величеству будетъ его обязанностью. Пожеланія о поддержаніи дружественныхъ чувствъ между Англійей и Россіей, вызываютъ отвѣтное эхо въ его соотечественникахъ въ Россіи и будутъ имѣть результатомъ укрѣпленіе мира и подъемъ благоденствія въ обѣихъ странахъ. Лордъ-меръ отвѣтилъ на этотъ тостъ нѣсколькими словами.

Послѣ обѣда я познакомился съ Синдикомъ города Рима и ректоромъ Римскаго Университета Тоннели, и высказалъ обоимъ мое восхищеніе передъ ихъ Вѣчнымъ Городомъ и увѣренность, что вскорѣ (въ 1911 году) намъ, русскимъ народнымъ представителямъ, удастся официально посѣтить

Римъ по случаю предстоящей тамъ Маждупарламентской конференціи и завязать при этомъ тѣсныя и дружественныя отношенія со своими коллегами изъ Италіанскаго Парламента. Оба они выразили сочувствіе этой мысли и сказали, что будутъ очень рады видѣть въ Римѣ представителей русскаго народа. Такимъ образомъ мысль о парламентскомъ визитѣ въ Римъ пушена въ оборотъ.

Въ четыре часа мы отправились на концертъ къ княгинѣ Долгорукой, англичанкѣ, вышедшей замужъ за русскаго. Здѣсь мы встрѣтили не только англичанъ, но и многочисленныхъ представителей Русской колоніи въ Лондонѣ, и я познакомился наконецъ съ отцомъ Смирновымъ, настоятелемъ нашей посольской церкви.

Обѣдалъ я сегодня въ ресторанѣ съ Н. А. Хомяковымъ и его дочерью, гр. Бобринскимъ и Маклаковымъ, причемъ спросили очень любимого въ Лондонѣ лобстера (омара) и знаменитую англійскую баранину, а запивали ихъ элемъ, чтобы придать чисто англійскій характеръ нашему обѣду.

Вечеромъ того-же дня Лондонскій Университетъ давалъ въ нашу честь „Конверсаціоне“ или раутъ, на который было разослано до 1000 приглашеній. Въ переполненномъ гостями залѣ съ широкой лѣстницей и хорами во второмъ этажѣ, насъ встрѣчалъ вице-канцлеръ Университета профессоръ Хилль. Вмѣстѣ съ нимъ были принципаль, докторъ Міерсъ и слѣдующіе члены университетскаго сената: Серъ Бескъ, Серъ Роллитъ, профессоръ Томсонъ, докторъ Томасъ Беззардъ, докторъ Грегори Фостеръ, Мистеръ Пирсъ Гульдъ, профессоръ Кольдекотъ, почтенный Дугласъ, докторъ Грагамъ Литль, докторъ Макъ-Колль, докторъ Ламбертъ Мирсъ, докторъ Фредерикъ Тайлоръ, Мистеръ Грагамъ Юлласъ, докторъ Юллеръ, докторъ Рессель Велсъ и докторъ Юлмслей.

Одинъ изъ профессоровъ взялъ меня подъ свое покровительство и повелъ осматривать университетъ, главнымъ образомъ его библіотеку, знакомя меня по пути то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ профессоровъ или гостей, среди которыхъ было очень много не только мужчинъ, но и дамъ и дѣвицъ въ академическихъ мантияхъ. Это все лица, получившія ученія степени въ Лондонскомъ или другихъ университетахъ. Въ Лондонскомъ университетѣ много женщинъ-студентокъ, а

общее число студентовъ около двухъ тысячъ. Англичане широко и даже недовѣрчиво открывали глаза, когда я говорилъ имъ, что это хорошее число, но, что въ Петербургскомъ и въ Московскомъ университетахъ, что-то разъ въ 6 и 7 больше студентовъ.

Я познакомился, между прочимъ, съ преподавателемъ русскаго языка и съ женою русскаго профессора Лондонскаго университета Лейта (Leiths), который получилъ назначеніе въ Канаду, въ городъ Торенто, въ St. Thomas hospital, и уѣзжаетъ на дняхъ туда. Съ ними я говорилъ по русски.

Госпожа Лейтъ приглашала меня навѣстить ее съ мужемъ, если я буду въ Канадѣ.

Часовъ въ одиннадцать мы оставили Университетъ и поѣхали къ Мистеру Мэкси, редактору одной изъ крупнѣйшихъ газетъ, фанатику усиленія англійскаго флота, такъ какъ онъ находится подъ вліяніемъ испуга передъ растущей морской мощью Германіи. Онъ принималъ насъ въ своемъ кабинетѣ; кругомъ обставленномъ шкафами и полками съ книгами, но почти лишенномъ мебели, кромѣ 3—4 стульевъ, такъ что собравшіеся человекъ 20—все во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ—бесѣдовали стоя. Среди англичанъ большинство были военные и моряки или писатели по военнымъ и морскимъ вопросамъ, которые и отъ насъ хотѣли получить свѣдѣнія о скорѣйшемъ возстановленіи русскаго флота и мощи русской арміи. На мое замѣчаніе, что мы не въ состояніи создать флотъ равный германскому, одинъ изъ моряковъ мнѣ отвѣтилъ, что этого они и не ждутъ отъ насъ, но они хотѣли-бы видѣть у насъ шесть броненосцевъ новаго типа, могущихъ явиться противовѣсомъ австрійскому флоту. Мы постарались не „засиживаться“ у Мистера Мэкси, такъ какъ на слѣдующій день надо было ѣхать въ Оксфордъ.

На вокзалѣ насъ встрѣтили профессоръ Оксфордскаго и Московскаго Университетовъ, Виноградовъ и хорошо говорящій по русски лаборантъ геологическаго кабинета Оксфордскаго Университета, Тома Томичъ Баркеръ, молодой англичанинъ только что вернувшійся изъ Россіи, куда онъ былъ командированъ Оксфордскимъ Университетомъ для усовершенствованія въ наукахъ подъ руководствомъ перваго въ мірѣ авторитета по кристаллографіи, директора С.-Петербургскаго Горнаго Института, Федорова. На вокзалѣ насъ встрѣтили еще

дочь и племянница Виноградова. Размѣстившись въ ожидавшіе насъ экипажи, мы поѣхали по удивительно красивому городу Оксфорду, главное украшеніе котораго составляютъ многочисленные похожіе на средневѣковые замки или монастыри колледжи, съ ихъ красивыми часовнями, мощными внутренними дворами, окруженными аркадами, съ высокими зубчатыми стѣнами старыхъ парковъ и садовъ и проч. Все это такого почтеннаго возраста и такъ сохранило характеръ былыхъ вѣковъ. Такъ, „Новый Колледжъ“ построенъ въ пятнадцатомъ столѣтіи, а новѣйшія постройки другого колледжа возведены *всею то* двѣсти лѣтъ тому назадъ. Мы опять подъ руководствомъ профессоровъ и фелловс-овъ осматривали богатая бібліотеки этихъ колледжей, въ томъ числѣ и знаменитую бібліотеку Бодлея (Bibliotheca Bodleiana), а также ихъ изящныя часовни, гуляли по прелестнымъ дворамъ и паркамъ, и къ часу дня пришли на завтракъ въ Магдаленъ-Колледжъ, одинъ изъ главнѣйшихъ въ Оксфордѣ. Здѣсь насъ встрѣтили вице-канцлеръ Оксфордскаго университета, президентъ Магдаленъ-колледжа докторъ Уорренъ и директоръ колледжа Ол-сулъ (Всѣхъ усопшихъ) Серъ Вилліамъ Энсонъ и много профессоровъ, среди нихъ находился другой, не менѣе Энсона знаменитый авторитетъ въ государственномъ правѣ, старикъ профессоръ Дайси, а также профессора: Голландъ, Виноградовъ, Марголіусъ, Готчъ-Поолтонъ, Киръ и Балдвинъ. Здѣсь же были Провостъ города Ворчестера и мэръ Оксфорда.

Въ концѣ завтрака, сервированнаго въ студенческой столовой Магдаленъ-колледжа, вице-канцлеръ провозгласилъ тостъ за Короля и Царя и сказалъ при этомъ, что русскій императоръ посѣщалъ этотъ Колледжъ, что сервисъ на высокомъ столѣ подаренъ императоромъ Александромъ его предшественнику, доктору Русъ и что онъ только желалъ-бы, чтобы теперешній Императоръ Россіи могъ посѣтить ихъ. Старикъ-профессоръ Энсонъ предложилъ тостъ за „Русскихъ гостей“, причемъ указалъ на то, что Оксфордскій университетъ слѣдитъ съ острымъ интересомъ за великимъ движеніемъ среди народовъ Запада и Востока, и когда онъ видитъ, какъ великій и дружественный народъ движется по пути, который англичане сами проходили, то онъ желаетъ ему полнаго успѣха. Отвѣчая на этотъ тостъ, графъ Бобринскій сказалъ, что въ дружбѣ и взаимномъ общеніи, Англія и

Россія, какъ онъ надѣется, будутъ жить въ ладу другъ съ другомъ, такъ какъ интересы Англіи—интересы мира, благосостоянія и процвѣтанія человѣчества.

Профессоръ Виноградовъ, говоря сперва по русски, а потомъ по англійски, предложилъ тостъ за русскіе Университеты. Ему отвѣчалъ профессоръ Милуковъ, сказавшій, что члены Думы пріѣхали сюда, чтобы усилить связь Русской и Англійской дружбы. Отъ имени русской интеллигенціи онъ выразилъ благодарность за труды Энсона, Дайси и Брайти, служащіе намъ настольными книгами для изученія теории и практики государственнаго права, и закончилъ тостомъ за Оксфордскій университетъ.

Въ отвѣтъ на это, вице-канцлеръ сказалъ, что онъ желалъ-бы, чтобы здѣсь были студенты, которые теперь, къ сожалѣнію, отсутствуютъ по случаю вакансій, чтобы выразить своимъ сердечнымъ способомъ тотъ интересъ, который какъ онъ знаетъ, они питаютъ къ русскому визиту. Онъ совершенно увѣренъ, что если-бы когда нибудь могла быть организована регатта (гребная гонка) на Невѣ, оксфордскіе студенты съ радостью посѣтили-бы тамъ своихъ русскихъ коллегъ. (Слушайте, слушайте).

Послѣ завтрака продолжался осмотръ колледжей и другихъ учреждений. Мы особенно заинтересовались помѣщеніемъ университетскаго Союза, основаннаго въ 1823 году. Союзъ этотъ извѣстенъ въ Оксфордѣ подъ именемъ Юніонъ Сосайети (Union Society); онъ составляетъ университетскій клубъ, въ которомъ объединены всѣ клубы отдѣльныхъ Колледжей. Помѣщеніе союза состоитъ изъ многихъ залъ, столовой, курительной, библіотеки, читальни, пріемной, гостиной и др., при немъ-же находятся площадки для спорта, чудесныя лужайки и пр. Стѣны библіотеки союза покрыты почти уже стершимися и вылинявшими фресками работы Бернъ Джонса, Данте, Габріэли Россети и др. рафаэлистовъ. Въ особенности глубокое впечатлѣніе произвелъ на гостей видъ комнаты для дебатовъ, которая представляетъ изъ себя какъ-бы копію англійской Палаты Общинъ по своему устройству; здѣсь не только диваны, столы, мѣсто предсѣдателя и пр. были разставлены точно также, какъ въ палатѣ, но и темы для дебатовъ, показанныя на большихъ листахъ бумаги, были тоже чисто парламентскія. Въ этой комнатѣ

студенты вели оживленные дебаты по вопросамъ о гомрулѣ, флотѣ, Entente Cordiale, отчетѣ комиссіи о бѣдныхъ и о многихъ другихъ злободневныхъ, животрепещущихъ политическихъ вопросахъ.

Окончивъ осмотръ колледжей, мы отправились въ колледжъ „Тѣла Христова“ на гарденъ парти (пріемъ въ саду), устроенный въ нашу честь профессоромъ Виноградовымъ и его супругой. Многочисленное общество, состоявшее преимущественно изъ профессоровъ, доцентовъ и ихъ семей, разбилось на группы, стоявшія и гулявшія по прекрасному англійскому газону, другіе тутъ-же сидѣли на стульяхъ, разставленныхъ тоже на газонѣ, такъ какъ здѣсь не боялся топтать травы. Я познакомился, между прочимъ, съ двумя англичанками, изъ которыхъ одна, устроительница образовательныхъ поѣздокъ, спрашивала меня, какъ и куда лучше организовать такую поѣздку въ Россію, а другая интересовалась дѣятельностью обществъ покровительства животныхъ и организаціей боенъ въ Россіи. Незбѣжный фотографъ также появился въ саду, но никакъ не могъ выбрать надлежащаго мѣста; вскорѣ мы его увидѣли въ окнѣ колледжа, потомъ онъ поднялся этажомъ выше, и наконецъ выбралъ тамъ окно, изъ котораго и снялъ нѣсколько группъ съ гостей, собравшихся въ саду.

Вернувшись въ Лондонъ, мы облачились во фраки и отправились на обѣды. Гучковъ, Звегинцевъ, гр. Бобринскій, Стаховичъ, гр. Олсуфьевъ и я обѣдали у лорда Уирделя. Мой извозчикъ, перепутавъ адресъ, повезъ меня куда-то далеко, тогда какъ я помнилъ, что лордъ Уирдель живетъ совсѣмъ недалеко отъ нашей гостиницы. Выяснивъ, что извозчикъ не знаетъ, гдѣ улица Карлтонъ Гарденсъ, гдѣ живетъ лордъ Уирдель, я долженъ былъ взять автомобиль, который и повезъ меня назадъ, и минутъ черезъ 10 довезъ таки, куда слѣдовало. Уже въ передней лакей подаль мнѣ въ конвертикѣ карточку съ именемъ той дамы, которую я долженъ былъ вести къ столу. Это, конечно, мнѣ ничего не сказало и возбудило лишь небольшое опасеніе, неужели я самъ долженъ буду ее отыскивать, такъ какъ можетъ быть уже былъ ей гдѣ нибудь представленъ, но при своей близорукости не найду ее. Но мое опасеніе быстро разсѣялось, когда леди Уирдель, какъ только я вошелъ въ гостинную,

подвела меня къ молодой дѣвушкѣ и представила ей, какъ ея сосѣда за столомъ. Я пріѣхалъ съ нѣкоторымъ опозданиемъ, но здѣсь считается невѣжливымъ прійти раньше срока, опоздать-же можно и довольно значительно. Еще позже меня пріѣхалъ графъ Олсуфьевъ, а Милюковъ, котораго поджидали къ обѣду, такъ и не пріѣхалъ вовсе. Это былъ свѣтскій обѣдъ, мужчинъ, кромѣ насъ, было кажется только два или три. Моя дама, миссъ Уиндгамъ, оказавшаяся племянницей лорда Розбери, очень мило болтала по французски. Съ другой стороны моей сосѣдкой была красивая дама, на видъ лѣтъ 30, очень удивившая меня, сказавъ, что была въ Греціи 24 года тому назадъ, вскорѣ послѣ того, какъ вышла замужъ. Вообще, очень трудно угадывать возрастъ англичанъ: мужчины всѣ почти бритые, розовые, свѣжіе, а дамы, по крайней мѣрѣ для близорукаго, кажутся очень молодыми, когда изъ разговора узнаешь, что имъ уже за 40, а то и за 50 лѣтъ.

По окончаніи обѣда дамы ушли; подали сигары, кофе и ликеры, и мы сдвинулись тѣснѣе на одинъ конецъ стола. Предлагая мнѣ выпить рюмку вина, одинъ изъ гостей, лордъ Нересборо, которому вѣроятно далеко за 60, какъ и самому лорду Уирделю, обратился къ послѣднему со словами: „Филиппъ, передай мадеру“. Для нашего уха какъ-то странно звучало въ устахъ чопорнаго и важнаго, по нашему представленію, лорда это дружеское обращеніе по имени къ другому, такому-же старому лорду. Этотъ-же лордъ Нересборо, обращая мое вниманіе на кристаллическій мелкій сахаръ, который здѣсь принято подавать къ кофе и только къ кофе, спросилъ меня, даютъ-ли такой-же сахаръ у насъ, въ Россіи. Когда я отвѣтилъ отрицательно, онъ выразилъ мысль, что моей женѣ будетъ вѣроятно интересно попробовать такой сахаръ и предложилъ прислать мнѣ его. Я неосторожно сказалъ, что моя дѣвочка очень любить все сладкое и что ее этотъ сахаръ вѣроятно позабавитъ. Тѣмъ не менѣе на слѣдующій день лордъ Нересборо прислалъ мнѣ жестянку кристаллическаго сахара при любезномъ письмѣ, въ которомъ сообщаетъ, что такой сахаръ постоянно употреблялся въ домѣ его отца, лѣтъ 50 тому назадъ, такъ что вѣроятно къ этому есть основательная причина.

У англичанъ есть удивительная смѣсь высокой, многовѣковой, наслѣдственной культурности и образованности съ какой-то милой, слегка какъ-бы дѣтской наивностью. Они подчасъ громко смѣются своимъ неособенно смѣшнымъ остроумамъ, выражаютъ благоговѣнное удивленіе прекрасно имъ знакомымъ старымъ традиціямъ, зданіямъ, установленіямъ и очень, кажется, удивлялись тому, что мы не удивлялись и не останавливались съ открытымъ ртомъ передъ совершенно новыми для насъ, какъ они въ глубинѣ души думали, проявленіями и приобрѣтеніями ихъ старой культуры. Эта наша освоенность, если можно такъ выразиться, съ культурными сторонами жизни, вмѣстѣ съ обычной простотой и естественностью русскаго обращенія были причинами того, что англичане, какъ они намъ сами говорили, къ собственному удивленію чувствовали себя съ нами сразу очень просто, какъ давнишніе знакомые. Мы также очень цѣнили простую, ровную привѣтливость, лишенную всякой чопорности или стѣсненій въ обращеніи англичанъ съ нами, дѣйствительно ставившую насъ сразу въ положеніе старыхъ, близкихъ знакомыхъ. Послѣ кофе мы вернулись къ дамамъ, въ гостиную, куда стали подѣзжать другіе гости. Среди нихъ была и та леди, которой лордъ Уирдель представилъ меня на раутѣ у спикера, какъ живому доказательству, что и въ Англіи есть красивыя женщины. Она узнала меня и поклонилась первая, послѣ чего я поспѣшилъ подойти къ ней. Здѣсь принято ожидать, чтобы дама, которой вы были представлены, поклонилась первая и тѣмъ показала, что она желаетъ считать васъ знакомымъ; самому-же первому кланяться дамѣ было бы невѣжливой навязчивостью на знакомство.

Когда въ двѣнадцатомъ часу я замѣтилъ, что всѣ наши уже разошлись, я тоже откланялся хозяйкамъ и пошелъ домой пѣшкомъ по совершенно обезлюдившимъ аллеямъ Молль и Сентъ-Джемскаго Парка. Въ послѣднемъ я встрѣтилъ лишь нѣсколькихъ молодыхъ людей въ трико и безъ шляпъ дѣловито бѣжавшихъ гимнастическимъ шагомъ, вѣроятно тренировавшихся спортсменовъ; и очевидно ни костюмъ ихъ, ни ночной бѣгъ не смущали англійскихъ полисменовъ.

Второе воскресенье, проводимое нами въ Англіи, было посвящено загороднымъ поѣздкамъ; я присоединился къ той группѣ, которая, воспользовавшись приглашеніемъ леди Нор-

склифъ, поѣхала въ ея помѣстья Сеттонъ Плэсъ. Норсклифы очень интересные люди. Начавъ мелкимъ литераторомъ, Норсклифъ теперь владѣлецъ Таймса и главный пайщикъ полдюжины другихъ крупныхъ англійскихъ газетъ. Онъ первый удешевилъ англійскія газеты, создавъ маленькую газету за полъ пени—2 к., которая и дала ему имя и первые средства. Выпустивъ потомъ большую газету за пени, т. е. 4 к., онъ сдѣлалъ цѣлую революцію въ ежедневной прессѣ, и составилъ себѣ состояніе такъ сказочно быстро, что теперь, когда ему нѣтъ еще 50 лѣтъ, (на видъ этому коренастому, цвѣтущему, буржуазнаго типа господину, съ широкимъ, умнымъ, энергичнымъ лицомъ нѣтъ и 40 лѣтъ) онъ не затрудняясь могъ уплатить на слѣдующій день проигрыша процесса синдикату пивныхъ заводчиковъ, за убытки, причиненные послѣднимъ, поднятой имъ въ прессѣ компаніей, полъ милліона рублей наличными деньгами. За большія услуги, оказанныя его прессой либеральной партіи на послѣднихъ выборахъ Норсклифъ сдѣланъ недавно лордомъ. Теперь это одно изъ вліятельнѣйшихъ лицъ въ Англіи. Леди Норсклифъ еще довольно молодая и красивая женщина, дѣлала прежде переводы и выборки изъ статей для мужа и переписывала его статьи, чтобы не платить переписчику, а теперь,—какъ прежде труды публициста—дѣлитъ съ нимъ хлопоты и заботы новаго вліятельнаго положенія.

Проѣхавъ около часа по желѣзной дорогѣ, мы прибыли на станцію, гдѣ насъ ждалъ десятокъ автомобилей (кроме насъ, русскихъ, пріѣхали еще и многіе другіе гости), высланныхъ за нами лордомъ Норсклифомъ. Минутъ двадцать ѣзды между ярко-зелеными англійскими полями, и мы въѣхали въ старыя аллеи помѣстья нашего хозяина. Самый домъ—двухъ-этажное зданіе въ стилѣ или подъ вліяніемъ итальянскаго ренессанса, выстроено между 1520 и 1530 годами однимъ любимцемъ Генриха VIII; и королева Елизавета была здѣсь. Это первый деревенскій домъ англійскаго аристократа, выстроенный не по типу замковъ, безъ всякихъ приспособленій для защиты. Будучи лишь пожизненнымъ владѣльцемъ, такъ какъ раззорившіеся потомки придворнаго Генриха VIII не имѣютъ права продать свое помѣстье, лордъ Норсклифъ отремонтировалъ и меблировалъ его въ стилѣ времени Генриха VIII и Елизаветы. Но особенно хорошъ паркъ, съ его

громадными лужайками, громадными вѣковыми кедрами, каштанами, тѣнистыми дубовыми и липовыми аллеями, садами розъ, прудами съ спускающимися къ нимъ террасами зелени и прочее. Фономъ ландшафта, открывающагося при выходѣ въ паркъ, служатъ мягко округленные, зеленые холмы по ту сторону долины, въ которую постепенно спускается паркъ. Въ ожиданіи завтрака гости разсыпались по парку, и лишь немногіе остались въ домѣ или около него. Моимъ собесѣдникомъ оказался хорошо говорящій по французски, братъ перваго лорда адмиралтействъ (морского министра) Макъ-Кенна.

Гуляя съ нимъ по парку, какъ до завтрака, такъ и послѣ него, мы часа два бесѣдовали о различныхъ предметахъ. Такъ онъ развивалъ мысль, что громадное различіе въ имущественномъ положеніи различныхъ классовъ и численный ростъ пролетаріата, являются темной стороной и даже угрозой въ Англійской общественной жизни, такъ что мы въ Россіи находимся въ лучшемъ положеніи. Далѣе онъ говорилъ, что считаетъ помѣщеніе денегъ въ русскія бумаги, для лицъ не нуждающихся въ ихъ спѣшной реализаціи, самымъ выгоднымъ и надежнымъ, и что онъ не только помѣщаетъ свои свободныя деньги въ русскіе государственные займы, но и постоянно совѣтуетъ своимъ знакомымъ дѣлать тоже. Потомъ мой собесѣдникъ обратилъ мое вниманіе на измѣненіе англійскихъ, прежде столь строгихъ нравовъ; „что сказали-бы наши бабушки, при видѣ этой дѣвушки“, онъ указалъ на одну изъ гостей, „а, вѣдь, это несомнѣнная аристократка“. Молодая дѣвушка была одѣта по послѣдней модѣ, въ платьѣ изъ розовой прозрачной кисеи, совершенно безъ юбокъ, такъ что при всякомъ дуновеніи вѣтра, легкая ткань прилегала къ тѣлу и не только ясно обрисовывала всѣ его контуры, но позволяло даже рассмотреть малѣйшія складки его.

За завтракомъ, сервированномъ на небольшихъ столикахъ, которыхъ было до десяти въ столовой, я сидѣлъ между хозяйкой и господиномъ, котораго она мнѣ рекомендовала, какъ виднѣйшаго и вліятельнѣйшаго лондонскаго литератора (фамилію его я, къ сожалѣнію, не разслышалъ, и вообще мы сплошь и рядомъ оставались въ невѣдѣніи съ кѣмъ насъ знакомили, а тѣмъ паче, кто были, остальные гости).

Горячий поклонникъ Тургенева и Толстого, но только какъ поэта, котораго онъ все-же ставитъ ниже Тургенева, онъ спрашивалъ меня о Россіи, объ аграрномъ вопросѣ, о Столыпинѣ, о современномъ положеніи внутренней политики и проч. За этимъ-же столомъ сидѣла сгорбленная старушка, лѣтъ 70, леди Доротеа, фамилію я опять не разобралъ, извѣстная писательница, очень любимая въ обществѣ, какъ веселая, остроумная, но незлобивая собесѣдница; но мой сосѣдъ такъ завладѣлъ мною, что мнѣ не пришлось говорить съ леди Доротеей. Послѣ завтрака я разговаривалъ еще съ двумя американками, одна изъ которыхъ съ чисто американской безцеремонностью перехватила меня, когда я съ кѣмъ-то проходилъ мимо нея. Она говорила, что интересуется Россіей, гдѣ уже бывала въ Петербургѣ и Москвѣ; рассказывала, что была дружна съ Маріей Башкирцевой, потомъ перешла на социальные вопросы и рекомендовалась, какъ сестра извѣстнаго борца противъ трестовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, чуть-ли не Брайана. Пятичасовой чай былъ поданъ подъ громаднымъ кедромъ, и собралъ вмѣстѣ большую часть общества; послѣ него мы стали прощаться и возвратились въ Лондонъ, гдѣ были рады возможности провести вечеръ спокойно дома. Утомленіе отъ постоянныхъ собраний, завтраковъ и обѣдовъ въ незнакомомъ обществѣ, уже значительно давало себѣ чувствовать.

Въ этотъ-же день, въ роскошномъ дворцѣ американскаго милліардера Астора, состоялся обѣдъ въ честь русскихъ гостей, на которомъ присутствовали графъ Бобринскій и Маклаковъ, а изъ англійскихъ политическихъ дѣятелей Бальфуръ и бывший вице-Король Индіи лордъ Керзонъ. Во время обѣда Бальфуръ въ рѣчи своей выразилъ, между прочимъ, ту мысль, что въ интересахъ Россіи было-бы, чтобы во главѣ ея стало солидарное министерство, проникнутое однородными взглядами, задачами и цѣлями.

На слѣдующее утро мы были приглашены Генераль-Почтмейстеромъ (министромъ Почтъ и Телеграфовъ) осмотрѣть Лондонское центральное зданіе почтъ и телеграфовъ и всю технику почтово-телеграфнаго дѣла въ ходу. П. Н. Милоковъ познакомился съ нимъ за какимъ-то обѣдомъ и провелъ у него въ деревнѣ почти весь день наканунѣ. Въ общей сложности осмотръ только нѣкоторыхъ наиболѣе интересныхъ

отдѣлений почтамта занялъ около полутора часовъ. Осмотрѣны были три отдѣленія: телеграфное, телефонное и пневматическое, но и то лишь нѣкоторыя интересныя части ихъ.

Передняя комната телеграфнаго отдѣленія представляла изъ себя какъ-бы центръ нервнаго узла Англій. Здѣсь помѣщаются около 800 аппаратовъ, наполняющихъ оглушительнымъ шумомъ громадную залу. Казалось, что гдѣ то по близости грохочетъ невидимый водопадъ; бѣшеніе лихорадочной, напряженной жизни чувствовалось здѣсь. Изъ розданнаго депутатамъ краткаго печатнаго отчета о работѣ центральной телеграфной станціи въ Лондонѣ, они могли узнать, что количество телеграммъ, проходящихъ черезъ эту станцію, достигаетъ 120.000 — 165.000 въ день. Бываютъ дни, какъ напримѣръ 25 іюня 1909 г., когда эта цифра равняется 300.000. Ежедневно отправляется 20—25 тысячъ однѣхъ заграничныхъ телеграммъ. При этомъ надо замѣтить, что число словъ въ телеграммахъ, особенно газетныхъ, внутри Англій громадно. Отчеты о парламентскихъ дебатахъ и другихъ событіяхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ состояли изъ милліона словъ. Центральную станцію обслуживаютъ около 4000 телеграфистовъ обоюго пола, кромѣ учениковъ, старшихъ чиновъ и пр.

Изъ объясненій, даваемыхъ проводниками, депутаты познакомились съ различными системами работающихъ на станціи аппаратовъ; рядомъ съ Морзъ Саундерсъ'омъ, пропускающихъ 25 словъ въ минуту, автоматическій аппаратъ Витстона, дающій въ минуту 160 словъ и самъ отпечатывающій чертежи по линіи (оба эти аппарата по одной проволоки могутъ посылать одновременно по двѣ и четыре депеши); тамъ Юзъ, здѣсь Бодэ, Маретъ и другіе представители всевозможныхъ системъ, изъ которыхъ нѣкоторые еще только испытываются. Одинъ изъ этихъ аппаратовъ, поставленный какой-то фирмой для испытанія и воспроизводящій почеркъ подлинной телеграммы, особенно привлекъ къ себѣ вниманіе депутатовъ. При осмотрѣ этого послѣдняго, депутатовъ ждалъ сюрпризъ: неожиданно штифтикъ началъ вырисовывать слова, которыя въ русскомъ переводѣ значить: „Весьма рады! Надѣмся, члены Думы довольны визитомъ въ Лондонъ“. Эта телеграмма, очевидно, явилась въ отвѣтъ на сообщеніе телеграфистки въ контору фирмы о посѣщеніи русскихъ.

Заинтересовало депутатов и телефонное отделение, особенно же система передачи телеграммы через пневматическую трубу. Некоторые депутаты даже сами пробовали вкладывать бумажные футляры с телеграммами в трубу, и движением рычага передавать их в одно мгновение на одну или две мили разстояния.

Насъ провели прежде всего в кабинетъ министра, который, извинившись, что очень занятъ и не можетъ лично показать намъ работу своего вѣдомства, передалъ насъ подъ руководство нѣсколькихъ высшихъ чиновниковъ, которые и повели насъ по различнымъ отдѣламъ. Я спѣшилъ уйти, чтобы не опоздать къ лорду Уирделю, и поэтому могъ лишь очень поверхностно осмотрѣть это сложнѣйшее дѣло. Выйдя изъ почтамта, я не нашелъ сразу извозчика и проблуждалъ нѣкоторое время по узкимъ, грязнымъ улицамъ стараго города, и попалъ на какой то овощной рынокъ раньше, чѣмъ нашелъ, наконецъ, таксомоторъ.

У Лорда Уирделя завтракали только Звегинцевъ и я, приглашенные имъ, чтобы переговорить о дѣлахъ Междупарламентскаго Союза. Послѣ завтрака мы втроемъ съ лордомъ Уирделемъ помѣстились въ его садикѣ, выходящемъ на аллею Молль, широчайшій бульваръ, идущій отъ Сентъ-Джемскаго Парка къ Букингемскому дворцу, и здѣсь лордъ Уирдель знакомилъ насъ съ подробностями организаціи Союза и съ междугрупповыми отношеніями въ другихъ государствахъ. Мы обсуждали также какъ войти въ болѣе тѣсное общеніе съ другими группами Союза вообще, а съ Англійской въ особенности. Затѣмъ лордъ Уирдель развивалъ мысль о необходимости организовать въ 1911 году русскую выставку въ Лондонѣ, и совѣтовалъ при этомъ не передавать дѣло всецѣло въ руки предпринимателей, которые сейчасъ готовы взяться за это дѣло, но сохранить за русскимъ комитетомъ главное руководство и рѣшающій голосъ. Мы заговорились у лорда Уирделя такъ, что уже поздно было идти на чай къ герцогинѣ Веллингтонъ, поэтому Звегинцевъ и я рѣшили идти пѣшкомъ на фэйфъ-о-клокъ-ти (пятиминутной чай) къ мистеру Бюнтингу, издателю Лондонскаго консервативнаго органа.

Наши товарищи, бывшіе у герцогини Веллингтонъ, рассказывали, какъ любезно герцогиня, ея дочь и самъ герцогъ

показывали имъ свой дворецъ, наполненный реликвіями ихъ предка, великаго побѣдителя при Ватерлоо. Въ столовой за чаемъ было такъ мало стульевъ, что сидѣли только герцогиня съ дочерью и русскіе гости, а герцогъ и присутствовавшіе его пріатели пили чай стоя.

У мистера Бюнтинга мы встрѣтили демократическое консервативное общество, привыкшее смотрѣть на Россію сквозь очки черносотенной прессы (корреспонденціи Диллона). Я разговаривалъ между прочимъ съ одной фанатической ирландкой, довольно рѣзко осуждавшей Англію. Среди гостей былъ и знаменитый генералъ Арміи Спасенія—Бутсъ.

Обѣдать мы были приглашены къ мистеру Санктъ Ло Страчей, издателю Спиктерора. Меня опять извозчикъ повезъ не на „Заставу Королевы Анны“, неподалеку отъ нашего отеля, гдѣ живетъ Страчей, а на „Улицу Королевы Анны“, довольно далеко въ сторону, гдѣ я, конечно, Страчей не нашелъ. Я долженъ былъ вернуться назадъ и пріѣхалъ на обѣдъ съ еще большимъ опозданіемъ, чѣмъ къ лорду Уирделю, когда гости уже сидѣли за столомъ. Моей дамой оказалась супруга архіепископа Кентерберрійскаго, сѣдая дама въ бальномъ платьѣ, съ которой я бесѣдовалъ о вѣроисповѣдныхъ законахъ, о преобразованіи мѣстнаго самоуправления Россіи и другихъ предстоящихъ реформахъ. Моей сосѣдкой съ другой стороны была миссъ Бальфуръ, пожилая сестра и хозяйка бывшаго консервативнаго премьера. Говоря съ ней о мѣстныхъ особенностяхъ различныхъ гостей Россіи, я познакомилъ ее съ былыми вольностями свободнаго казачества, и на ея просьбу, объяснить различіе русскихъ партій, далъ ей, повидимому понравившіяся, слегка юмористическія характеристики всѣхъ нашихъ партій, не исключая, конечно, и своей. Съ другой стороны миссъ Бальфуръ сидѣлъ Архіепископъ Кентерберрійскій, а по правую руку жены его, лидеръ оппозиціи Бальфуръ и затѣмъ П. Н. Милуковъ, Асквиту и А. И. Гучковъ сидѣли за другимъ столомъ.

По окончаніи обѣда, когда дамы ушли, а мужчины сгруппировались всѣ за однимъ столомъ, общество какъ-то само собою разбилось на двѣ группы: гр. Вл. Ал. Бобринскій, Ал. Ив. Гучковъ и другіе, присутствовавшіе на обѣдѣ октябристы, окружили Бальфура, а къ Асквиту подѣли Милуковъ и я. Онъ спрашивалъ насъ объ организаціи выборовъ и груп-

пировкъ партій въ Думѣ. Вскорѣ и мы перешли въ гостиную, гдѣ уже собралось многочисленное общество политическихъ и общественныхъ дѣятелей, а также литераторовъ и ихъ семействъ.

Въ числѣ гостей былъ графъ Бенкендорфъ, выражавшій намъ удовольствіе по поводу такъ хорошо удавшегося нашего посѣщенія Англіи, устранившаго всѣ препятствія къ пріѣзду Государя въ Англіійскія воды, о чемъ онъ телеграфировалъ, по его словамъ, въ Петербургъ. Далѣе нашъ посолъ говорилъ намъ, что онъ не перестаетъ доносить въ Петербургъ о необходимости держать народныхъ представителей въ курсъ международной политики, такъ какъ только поддержка народныхъ представителей даетъ силу дипломатіи. Потомъ онъ расхваливалъ Сера Грея, способность котораго быстро охватывать каждый вопросъ и давать ему государственную постановку, доставляетъ истинное удовольствіе работать съ нимъ. Такъ, на примѣръ, еще сегодня, говорилъ графъ Бенкендорфъ, серъ Эдуардъ Грей, на сообщеніе его о посылкѣ русскаго отряда въ Персію, отвѣтилъ цѣлымъ, точно и ясно сформулированнымъ планомъ совмѣстнаго Англо-Русскаго воздѣйствія въ Персіи. Предусмотрѣвъ многія вѣроятныя перспективы, Грей быстро изложилъ свои взгляды даже на бумагѣ, сводя ихъ къ заявленію, что Англія готова идти съ нами въ Персію въ cooperation, какъ угодно далеко, но „ради Бога не доводите до condominium, хотя я понимаю, что обстоятельства могутъ насъ вынудить дойти и до condominium“.

Послѣ разговора съ графомъ Бенкендорфомъ я обмѣнялся еще нѣсколькими словами съ серомъ Эдуардомъ Греемъ весь вечеръ говорившимъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ насъ. Было еще нѣсколько англійскихъ министровъ у любезнѣйшаго и вліятельнѣйшаго издателя Спиктетора, считающихъ очень удобнымъ встрѣчаться съ интересующими ихъ людьми на такой неофициальной почвѣ.

Настало 6 Іюля (23 Іюля), послѣдній день нашего пребыванія въ Англіи, посвященный королевскимъ регатамъ (лодочнымъ гонкамъ) на Темзѣ въ Генлей и завтраку въ замкѣ члена парламента Вилліама Фредерика Смиса, будущаго викаонта Гамблонъ, члена комитета по устройству регатъ). Эти гонки для англичанъ не только забава, но серьезное націо-

нальное дѣло, и вся страна ликуетъ при побѣдѣ и опечалена при пораженіи англійскихъ гребцовъ—гребцами другой національности, какъ это было на примѣръ въ этомъ году, когда побѣдили Бельгійцы.

На Лондонскомъ вокзалѣ насъ ждалъ специальный вагонъ и около него старшина Генлейскаго гоночнаго клуба, знатный лордъ, типичный англичанинъ спортсменъ, сокрушавшійся, что англійская молодежь не стоитъ на должной высотѣ: не относится съ надлежащей серьезностью къ спорту, и потому даетъ побѣждать себя иностранцамъ. На вокзалѣ въ Генлей насъ встрѣтилъ мѣстный мэръ въ красной мантии, въ предшествіи слугителя съ булавою и въ сопровожденіи четырехъ совѣтниковъ, тоже въ красныхъ мантияхъ. Мэръ прочелъ и вручилъ намъ привѣтственный адресъ. На привѣтствіе мэра отвѣтили Шидловскій и Милуковъ. На пристани насъ ждалъ специальный пароходъ, повезшій насъ по Темзѣ, среди массы сновавшихъ во всѣхъ направленіяхъ лодочекъ съ зрителями, ожидавшими гонокъ, къ директорскимъ трибунамъ главнаго клуба. Вскорѣ начались гонки восмерокъ, четверокъ и одиночекъ, въ которыхъ, для незнакомаго съ этимъ видомъ спорта, наиболѣе любопытнымъ является, пожалуй, то состояніе изнеможенія и страданія отъ усталости, въ которомъ кончаютъ гонку многіе гребцы, нерѣдко падающіе, говорятъ въ обморокъ съ послѣднимъ ударомъ весла. Въ бесѣдку пришли два русскіхъ студента Оксфордскаго университета, участвующіе въ гонкѣ на восмеркахъ, но ихъ очередь была послѣ завтрака, и я уже не видѣлъ ихъ гонки.

Пошелъ дождь и публика стала прятаться какъ могла, а мы на томъ-же пароходѣ поѣхали вверхъ по Темзѣ на завтракъ къ мистеру Смисъ, въ его прелестной усадьбѣ, среди роскошнаго сада, на берегу рѣки. Отецъ этого господина былъ мелкимъ книготорговцемъ, разбогатѣлъ организовавъ книжную торговлю въ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ. Впослѣдствіи онъ былъ морскимъ и военнымъ министромъ, и женилъ сына на близкой родственницѣ лорда Салисбюри. Этотъ завтракъ отличался отсутствіемъ тостовъ и легкими деревенскими и спортивными костюмами хозяевъ и гостей (на регаты считается неприличнымъ ѣхать въ спортухѣ), а также присутствіемъ за столомъ дѣтей хозяевъ. Послѣ завт-

рака П. Н. Милюкова и меня хозяева отправили въ автомобиль на вокзалъ, такъ какъ мы спѣшили въ этотъ-же вечеръ уѣхать въ Парижъ, а наши товарищи, оставлявшіе Лондонъ лишь на слѣдующій день, возвратились въ клубъ смотрѣть конецъ гонокъ.

В. А. Маклаковъ и С. Н. Максудовъ завтракали въ этотъ день у Асквита, жена котораго пригласила ихъ наканунѣ у Страчей. Здѣсь, между прочимъ, они бесѣдовали съ молодой дочерью Асквита, съ завидной увѣренностью говорившей имъ, что хоть аристократы-консерваторы и не любятъ ихъ (либераловъ-демократовъ), но никогда болѣе не побѣдятъ ихъ. Эта-же нотка классовой розни звучала слегка и у мистрисъ Асквитъ, съ гордостью говорившей наканунѣ А. И. Гучкову, что она и мужъ ея, нынѣ премьеръ, начали свою карьеру лавочниками.

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Англіи, участники поездки опубликовали въ Англійскихъ газетахъ слѣдующее письмо къ пригласившимъ ихъ представителямъ англійскаго общества:

„Въ виду того, что наше, въ вышей степени пріятное пребываніе въ Англіи близится теперь къ концу, мы обращаемся къ вамъ съ просьбою принять нашу самую искреннюю благодарность за заботы, которыя вы взяли на себя, принимая насъ. Мы знаемъ, сколько трудовъ нужно было положить, чтобы всѣ части программы прошли такъ гладко, какъ это было въ дѣйствительности. Но больше всего, мы тронуты сознаніемъ, что всѣ эти труды были сердечнымъ выраженіемъ искренней доброжелательности по отношенію къ намъ и къ нашей странѣ. Мы надѣемся, что наступитъ время, когда вы или другіе англичане или шотландцы дадите намъ возможность показать въ Россіи, насколько эти добрыя чувства взаимны. Мы увѣрены, что такое широкое гостепріимство, какое вы намъ оказали, является однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ путей, для болѣе тѣснаго сближенія нашихъ странъ и поэтому содѣйствуетъ осуществленію страстнаго желанія, делѣмаго, какъ мы думаемъ, и въ Англіи и въ Россіи“.

ГЛАВА VII.

Переѣхавъ ночью черезъ проливъ на очень большомъ французскомъ пароходѣ, мы съ П. Н. Милюковымъ, рано утромъ 7-го Іюля—24-го Іюня, были уже въ Парижѣ, а къ 11 часамъ я отправился къ сенатору д'Эстурнель де Констанъ. Этотъ, небольшого роста, живой, энергичный французъ упрекнулъ меня за излишнюю, затруднявшую ему организацію нашего приѣма, скромность или осторожность, проявленную нами усиленнымъ подчеркиваніемъ, что мы лишь частнымъ образомъ, лишь предварительно заѣзжаемъ въ Парижъ. „Этой точки зрѣнія, говорилъ онъ дальше, нельзя внушить широкимъ кругамъ общества, для него всегда официальные представители Думы. Кромѣ того, надо всегда использовать въ каждомъ политическомъ моментѣ, по возможности, все, что онъ представляетъ выгодного. Для васъ же русскихъ, для укрѣпленія вашего конституціоннаго положенія народныхъ представителей, очень важно и выгодно быть принятыми въ качествѣ товарищей представителями французскаго народа“. Затѣмъ д'Эстурнель де Констанъ изложилъ мнѣ планъ нашего приѣма и сказалъ, что намъ необходимо выставить двухъ-трехъ ораторовъ для отвѣта на цѣлый рядъ привѣтственныхъ рѣчей на банкетѣ. Мы условились встрѣтиться съ нимъ въ Палатѣ депутатовъ въ два часа, и я отправился къ знакомымъ представителямъ другой французской Междупарламентской группы: виконту де Ла Батю и Менье, но не засталъ ихъ дома, а также завезъ карточки въ русское посольство и консульство. Въ кабинетѣ господина Рей, чиновника канцеляріи палаты, составляющаго сводки свѣдѣній о дѣятельности всѣхъ законодательныхъ представительныхъ палатъ и секретаря д'Эстурнеля по парламентской группѣ третейскаго суда, я встрѣтилъ члена Го-

сударственного Совѣта Александра Васильевича Васильева, одного изъ участниковъ поѣздки членовъ первой Государственной Думы въ Лондонъ на Междупарламентскую конференцію 1906 года.

Д'Эстурнель, поглощенный послѣдними хлопотами по нашему приѣму, забѣжалъ на минутку и передалъ насъ на попеченіе члена Палаты Рейнака, который и повелъ насъ въ засѣданіе Палаты. Проходя черезъ кулуары, онъ остановился передъ совсѣмъ бѣлымъ, но бодрымъ старикомъ съ очень знакомымъ мнѣ лицомъ, и представилъ насъ ему. Старичекъ спросилъ насъ велико ли давленіе нашего правительства на выборы, я ему отвѣтилъ, что хотя давленіе и есть, но сила его не очень велика, такъ какъ оно не могло помѣшать тому, что треть состава Думы оппозиціонна, а избранныя двѣ трети болѣе праваго направленія прошли не столько благодаря давленію правительства на выборы, сколько вслѣдствіе испуга состоятельныхъ классовъ передъ призракомъ социальной революціи. Испугъ этотъ въ значительной мѣрѣ прошелъ, и я убѣжденъ, что если-бы сейчасъ произвести новые выборы, то составъ Думы оказался-бы либеральнѣе теперешняго. „Какъ! даже при новомъ избирательномъ законѣ?“, воскликнулъ мой собесѣдникъ, и спросилъ затѣмъ, какъ идутъ дѣла въ Думѣ. Я отвѣтилъ ему, что мы конечно далеко не имѣемъ того, о чемъ мечтали въ Первой Думѣ, что тогда казалось намъ уже достигнутымъ, однако надо признать, что мы все-же понемногу двигаемся впередъ, и что пожалуй медленное движеніе впередъ, болѣе вѣрный путь къ прочнымъ реформамъ. Старичекъ сказалъ, что очень хорошо, что мы все-же движемся впередъ, и что медленный путь пожалуй, дѣйствительно лучше. На этомъ мы простились, и я спросилъ А. В. Васильева, съ кѣмъ мы говорили. „Какъ?“ удивился Александръ Васильевичъ, „развѣ вы его не узнали; вѣдь это Клемансо“.

Въ Палатѣ мы слушали пренія о состояніи флота, или вѣрнѣе, о неурядицахъ во французскомъ флотѣ. Я обратилъ вниманіе на цѣлые ряды карточекъ, лежащихъ передъ нѣкоторыми депутатами. Это именныя карточки отсутствующихъ депутатовъ, поручившихъ своему единомышленнику голосовать за нихъ. Этихъ карточекъ такъ много, что одинъ депутатъ подаетъ двадцать, тридцать и болѣе голосовъ.

Передъ однимъ депутатомъ я насчиталъ около 70 кучекъ этихъ карточекъ-голосовъ отсутствующихъ депутатовъ. На трибунѣ противъ насъ мы съ Ал. Вас. Васильевымъ узнали среди публики члена Государственной Думы Александра Фомича Бабянского и бывшаго члена I и II Государственной Думы, профессора Владиміра Дмитріевича Кузьмина-Караваева. Васильевъ и Бабянский присоединяются къ намъ завтра и пополнять, такимъ образомъ, наши порѣдѣвшіе ряды. Днемъ пріѣхали изъ Лондона Маклаковъ и Максудовъ, вечеромъ Гучковъ, Лерхе и баронъ Крюденеръ-Струве, а на слѣдующее утро Челноковъ, графъ Олсуфьевъ и Глѣбовъ. Еще въ день пріѣзда я видѣлся со Стаховичемъ, который будетъ на приѣмѣ въ сенатѣ, но на обѣдъ не придетъ, такъ какъ вечеромъ уѣзжаетъ въ Россію, спѣша на выборы въ земскомъ собраніи.

На слѣдующій день утромъ ко мнѣ пришелъ господинъ Ланге, генеральный секретарь Междупарламентскаго Союза, котораго лордъ Уирдель рекомендовалъ мнѣ, какъ человѣка энергичнаго, знающаго и преданнаго дѣлу Союза. Мы условились съ Ланге относительно постоянныхъ сношеній съ бюро Союза и пріѣзда Ланге въ Петербургъ, осенью или зимой этого года. Ланге съ большимъ трудомъ нашелъ меня въ громаднойшей гостинницѣ Грандъ-Отель, гдѣ большинство изъ насъ остановилось. И намъ самымъ трудно было найти другъ-друга, и сговориться о нашихъ намѣреніяхъ, почему мы не были достаточно освѣдомлены, и въ нашихъ дѣйствіяхъ не было тѣхъ гладкости и порядка, которые въ значительной степени наблюдались въ Англіи, благодаря неустаннымъ хлопотамъ профессора Перса.

Я получилъ телеграфное приглашеніе на завтракъ отъ депутата Поля Менье, который писалъ мнѣ въ Англію, что и другая французская парламентская группа (группа Междупарламентскаго Союза, въ составъ котораго группа д'Эстурнеля не входитъ) желаетъ принять насъ. Не заставъ вчера Менье дома, я считалъ своимъ долгомъ поѣхать къ нему, чтобы выяснитъ подробности этого приѣма, почему и не могъ завтракать вмѣстѣ со своими товарищами по поѣздкѣ и участвовать въ обсужденіи плана нашихъ дѣйствій. У Менье я засталъ небольшое общество 2-3 депутатовъ въ числѣ коихъ былъ Поль Думеръ, бывший губернаторъ Индо-Китая, ми-

нистръ финансовъ и предсѣдатель Палаты депутатовъ, а теперь предсѣдатель ея финансовой комиссіи. Онъ разсказывалъ о своихъ посѣщеніяхъ Россіи и знакомствъ съ Плеве и Витте, съ Коковцевымъ и Треповымъ. Послѣ завтрака я завезъ Думера въ Палату депутатовъ, а самъ поспѣшилъ въ сенатъ.

Когда я пріѣхалъ въ Люксембургскій дворецъ, меня провели въ старинную часовню Маріи Медичи, превращенную теперь въ залу частныхъ собраній сенаторовъ. Здѣсь было человѣкъ сто сенаторовъ и депутатовъ, всѣ русскіе гости, а также нѣсколько видныхъ представителей французской прессы и корреспонденты русскихъ газетъ. Бывшая часовня была убрана живыми растеніями и на возвышеніи стоялъ столъ покрытый краснымъ сукномъ. Д'Эстурнель де Констанъ пригласилъ меня занять мѣсто съ нимъ, за предсѣдательскимъ столомъ. Я указалъ д'Эстурнелю, что желательно пригласить на эстраду также лидеров главнѣйшихъ партій въ Думѣ, т. е. А. И. Гучкова и П. Н. Милюкова, что онъ охотно и исполнилъ; кромѣ насъ четверыхъ на эстрадѣ же занялъ мѣсто старый вице-президентъ сената Корделе, замѣнявшій предсѣдателя сената.

Открывая собраніе д'Эстурнель де Констанъ говоритъ намъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ отъ имени французской группы Международнаго Третьякаго Суда. Послѣ него Корделе тепло привѣтствуетъ насъ отъ имени сената, и выражаетъ сожалѣніе предсѣдателя его Дюбоста, что необходимость идти въ засѣданіе сената лишила его возможности встрѣтить насъ. Я отвѣчаю имъ, благодарю за сердечный пріемъ, говорю объ удовольствіи для насъ посѣщенія Франціи и о нашемъ рѣшеніи пріѣхать вновь въ болѣе торжественной обстановкѣ.

Затѣмъ д'Эстурнель говоритъ объ успѣхахъ группы, въ которой онъ состоитъ предсѣдателемъ, о сношеніяхъ ея съ другими національными парламентскими группами, о ростѣ ея популярности и вліянія въ странѣ, выражающихся между прочимъ и увеличеніемъ числа ея членовъ, достигшаго за 7 лѣтъ ея существованія почтенной цифры въ 450 парламентскихъ дѣятелей, и приглашаетъ насъ, своихъ младшихъ товарищей, къ совмѣстному обсужденію интересующихъ насъ вопросовъ, относящихся къ дѣятельности Междупарламентскаго Союза.

Я говорю, что у насъ нѣтъ еще 450 членовъ, а только около трети этого числа, но что мы вѣримъ въ правильность идейныхъ стремленій Союза и въ быстрое увеличеніе числа нашихъ товарищей, что мы высоко цѣнимъ общеніе съ членами другихъ парламентовъ подобное теперешнему, что, наконецъ, очереднымъ вопросомъ для нашей группы, къ разрѣшенію котораго мы просимъ содѣйствія нашихъ французскихъ товарищей, является участіе въ Совѣтѣ Междупарламентскаго Союза, хотя по уставу наши представители могутъ быть выбраны въ него лишь на общей Конференціи, предполагаемой не ранѣе 1910 года. Предсѣдатель собранія обращается къ генеральному секретарю Союза Христіану Ланге, который даетъ формальный отвѣтъ о томъ, что только конференція имѣетъ право избирать членовъ Совѣта. Послѣ этого слово дается Михаилу Александровичу Стаховичу, онъ сообщаетъ, что всѣ присутствующіе Русскіе—члены Междупарламентскаго Союза, что онъ самъ является таковымъ, еще со времени существованія Первой Думы, и считаетъ, что этимъ дружескимъ свиданіемъ мы должны воспользоваться, чтобы обсудить со своими французскими товарищами практическіе вопросы и подробности организации въ ближайшемъ будущемъ болѣе официальнаго, важнаго и продолжительнаго свиданія русскихъ и французскихъ народныхъ представителей, и думаетъ, что это обсужденіе удобнѣе вести не въ такомъ торжественномъ засѣданіи, какъ теперь происходящее. Д'Эстурнель соглашается съ нимъ и закрываетъ засѣданіе; мы разбиваемся на группы, вступающіе въ частные разговоры и квесторы сената Тилай, Бонефуа-Сибуръ и Жираръ ведутъ насъ осматривать Люксембургскій дворецъ.

Въ роскошныхъ его залахъ мы знакомимся со многими сенаторами, ожидающими возобновленія засѣданія сената. Я условливаюсь съ депутатами П. Менье и виконтомъ де Ла Батю о посѣщеніи въ Бурбонскомъ дворцѣ другой французской группы Междупарламентскаго Союза, находящейся подъ предсѣдательствомъ старика сенатора Лабиша, между которой и группой д'Эстурнеля есть нѣкоторыя тренія и профессиональная ревность. Сенаторы предлагаютъ намъ посмотрѣть на торжественное шествіе предсѣдателя сената въ залъ засѣданій. Мы становимся въ корридоръ, въ которомъ стояли уже солдаты почетнаго караула; двери внутреннихъ покоевъ вскорѣ откры-

лись, появился старикъ Дюбость, предшествуемый офицерами конвоя и провожаемый сенаторами—секретарями. Дюбость шелъ со шляпой въ рукахъ и привѣтливо отвѣчалъ на наши почтительные поклоны. Мы тоже прошли въ залъ засѣданій сената, въ боковую ложу для публики, но вскорѣ одинъ изъ сенаторовъ попросилъ насъ перейти въ большую ложу для почетныхъ гостей, какъ разъ напротивъ предсѣдателя сената, говоря, что послѣдній не хочетъ открывать засѣданія, пока не увидитъ насъ на почетномъ мѣстѣ передъ собою. Пришлось пересѣсть, хотя сбоку и лучше было видно Клемансо, Бріана и другихъ министровъ.

Пробывъ недолго въ засѣданіи Сената, мы прошли въ буфетъ, гдѣ подали шампанское, и М. А. Стаховичъ провозгласилъ тостъ „за дорогую Францію“. Мы чокались, пили здоровье милыхъ товарищей, а затѣмъ отправились въ Бурбонскій дворецъ на засѣданіе Палаты депутатовъ. При выходѣ изъ сената насъ атаковали корреспонденты газетъ съ фотографическими аппаратами; мы позволили снять себя и поспѣшили въ Палату депутатовъ. Здѣсь мы сперва зашли въ одну изъ залъ дворца, гдѣ обмѣнялись привѣтствіями съ членами группы Лабиша и подтвердили принятое съ ними еще въ Берлинѣ, во время междупарламентской конференціи, рѣшеніе содѣйствовать взаимному ознакомленію нашихъ народовъ путемъ обмѣна взаимными визитами народныхъ представителей.

Засѣданіе Палаты, обсуждавшее докладъ анкетной комиссіи Делькассе о неурядицахъ въ Морскомъ министерствѣ, изъ за котораго вскорѣ послѣ нашего отъѣзда палъ Клемансо, было очень бурное и интересное. Безпрестанно раздавались возгласы съ мѣстъ и цѣлые споры между депутатами, которые докладчикъ спокойно слушалъ стоя на трибунѣ, остроты, смѣхъ и даже перебранки. Мы задержались довольно долго въ палатѣ депутатовъ, затѣмъ собрались у меня въ гостиницѣ, чтобы порѣшить, кому говорить на обѣдѣ. Эта честь выпала на долю мнѣ и Максудову.

Въ началѣ девятого мы, т. е. члены Государственного Совѣта А. В. Васильевъ, В. Б. Глѣбовъ и графъ Олсуфьевъ, и Государственной Думы А. Ф. Бабянскій, А. И. Гучковъ, И. Н. Ефремовъ, баронъ Крюденеръ-Струве, Г. Г. Лерхе, В. А. Маклаковъ, С. Н. Максудовъ, П. Н. Милуковъ и М. В.

Челноковъ отправились въ новую гостиницу на Орсейской набережной, въ роскошныхъ залахъ которой насъ встрѣтилъ баронъ д'Эстурнель де Констанъ. На обѣдѣ присутствовали предсѣдатель Сената Антонинъ Дюбость, предсѣдатель Палаты депутатовъ Генрихъ Бриссонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Пишонъ, совѣтникъ русскаго посольства Неклюдовъ, замѣнявшій отсутствовавшего по болѣзни посла Нелидова и многіе сенаторы, депутаты и представители прессы: Астье, Берто, Боденъ, Шень, Оже, Ковень, Фердинандъ Бюиссонъ, Э. Фланденъ, Женевріе, де Ла Батю, Маскюро, Ноэль, Пино, Пуаррье, Пати, Жозефъ Рейнакъ, Риве, Тилай, Альбинъ Розе, Пеллетанъ и многіе другіе.

Я сидѣлъ между д'Эстурнелемъ и Дюбостью, рядомъ съ которымъ былъ Милуковъ, и далѣе Пишонъ; по другую сторону предсѣдателя банкета д'Эстурнеля сидѣли: Гучковъ, Бриссонъ, Глѣбовъ и Неклюдовъ. Присутствіе предсѣдателя Сената и Палаты депутатовъ, Министра Иностранныхъ Дѣлъ и замѣнявшій русскаго посла, повѣреннаго въ дѣлахъ Неклюдова, а также произнесенныя рѣчи придали banquetу официальный характеръ, хотя и говорилось, какъ и въ Англіи, что это простое, товарищеское чествованіе народныхъ представителей дружественной и союзной націи.

Серію тостовъ началъ д'Эстурнель де Констанъ. „Мы собрались вмѣстѣ, чтобы поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ нашихъ коллегъ, нашихъ товарищей, нашихъ русскихъ друзей, достойныхъ представителей великой націи, союзника и друга Франціи, но ранѣ этого вашъ предсѣдатель долженъ приступить къ исполненію своихъ обязанностей.“

Я выражу общія всѣмъ вамъ чувства, начиная тѣмъ, что подниму свой бокалъ въ честь Верховныхъ правителей обѣихъ странъ, которые руководятъ судьбами нашихъ отечествъ, въ честь тѣхъ, сердцамъ которыхъ одинаково дорого сохраненіе союза къ вящему благу цивилизаціи и общаго мира. Я провозглашаю свой первый тостъ за г. Фальера, президента французской республики, и за Его Величество Императора Россіи.

Мы горячо благодаримъ всѣхъ тѣхъ (членовъ парламента), которые помогли намъ организовать этотъ пріемъ, и въ первую очередь г.г. президентовъ Сената и Палаты, всегда готовыхъ первыми оказать свою поддержку, активно проявить

свои симпатіи, чтобы обезпечить успѣхъ этихъ празднествъ международной дружбы, которая дѣлается преимуществомъ и радостью современной Франціи. Г. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ также не хотѣлъ пропустить возможности принять участіе въ этой манифестаціи, мѣсто въ которой было ему уготовано еще раньше, благодаря тѣмъ услугамъ, которыя онъ не перестаетъ оказывать дѣлу международного примиренія, услугамъ такимъ, что онъ стоятъ выше всякой критики. Мы счастливы видѣть среди насъ уважаемаго повѣреннаго отсутствующаго по дѣламъ посла. Мы не забыли, что г. Нелидовъ два года тому назадъ былъ всѣми уважаемымъ Предсѣдателемъ Гаагской Конференціи, и что онъ всѣми своими силами способствовалъ прогрессу того плодотворнаго дѣла, которымъ мы обязаны инициативѣ его Государя и его страны.

А теперь два только слова по адресу нашихъ гостей, потому-что насъ много, желающихъ раздѣлить между собою честь и удовольствіе привѣтствовать ихъ.

Мы были-бы очень удивлены восемь лѣтъ тому назадъ, въ 1902 г. когда мы основали нашу парламентскую группу международного третейскаго суда, если-бы намъ сказали, что послѣ того, какъ мы примемъ въ Парижѣ представителей значительнаго числа Парламентовъ, существующихъ въ мірѣ, мы будемъ принимать теперь членовъ Думы и Турецкаго Парламента. Изъ всѣхъ завоеваній прогресса это, быть можетъ, замѣчательнѣйшее; оно доказываетъ растущую популярность нашей программы, цѣлью которой является замѣна ненадежныхъ пріемовъ насилія, прочными рѣшеніями, зиждущимися на началахъ права и справедливости; оно доказываетъ общую всѣмъ потребность единенія организаціи, которая становится необходимой для всѣхъ народовъ, для васъ также, какъ и для насъ. Единеніе такое, какое мы опредѣлили: не союзъ однихъ противъ другихъ, а всеобщій союзъ для торжества мира.

Вы переживаете трудные дни, мы ихъ переживали тоже, переживаемъ ихъ теперь, это еще лишнее связующее звѣно между нами. Чѣмъ грандіознѣе наши предпріятія, тѣмъ значительнѣе трудности нами встрѣчаемыя, но благодаря единенію, силы наши возрастутъ, какъ у васъ, такъ и у насъ, и мы будемъ побѣдителями. Чѣмъ болѣе расширяется поле дѣятельности Парламентовъ, тѣмъ болѣе

поднимется въ своемъ значеніи и усложнится ихъ работа, но за то, тѣмъ скорѣе они сознаютъ необходимость взаимной поддержки. Мы образуемъ собою большую семью, въ которой вы являетесь самыми молодыми, и въ которой вы имѣете право на тѣмъ большую сердечную заботливость со стороны старшихъ товарищей. Вы возвратитесь въ Петербургъ проникнутые сознаниемъ, что вы принадлежите къ этой семьѣ, и ваше существованіе оживится новымъ соревнованіемъ, усилится, какъ и наше, чувствомъ, что мы дополняемъ другъ друга. Ассоціація Парламентовъ зарождается въ эпоху сотрудничества національнаго и международного, и я пью за нашихъ друзей—членовъ Думы, за семью Парламентовъ, за Россію, вѣрнаго друга и союзника Франціи! Я выражаю пожеланіе, чтобы этотъ первый визитъ явился предвѣстникомъ (началомъ) другихъ визитовъ въ Парижъ, но думаю, что какъ-бы они ни были часты, какъ-бы ни были дружественны, ни одинъ изъ нихъ не будетъ принятъ съ большей теплотой, чѣмъ этотъ. (Аплодисменты).

Рѣчь Антонина Дюбостъ—Предсѣдателя Сената.

Господа! Не думаете-ли вы, что съ тѣхъ поръ, какъ члены Парламентовъ усвоили себѣ любезную привычку обмѣниваться визитами, что это является какъ-бы новымъ видомъ посольствъ, которыя народы отправляютъ одинъ другому. (Аплодисменты.) Вы, господа члены Думы являетесь однимъ изъ такихъ посольствъ, прибывшимъ къ намъ не съ великолѣпнымъ старинныхъ и пышныхъ церемоній, но, какъ только-что здѣсь говорилось, съ простотой, которая еще болѣе могущественна, которая согласуется съ тѣми могучими силами, которыя вы представляете (Очень хорошо!)

Вчера вы были въ Англии, въ странѣ, которая является родоначальницей парламентскихъ учреждений. Вы могли видѣть, какъ великій народъ вотъ уже въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ сумѣлъ при полной свободѣ своей публичной жизни, провести одновременно свою внутреннюю эволюцію, свое виѣшнее расширеніе и политическое воспитаніе громадной страны. (Очень хорошо! Очень хорошо!)

Сегодня вы являетесь нашими гостями, трижды желанными: какъ Русскіе, какъ парламентаріи и какъ друзья мира. (Очень хорошо!) Вы найдете здѣсь мѣсто и пріемъ, который предназначенъ для самыхъ близ-

кихъ друзей, для тѣхъ, съ кѣмъ наши философы, наши мыслители, наши художники XVIII вѣка, гораздо раньше подписанія формальныхъ договоровъ, заключили уже союзъ умовъ и сердецъ. (Аплодисменты).

Я надѣюсь, что среди поучительныхъ наблюденій, которыя вы вынесете изъ своей поѣздки, вы будете считать однимъ изъ лучшихъ зрѣлище нашей великой демократіи, дѣтища французской революціи, которая со времени 1879 г. среди столькихъ преніятей и подводныхъ рифовъ, никогда не свертывала своихъ парусовъ, всегда натянутыхъ дуновеніемъ справедливости и великодушія. (Новые аплодисменты).

Понесите-же къ себѣ, въ свою обширную и дорогую Россію наиболѣе надежный урокъ, который вы могли почерпнуть среди насъ, а именно—смѣлую и свѣтлую вѣру въ великіе законы прогресса (очень хорошо!), и оставьте намъ увѣренность, что вашъ доблестный народъ, соединивши свои старыя традиціи съ новыми свободами въ учрежденіяхъ, приспособленныхъ къ его гению и исторической потребности, также образуетъ одинъ изъ тѣхъ центровъ, вокругъ которыхъ принимающіе васъ въ этотъ вечеръ люди, исполненные готовности стремиться къ этой цѣли, пробуютъ уже сплетать ту необъятную и стройную сѣть, которая быть можетъ нѣкогда объединитъ будущее человѣчество въ міръ и трудъ. (Аплодисменты.) Во имя этого высокаго идеала согласія мира и труда, я приглашаю васъ выпить со мной, съ лучшими нашими пожеланіями и отъ всего нашего сердца. (Продолжительные, сильные аплодисменты).

Тостъ Генриха Бриссона—Предсѣдателя Палаты Депутатовъ.

Господа! Я хочу просить приобщить французскую Палату Депутатовъ къ тѣмъ прекраснымъ словамъ, которыя только-что сказалъ мой другъ, Президентъ Сената. Я добавлю, что я счастливъ участвовать въ этомъ праздникѣ, который напоминаетъ мнѣ подобные-же, только болѣе торжественные, въ Шербургѣ и въ Парижѣ, на которыхъ я присутствовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Мы были тогда въ начальной стадіи союза между русскимъ правительствомъ и французскимъ правительствомъ, союза, который увѣнчалъ собою дружбу двухъ нашихъ народовъ. (Сильные аплодисменты.)

Рѣчь И. Н. Ефремова.

Господа! Съ особеннымъ волненіемъ беру я слово, потому-что эта честь выпадаетъ на мою долю въ первый разъ на французской землѣ,

которую я горячо люблю съ самаго моего дѣтства, потому-что я вижу передъ собою выдающихся людей, которыхъ я чту и уважаю съ дней своей юности, и все значеніе которыхъ я научился цѣнить съ первыхъ шаговъ своей политической жизни. Наконецъ, я говорю на языкѣ, который все-же для меня не родной. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ я прошу у васъ снисхожденія (аплодисменты).

Идея созыва Междупарламентской Конференціи родилась у васъ. У васъ-же получила свое развитіе мысль, замѣнить правомъ и справедливостью, грубую силу въ международныхъ отношеніяхъ, и наконецъ, вы первые поняли, что пацифизмъ не является противорѣчіемъ патриотизму, но что наоборотъ, дѣлать усилія разрѣшать мирнымъ путемъ могущія возникнуть столкновенія значить хорошо служить своему отечеству.

Позвольте мнѣ, господа сказать вамъ, что эти идеи не чужды и намъ въ Россіи. Когда всѣ русскіе восторженными кликами встрѣчали сердечное соглашеніе и затѣмъ союза съ Франціей, то это было потому, что уже съ давнихъ поръ они привыкли любить и уважать великую націю, которая дала всему міру идеалы свободы, равенства и братства. (Аплодисменты.)

Россія, которая насчитываетъ приблизительно 150 милліоновъ жителей, главную массу которыхъ составляютъ земледѣльцы, мелкіе собственники, является страной демократической, она не можетъ не признавать этихъ принциповъ. Но мы думаемъ еще, что они должны примѣняться не только въ отношеніяхъ гражданъ одного государства, но и въ отношеніяхъ съ другими странами. Мы думаемъ, сверхъ того, что, при наличности представительнаго строя, для насъ все болѣе и болѣе настоятельной становится обязанность завязать постоянныя сношенія съ членами иностранныхъ Парламентовъ. Такимъ образомъ, мы прежде всего научимся усовершенствовать свое законодательство, а затѣмъ будемъ имѣть возможность присутствовать на такихъ сближающихъ народы приѣмахъ, полныхъ сердечности, какимъ является приѣмъ этого вечера.

Да, господа, мы горячо принимаемъ къ сердцу проявленія вашихъ симпатій. Я могу утверждать, что они увеличиваютъ сознаніе нашей силы. За то вы можете быть увѣрены въ искренности нашей дружбы и въ вѣрности нашего союза. Нашъ приѣздъ является только, такъ сказать, предварительнымъ свиданіемъ; находясь такъ близко отъ Франціи, мы не могли устоять противъ искушенія посѣтить ее, хотя-бы на одинъ только день, воспользовавшись вашимъ гостепріимствомъ. Но въ то-же время мы твердо рѣшили организовать затѣмъ другую поѣздку, специально для Франціи и достойную ея. (Аплодисменты.)

Я увѣренъ, что тогда къ намъ присоединятся наиболѣе выдающіеся политическіе дѣятели Россіи, и среди нихъ навѣрное найдется человѣкъ, который выражаясь лучше, чѣмъ я (протесты), выскажетъ вамъ ту признательность, какую мы питаемъ къ Французскому гению, сдѣлавшему столько на благо культуры всего человѣчества. Мы знаемъ, что мы обязаны вамъ каждымъ шагомъ, который мы дѣлаемъ по пути политическаго и промышленнаго прогресса. И я увѣренъ, что, поднимая свой бокалъ за славу и процвѣтаніе Франціи, выражаю чувства не только всѣхъ своихъ соотечественниковъ, присутствующихъ здѣсь, но также и всей Россіи. (Сильные, возобновляющіеся аплодисменты).

Рѣчь Максудова.

Господа! У всякаго человѣка два отечества: свое собственное и загѣмъ Франція. Эта истина въ особенности подходитъ къ Русскимъ, которые вотъ уже въ теченіи столѣтій имѣютъ своей руководительницей французскую литературу. Лично о себѣ я долженъ добавить, что ей я обязанъ своимъ умственнымъ образованіемъ—я бывшій воспитанникъ вашего университета.

Союзъ, существующій между Франціей и Россіей, для нѣкоторыхъ былъ и еще останется политической комбинаціей—благодаря ему, дѣйствительно, нашъ голосъ имѣетъ значеніе заграницей. Но всѣ мои товарищи думаютъ, что онъ долженъ сдѣлаться и дѣлается все болѣе и болѣе необыкновенно сердечнымъ единеніемъ двухъ народовъ. (Аплодисменты.)

Мы, депутаты Думы и представители Государственнаго Совѣта, всѣ согласны въ томъ, что сближеніе это было неизбежно. Между психологіей французовъ и психологіей русскихъ есть, правда, извѣстные различія, но я долженъ замѣтить, что между ними существуетъ также и несомнѣнное сходство. Контрасты между ними взаимно дополняютъ другъ друга, и особенности одного понятны другому. Русский всегда сговорится съ французомъ и я думаю, это также часто вѣрно и по отношенію къ французамъ. (Новые аплодисменты.)

Важно, чтобы это взаимное довѣріе дѣлалось все болѣе и болѣе глубокимъ. Для этого недостаточно намъ произносить хвалебныя рѣчи; для этого надо ближе узнать другъ друга, взаимно изучить наши нравы, нашъ бытъ. Конечно, не надо переносить Францію въ Россію и Россію во Францію. Нѣтъ! Достаточно только почаще возобновлять манифестаціи, подобныя настоящей, мы твердо увѣрены, что ближайшая поѣздка французскихъ парламентаріевъ въ Россію не будетъ послѣдней. (Очень хо-

рошо!) Члены обоихъ парламентовъ всегда съ удовольствіемъ будутъ встрѣчаться другъ съ другомъ.

Да, господа, союзъ Франціи и Россіи имѣетъ въ своемъ основаніи политическія и экономическія причины, а также и сердечную симпатію. (Аплодисменты.) Сдѣлаемъ-же его еще болѣе могущественнымъ, сильнѣе скрѣпивъ соединяющія насъ узы. Въ теченіе долгаго времени Французы и Русскіе плохо знали другъ друга. Для большинства, въ особенности для жителей провинціи, болѣе или менѣе далекой отъ столицъ, Россія представлялась страной, гдѣ очень холодно, гдѣ водятся медвѣди, а Франція—страной, гдѣ есть много красивыхъ женщинъ въ прекрасныхъ туалетахъ. (Смѣхъ).

Что-же. Я надѣюсь, Французы скоро узнаютъ, что Россія очень пріятная страна, жители которой съ давнихъ поръ берутъ примѣръ съ французовъ. Съ своей стороны Русскіе узнаютъ Францію, какъ страну труда, Францію—творящую цивилизацію. (Аплодисменты). Короче сказать, мы начинаемъ рядъ парламентскихъ сношеній между двумя странами, и мы выражаемъ желаніе, чтобы они продолжались безпредѣльно. (Сильные аплодисменты),

Выступленіе Г-на Стефенъ Пишона, Министра Иностранныхъ Дѣлъ.

Господа! Моимъ присутствіемъ правительство показываетъ, что оно присоединяется къ тому дружескому приему, который устроитъ членамъ Думы и Государственнаго Совѣта Русской Имперіи ихъ коллегами изъ французскаго Парламента. Я былъ-бы недоволенъ собою, если-бы пытался добавить что нибудь къ тѣмъ краснорѣчивымъ словамъ, которыя вы только-что слышали здѣсь, они вполнѣ выражаютъ чувства, которыя мы всѣ испытываемъ. Я боялся-бы, кромѣ того, отнять у этого праздника тотъ интимный характеръ, который хотѣли придать ему его организаторы.

Однако, я хочу, какъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, воспользоваться представляющимъ мнѣ случаемъ, чтобы подтвердить здѣсь постоянство политики, которая, не смотря на всѣ личныя перемѣны, связываетъ Россію съ Франціей и Францію съ Россіей, и которая въ теченіе 18 лѣтъ принесла міру такіе счастливые и плодотворные плоды. (Аплодисменты).

Черезъ нѣсколько дней Царь будетъ нашимъ гостемъ и мы снова возобновимъ ему твердое, почтительное и лояльное увѣреніе въ нашей непоколебимой преданности союзу и дружбѣ, связывающихъ насъ съ Россіей. (Аплодисменты). Вашему Императору мы скажемъ, господа, то-

же, что говоримъ и вамъ самимъ. Мы знаемъ, что вы преслѣдуете тѣ же цѣли, и желаете того же, что и мы. И мы привѣтствуемъ въ нашемъ лицѣ друзей Франціи, вѣстниковъ единенія и согласія. (Очень хорошо!)

Обращаясь къ представителямъ русскаго народа, мы обращаемъ къ самому русскому народу, къ народу, стремленія и интересы котораго совпадаютъ съ нашими, къ русскому народу, съ именемъ котораго связано столько славныхъ дѣлъ въ Европѣ. Вы можете передать, господа, своимъ коллегамъ завѣренія въ чувствахъ, которыя я выражаю. Это чувства Правительства, Парламента и страны.

Пріемъ, который мы вамъ оказываемъ во Франціи, вы оказали-бы намъ въ Россіи. Ничто не свидѣтельствуетъ лучше, чѣмъ непосредственность и сердечность этого праздника, до какой степени онъ отвѣчаетъ самымъ задушевнымъ стремленіямъ обѣихъ странъ. Я пью, господа, за Россію и Францію и за союзъ двухъ народовъ! (Сильные, возобновляющіеся аплодисменты.)

Тостъ Г. Неклюдова, Повѣреннаго въ дѣлахъ Россіи.

Господа! Есть связь и связь очень тѣсная между дипломатіей и народнымъ представительствомъ. Въ вопросахъ, которые касаются интересовъ нашихъ народовъ, мы счастливы, что представляемъ Правительства мудрыя, съ громаднымъ опытомъ, а также тѣмъ, что имѣемъ за собою народное представительство, которое своимъ контролемъ и своими голосованіями поддерживаетъ насъ въ нашей работѣ. Мы, дипломаты, въ силу самого нашего назначенія, призваны служить прежде всего дѣлу мира, единенія и согласія. Мы счастливы, поэтому, господа, констатировать тотъ фактъ, что мы являемся сотрудниками международеческихъ группъ, которыя поставили своей цѣлью установить согласіе между народами. (Аплодисменты.)

Вотъ почему я позволяю себѣ принести горячую благодарность отъ имени моего любимаго начальника — г. Посла и отъ имени моихъ отсутствующихъ друзей, г-ну д'Эстурнель-де-Констанъ, энергичному председателю французской группы, за то, что онъ взялъ на себя инициативу по устройству этого праздника, который объединилъ столько выдающихся людей. Я пью, господа, за всѣ Парламенты, за всѣ международеческія группы вообще и за нихъ же во Франціи и въ Россіи въ особенности. (Сильные аплодисменты.)

Этой рѣчью кончились тосты. Мы перешли въ гостиную, гдѣ за кофе и ликерами провели еще часа полтора въ непринужденной дружеской бесѣдѣ. Всѣ были довольны, обѣдъ превзошелъ ожиданія и было ясно, что онъ имѣетъ глубокое значеніе, въ особенности благодаря рѣчамъ Пишона и Неклюдова, придавшимъ ему несомнѣнно политическій характеръ.

На слѣдующій день ко мнѣ зашелъ еще разъ Ланге, генеральный секретарь Междупарламентскаго Союза, чтобы окончательно условиться о его пріѣздѣ въ Петербургъ и обсудить нѣкоторые мелкіе дѣла Союза, которыхъ мы не коснулись наканунѣ. У меня оставалось два часа свободнаго времени, которымъ я воспользовался, чтобы сдѣлать кое-какіе покупки и завести карточки старику Лабишу, съ которымъ мнѣ такъ и не удалось познакомиться лично, и къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ Пишону. Позавтракавъ съ Маклаковымъ, который былъ въ прекрасномъ настроеніи духа, довольный, что вчерашній обѣдъ прошелъ вполне удачно, мы къ двумъ часамъ поѣхали на вокзалъ. Здѣсь мы встрѣтили д'Эстурнель-де-Констана и 3—4 сенаторовъ, членовъ сенатской группы Авіаціи (воздухоплаванія на аппаратахъ тяжелой воздуха), которая находится подъ предсѣдательствомъ того же д'Эстурнеля. Сѣверное Общество желѣзной дороги предоставило бесплатно намъ и сенаторамъ экстренный поѣздъ до Дуэ и обратно. Изъ русскихъ парламентаріевъ ѣхали въ Дуэ, кромѣ насъ съ Маклаковымъ еще Милуковъ, Челноковъ, Гучковъ, Крюденеръ-Струве, Бабянский, Глѣбовъ, графъ Олсуфьевъ и Васильевъ, а также повѣренный въ дѣлахъ Неклюдовъ, два секретаря нашего посольства, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Гальперинъ-Каменскій, старикъ—директоръ общества Сѣверныхъ дорогъ, директоръ Парижскаго института восточныхъ языковъ, говорящій по русски профессоръ Боейръ, котораго тѣшечно ждали въ Ливерпуль къ нашему пріѣзду, и много представителей прессы.

Вчерашнее предсказаніе мэра Дуэ телеграммою приглашавшаго насъ пріѣхать, и обѣщавшаго хорошую погоду оправдалось: ярко и весело свѣтило солнце и сильный вѣтеръ казался хотѣлъ поскорѣе высушить всюду виднѣвшіяся лужи, налитыя непрерывными дождями двухъ послѣднихъ дней.

Д'Эстурнель, появившийся то въ томъ, то въ другомъ купе, рѣшилъ за насъ, что сегодня на банкетѣ, даваемомъ намъ муниципалитетомъ Дуэ, будутъ говорить Гучковъ, Миллюковъ и Маклаковъ, но Гучковъ уклонился и выдвинулъ вмѣсто себя графа Олсуфьева.

Въ пять часовъ нашъ поѣздъ пришелъ въ Дуэ, и на вокзалѣ насъ встрѣтили Венсонъ, префектъ сѣвернаго департамента, Поль Айе, мѣстный сенаторъ, Монтини, супрефектъ, Шарль Бертенъ, мэръ города Дуэ, Бреге, предсѣдатель Дуэскаго отдѣла національной воздушной Лиги, господъ д'Оогъ, Арбель, Пьеръ Делангръ и весь Комитетъ конкурса авіаціи.

Собравшаяся на площадь толпа привѣтствовала насъ дружественными кликами. Д'Эстурнель, я, сенаторъ (Hauez) Ауэ и мэръ Дуэ помѣстились въ первой коляскѣ, причемъ наши хозяева показывали интересныя зданія своего стариннаго города и обращали наше вниманіе на дѣйствительно большую толпу, спѣшившую по одному съ нами направленію за городъ, на конкурсъ авіаціи. По мѣрѣ нашего приближенія къ аэродрому, толпа становилась все тѣснѣе. Узкая, размоченная дождемъ дорога была запружена всевозможными экипажами, автомобилями, велосипедистами и просто пѣшеходами, такъ что мы едва подвигались впередъ. Сенаторъ Айэ, истинный провинціалъ сѣверной Франціи, безъ всякаго парижскаго лоска, кажется, сельскій хозяинъ, рассказывалъ что земледѣліе и особенно скотоводство стоятъ высоко въ сѣверномъ департаментѣ, и я видѣлъ по бокамъ дороги прекрасную пшеницу и особенно громадный овесъ, а также кормовую рожь въ смѣси съ райграсомъ. Мэръ Бертенъ, очень суетившійся при нашемъ пріѣздѣ и какъ будто терявшійся, не зная какъ принимать небывалыхъ гостей, рассказывалъ мнѣ, что у нихъ, какъ и въ сосѣднемъ Лиллѣ, высоко развито производство стеклянныхъ и стальныхъ издѣлій и добыча каменнаго угля. Вечеромъ директоръ однихъ копій сообщилъ мнѣ, что онъ только что продалъ большую партію угольныхъ брикетовъ для отопленія Черноморскаго военнаго флота. Сенаторъ Айэ покровительственно похваливалъ мэра, много сдѣлавшаго для украшенія Дуэ, реставрированія его старины и улучшенія условій жизни въ городѣ.

Мы наконецъ добрались до громаднаго деревяннаго забора, за которымъ скрывались сараи для аэроплановъ и

трибуны для публики. Когда мы вѣхали внутрь ограды, военный оркестръ заигралъ Боже Царя Храни, а затѣмъ Марсельезу. Насъ провели въ помѣщеніе комитета, гдѣ было подано шампанское, мэръ Дуэ привѣтствовалъ насъ рѣчью, я отвѣчалъ ему въ краткихъ словахъ, затѣмъ говорили Бреге, еще кто-то изъ авіаторовъ и префектъ; имъ довольно пространной рѣчью отвѣчалъ Маклаковъ. Затѣмъ мы пошли въ сараи авіаторовъ осматривать ихъ монопланы и бипланы. Здѣсь были три аппарата опытныхъ воздухоплавателей Блеріо, капитана Фербера и Бреге, затѣмъ еще неиспробованный аппаратъ молодого изобрѣтателя Полланъ (Paulhan) и незаконченный сборкою аппаратъ одного сельскаго учителя.

За протекшіе съ тѣхъ поръ мѣсяцы авіація сдѣлала такіе колоссальныя шаги впередъ. На конкурсы собирались десятки аппаратовъ, но тогда и это казалось многимъ. Bleriot, котораго я имѣлъ вскорѣ удовольствіе привѣтствовать какъ знакомаго, за его поразительный перелетъ черезъ Па-де-Кале; Ferber, этотъ неутомимый изслѣдователь и учитель на пути завоеванія воздушнаго пространства, безвременно и трагически погибшій; Paulhan, совершившій потомъ удивительныя полеты,—это все знаменитости теперь въ великомъ спортѣ будущаго, обѣщающемъ перевернуть все въ дѣлѣ мирныхъ сообщеній и враждебныхъ столкновеній между людьми и народами.

Особенно живо интересовался аэропланами Маклаковъ, которому ужасно хотѣлось подняться на воздухъ на одномъ изъ нихъ, и онъ просилъ Блеріо взять его съ собою. Блеріо сажалъ его на свой аппаратъ, объяснялъ управленіе имъ, но рѣшительно отказался взять его съ собою при полетѣ, въ виду сильнаго вѣтра, дѣлавшаго этотъ экспериментъ слишкомъ опаснымъ. Солнце приближалось къ горизонту, а вѣтеръ не утихалъ, и что всего хуже, дулъ порывами. Мы прошли къ трибунамъ, посмотрѣли на публику довольно-таки провинціального характера; среди нея виднѣлось много большихъ шляпъ, но мало хорошенькихъ женскихъ лицъ. Надо было уѣзжать на обѣдъ въ ратушу, а авіаторамъ страшно хотѣлось показать намъ свое искусство. Вѣтеръ чуть-чуть ослабѣлъ и Блеріо первый, сильно рискуя, рѣшился сдѣлать попытку полетѣть. Два раза онъ отдѣлялся отъ земли на 1 сажень, пролеталъ нѣсколько десятковъ сажень, красиво

рея надъ землей, но порывъ вѣтра снова прибавлялъ его къ землѣ.

Попытки Фербера и Поллана были еще менѣе удачны: они едва отдѣлились отъ земли. Но все-же благодаря этимъ авиаторамъ, главнымъ образомъ Блеріо, мы получили нѣкоторое представление о возможности летать на аппаратахъ тяжелой воздуха. Уже темнѣло, когда мадамъ Блеріо поднялась на свободномъ воздушномъ шарѣ, быстро пронеслась надъ нашими головами, провожаемая криками ура, пока не скрылась въ облакахъ. Послѣ этого мы поспѣшили на обѣдъ въ Ратушу.

Было почти девять часовъ вечера—время отъѣзда въ Парижъ, но мэръ насъ успокаивалъ завѣреніемъ, что директоръ приказалъ задержать нашъ экстренный поѣздъ на полъ часа или даже на часъ, если будетъ нужно. Старинное зданіе ратуши, недавно заново отремонтированное, очень красиво по наружной архитектурѣ и по внутренней отдѣлкѣ. Особенно красивъ залъ торжественныхъ собраний, украшенный историческими картинами, изображающими посѣщеніе Дуэ французскими королями. Интересны также оригинальные, громадные канделябры, рѣзные дубовые карнизы и гербы на стѣнахъ. Число блюдъ было сокращено для выигрыша времени, и мы быстро дошли до шампанскаго и до рѣчей.

Мэръ Дуэ привѣтствовалъ насъ, какъ друзей Франціи; сенаторъ Айэ говорилъ о необходимости промышленнаго и торговаго сближенія Россіи и Франціи, (ту-же мысль онъ подробно развивалъ мнѣ и въ частной бесѣдѣ, мы сидѣли рядомъ) и приглашалъ пріѣхать на будущій годъ, подробно познакомиться съ высокой сельскохозяйственной культурой сѣверной Франціи. Затѣмъ слѣдовала рѣчь д'Эстурнель-де-Констана, говорившаго здѣсь проще и съ большимъ подъемомъ, убѣдившись, повидимому, что за насъ онъ можетъ быть спокоенъ, и что наше свиданіе выйдетъ удачнымъ.

Отвѣтныя рѣчи началъ графъ Олсуфьевъ, благодарившій за радушный пріемъ, и провозгласившій тостъ за Францію. Потомъ Милюковъ сказалъ большую рѣчь, мѣстами очень интересную, приподнимавшую для французовъ завѣсу надъ совершенно имъ невѣдомыми сторонами нашей жизни и внутренней политики, мѣстами слишкомъ откровенную, въ

особенности о нашихъ отношеніяхъ къ Франціи. Ему много апплодировали. Затѣмъ членъ Государственнаго Совѣта Васильевъ, говорилъ о французской наукѣ и искусствѣ.

Наконецъ Маклаковъ, по прямому вызову д'Эстурнеля сказалъ красивую, горячую рѣчь. Онъ привѣтствовалъ новое геніально смѣлое завоеваніе Франціи, столь много обещающее для мірового прогресса, завоеваніе воздуха. Онъ говорилъ о естественномъ, спокойно дружественномъ отношеніи между Россіей и Франціей, которое вовсе не знаменуетъ охлажденія, такъ какъ Франція и Россія любятъ и уважаютъ другъ-друга не съ пыломъ страсти новобрачныхъ, въ первый мѣсяцъ послѣ свадьбы, а какъ давнишніе супруги, хорошо знающіе и понимающіе другъ-друга. Онъ кончилъ словами: „Теперь Франко-Русскій Союзъ, не соглашеніе только между Орсейской набережной и С.-Петербургскимъ кабинетомъ, это плодотворный союзъ двухъ великихъ народовъ“. Эта рѣчь очень понравилась, настроеніе постепенно подогрѣвалось, и задушевный тостъ д'Эстурнеля: *Vive la Russie!* былъ встрѣченъ дружными, сердечными возгласами. Гучковъ отвѣтилъ тремя словами: *Vive la France!*

Послѣдній тостъ за городъ Дуэ, и надо спѣшить на вокзалъ. Мы благодаримъ радушныхъ хозяевъ за ихъ сердечный пріемъ, обѣщаемъ возвратиться на будущій годъ на болѣе продолжительный срокъ, и наконецъ уѣзжаемъ, опоздавъ на добрый часъ.

По пути я говорилъ съ д'Эстурнелемъ и его секретаремъ, о желательности устроить одну изъ ближайшихъ конференцій Междупарламентскаго Союза въ Петербургѣ, указавъ имъ, что хотя для насъ 1912 годъ и удобенъ, но мы считаемъ его не подходящимъ, такъ какъ было-бы нецелесообразно по отношенію къ французамъ, звать ихъ въ Россію, въ эту годовщину. Мои собесѣдники согласились со мною, и мы пришли къ убѣжденію, что ранѣе 1913 года нельзя устраивать конференцій въ Россіи, а это значитъ, что ее будутъ устраивать уже новые члены Думы.

Д'Эстурнель приглашалъ насъ пріѣзжать частнымъ образомъ въ Парижъ, обѣщая принимать насъ у себя, если мадамъ д'Эстурнель будетъ дома, но предостерегалъ противъ поспѣшной, недостаточно подготовленной, официальной поѣздки членовъ Думы и Совѣта въ Парижъ. Онъ дру-

жески-покровительственно похлопывалъ меня и Маклакова по плечу, называлъ меня, то *cher président*, то *cher ami*, и подробно рассказывалъ о томъ, какъ онъ организовалъ свою группу, какъ другая группа, Лабиша, слаба, бездѣтельна, и вообще ясно намекалъ, что безъ него никакого визита организовать нельзя, но вмѣстѣ съ тѣмъ неоднократно повторялъ, что все сдѣлалось потому, что я къ нему зашелъ проѣздомъ въ Лондонъ, что поэтому я всему виновникъ. Говорилъ еще д'Эстурнель, что нашъ пріѣздъ имѣетъ громадное значеніе, что благодаря ему они, французы, увидѣли, что у насъ есть *tiers état*, есть люди, умѣющие говорить, есть „*de tels hommes!*“, и что теперь имъ легче оказывать моральную поддержку русской Думѣ.

Здѣсь интересно упомянуть, что „*Humanité*“ Жореса ни словомъ не обмолвилась о нашемъ пріѣздѣ, тогда какъ газеты умѣренного лагеря помѣщали сочувственные статьи. Такое молчаніе Жореса, въ виду прежняго отношенія социалистовъ къ третьей Думѣ, да еще какъ разъ во время инцидента Ландезена—Гартинга, понимается представителями парижской прессы, какъ доказательство симпатіи и благопріятнаго поворота въ сторону Думы.

Д'Эстурнель довольно подробно развивалъ также свою мысль, еще ранѣе имъ высказанную мнѣ, о необходимости давать ему, или вѣриѣ его секретарю, чиновнику канцеляріи Парижской Палаты Депутатовъ, собирающему матеріалы о дѣятельности всѣхъ парламентовъ, постоянныя свѣдѣнія о дѣятельности Государственной Думы и Государственного Совѣта. Во Франціи предполагается издавать специальные сборники, посвященные важнѣйшимъ фактамъ въ жизни всѣхъ парламентовъ, съ цѣлью способствовать ихъ взаимному ознакомленію и сближенію. Организованная д'Эстурнелемъ внѣпарламентская группа международного соглашенія (*Conciliation internationale*), ведущая это дѣло, имѣетъ платныхъ секретарей-корреспондентовъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, и готова платить жалованье 2500 франковъ подобному секретарю—корреспонденту и въ Петербургѣ, чтобы онъ постоянно давалъ на французскомъ языкѣ отчеты о важнѣйшихъ дѣйствіяхъ Думы.

Пребываніе наше въ Парижѣ, какъ и въ Лондонѣ, имѣетъ несомнѣнно крупное политически-воспитательное зна-

ченіе, оно кладетъ начало междупарламентскому международному общенію, содѣйствуетъ нашему вступленію въ семью культурныхъ, конституціонныхъ народовъ, оно, наконецъ, было въ высокой степени интересно для каждого изъ насъ. Но въ Парижѣ и Дуэ мы тратили уже свои послѣднія силы, и подвѣзжая къ Парижу вздохнули съ облегченіемъ: конецъ нашей официальной роли, когда нужно было взвѣшивать каждое свое слово, каждое дѣйствіе, конецъ торжествамъ, можно наконецъ отдохнуть, ставъ снова частнымъ лицомъ.

На вокзалѣ мы дружески простились съ ѣздившими съ нами сенаторами и директоромъ сѣверныхъ дорогъ, общались другъ-другу приложить всѣ старанія, чтобы эта встрѣча не была послѣдней, и разстались, наконецъ, довольные другъ-другомъ. Вернувшись въ гостиницу, я нашелъ въ своемъ номерѣ карточки Леруа-Болье, профессора Байера, президента совѣта Министровъ Клемансо и Министра Иностранныхъ Дѣлъ, а также совѣтника и секретаря нашего посольства. Уѣзжая рано утромъ, я послалъ имъ свои визитныя карточки по почтѣ, и отправился къ семьѣ въ Швейцарію отдыхать среди ея дивныхъ озеръ и горъ, отъ утомленій Думской работой и трехъ недѣль политическаго путешествія, столь богатаго разнообразными впечатлѣніями.

Ив. Ефремовъ.